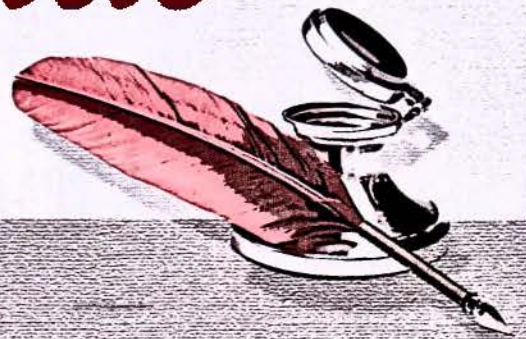

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО "ВТУ им. П.М. Машерова"

ТОМ 18

ВИТЕБСК 2014

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2014 • Том 18

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 28.10.2014 г.

Редакционная коллегия:

А.В. Егоров (*главный редактор*),
М.А. Слемнев (*зам. главного редактора*),
В.Ю. Боровко, П.А. Водопьянов, Е.В. Давлятова, А.Н. Дулов, В.С. Елисеев,
А.П. Косов, О.В. Лапатинская, И.В. Мандрик, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, М.А. Можейко,
С.А. Моторов, С.В. Николаенко, Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий, И.Р. Чикалова, В.М. Шорец

Редакционный совет:

София Абрамович (*Польша*), Зина Гимпелевич (*Канада*),
Эрик Екабсонс (*Латвия*), И.А. Королева (*Россия*), А.А. Михайлов (*Россия*),
В.Н. Никитин (*Россия*), Н.Л. Пушкарева (*Россия*), Т.А. Ященко (*Украина*)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим
и философским наукам

В54

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. –
Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – Т. 18. – 154 с.

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2014

Оглавление

Contents

История

Мандрик И.В. Планы и реалии промышленного развития Витебщины в период 1976–1985 гг.

5

Величко Н.В. Влияние позиций политических партий Франции и их лидеров на политику французского руководства по германскому вопросу в 1945–1949 гг.

21

Дианова Т.Б. Оборонительные бои за Витебск летом 1941 года

32

Кобринец В.А. К вопросу о «ефимках с признаками» в Беларуси (по материалам Актовой книги Полоцкого магистрата 1656–1657 гг.)

38

Косов А.П. Политика США в отношении Китая в период президентства Дж. Буша-ст.

45

Кривчиков В.М. Состояние запасов продовольствия, предназначенных для войск Западного Особого военного округа, накануне Великой Отечественной войны ..

53

Лисов А.П. Константин Михайлович Ермолаев: путь в русскую революцию ...

60

Моторова Н.С. Отношение губернской администрации к органам городского самоуправления в 1870–1892 гг. (по материалам Витебской губернии)

68

Марцынкевіч І.А. Пасляваенная штодзённая і інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны

73

Скрипник А.Ю. Репрессивные меры российских органов власти в отношении солдат-дезертиров и населения Правобережной Украины в первой половине XIX ст.

82

Философия

Будз В.П., Гоян И.Н. Гуманизм как фактор воспитания национальной и общечеловеческой духовности

93

Кривоносова Е.Э. Национализм в современном мире: идеология и политическая практика

101

Кубасов Е.А. Демографический кризис восточнославянских народов: пути преодоления

107

History

Mandrik I.V. Plans and Realities of the Industrial Development of Vitebsk Region between 1976 and 1985

5

Velichko N.V. Influence of the Positions of French Political Parties and their Leaders on the Policy of French Authorities Concerning the German Issue in 1945–1949

21

Dianova T.B. Defensive Battles for Vitebsk in the Summer of 1941

32

Kabrynets V.A. On the Issue of “yefimki s pryznakami” in Belarus (according to Polotsk Magistrate Register of 1656–1657)

38

Kosov A.P. The U.S. Policy towards China during George H.W. Bush Presidency

45

Kryuchykau U.M. State of Food Supplies for Troops of the Western Special Military District on the Eve of the Great Patriotic War

53

Lisov A.G. Konstantin Mikhailovich Yermolayev: the Way to Russian Revolution .

60

Motorova N.S. Attitude Of Provincial Administration to the Bodies of Municipal Government in 1870–1892 (on Materials of Vitebsk Province)

68

Martsynkevich I.A. Postwar Daily Life of the Disabled and Participants of the Great Patriotic War

73

Skrypnyk A.Yu. Repressive Measures of the Russian Authorities Concerning Soldiers Deserters and the Population of the Right-Bank Ukraine in the First Half of the 19th Century

82

Philosophy

Budz W.P., Goyan I.N. Humanism as a Factor of Education of National and All Mankind Spirituality

93

Krivososova E.E. Nationalism in the Contemporary World: Ideology and Political Practice

101

Kubasov E.A. Ways to Overcome Demographic Crisis of East Slavonic Peoples

107

<i>Цыбульскі М.Л.</i> Інтэрпрэтацыі катэгорыі “традыцыя” ў тэорыі і практыцы мастацтва мадэрнізму і постмадэрнізму	114	<i>Tsybulski M.L.</i> Interpretations of the Category of Tradition in the Theory and Practice of the Art of Modernism and Postmodernism	114
--	-----	---	-----

Филология

<i>Белицкая Е.Н.</i> Эпистемиологические основы динамической семантики онима	123	<i>Bielitska Y.N.</i> Epistemological Underpinning of the Proper Name Dynamic Semantics	123
<i>Николаенко С.В.</i> Проблемы формирования социокультурной компетенции: теоретические аспекты	127	<i>Nikolayenko S.V.</i> Issues of Shaping Social and Cultural Competence: Theoretical Aspects	127
<i>Чучкевич И.В.</i> Методика моделирования денотативной структуры текста	133	<i>Chuchkevich I.V.</i> Procedure for Modeling the Text Denotative Structure ...	133
<i>Падстаўленка В.Ф.</i> Казачны свет А. Дударова: дыскурсыя вытокі, ідэйна-тэматычная скіраванасць твораў, іх падзейны драматызм	143	<i>Podstavlenko V.F.</i> Fairy Tale World by A. Dudarev: Discursive Origins, Conceptual and Thematic Focus of Works, their Factual Dramatic Effect	143

УДК 94(476)

Планы и реалии промышленного развития Витебщины в период 1976–1985 гг.

Мандрик И.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

На этапе 1976–1985 гг. промышленность Витебской области развивалась как составная часть единого народно-хозяйственного комплекса республики. На многих промышленных предприятиях были рациональные подходы к разработке и внедрению в производство новой техники и технологий. Наблюдалась высокая производственная и общественно-политическая активность трудящихся. Значительным был вклад предприятий области в экономический потенциал Советской Белоруссии. Однако приоритет централизованного планирования в управлении экономикой, ошибки при внедрении хозяйственного расчета ограничивали творческую мощь главной составляющей производительной силы – человека – не позволяли ему реализовать в полной мере свои таланты и способности.

Цель работы – выявить и определить возможность преемственности советской экономики с ныне функционирующей экономической системой Республики Беларусь при решении крупнейших экономических и научно-технических проблем.

Материал и методы. В работе использованы документальные материалы государственного архива Витебской области, государственные статистические сборники, авторские публикации.

Методологической базой исследования являются историко-сравнительный метод, принципы историзма, достоверности и объективности, социальности, системного рассмотрения изучаемых фактов и явлений.

Результаты и их обсуждение. В представленной статье раскрываются особенности формирования отраслевой структуры промышленного комплекса Витебской области в период 1976–1985 гг. Анализируется деятельность партийных и государственных структур и трудовых коллективов по внедрению научно-технических достижений и экономических методов хозяйствования, которая вывела Витебщину на высокий уровень социально-экономического развития с четко выраженной специализацией. Показано, как наряду с традиционно развитой легкой и деревообрабатывающей промышленностью на этом этапе преимущественное значение приобретали отрасли, определяющие научно-технический прогресс: станкостроение, энергетика, приборостроение, химическая, нефтехимическая, топливно-энергетическая. Рассматриваются противоречивость и сложность процесса развития индустрии Витебской области в условиях централизованного управления, ограниченной самостоятельности предприятий, а также и рациональные подходы к разработке и применению новой техники и технологий на промышленных предприятиях области. Раскрывается феномен общественной активности трудящихся, роль передовиков и новаторов в рационализации производственных процессов, их лидерство в совершенствовании организации труда, повышении качества продукции. Показаны в статье и слабые стороны централизованного планирования и управления развитием промышленного комплекса, которые были очевидными в данный период и отрицательно сказывались на повышении производительности труда, выпуске качественной продукции.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что на этапе 1976–1985 гг. промышленное развитие области было связано с формированием индустриального общества. Промышленность области в эти годы прирастала как количественно, так и качественно. Показатели развития промышленного производства на Витебщине были одними из самых высоких в БССР. Посредством труда и через труд большинство рабочих, инженерно-технических работников и служащих стремились реализовать свой человеческий потенциал, раскрыть свои способности. Однако модернизация производства, внедрение производительного оборудования, эффективных технологий происходили с большим торможением из-за консервативного управления. Неразвитость форм собственности и отсутствие достаточной хозяйственной инициативы предприятий не позволили своевременно учитывать меняющиеся запросы общества, сдерживали развитие инициативы.

Ключевые слова: модернизация, научно-техническая революция, производственные объединения, трудовая и общественно-политическая активность, отраслевая структура, материальное благосостояние.

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 5–20)

Адрес для корреспонденции: e-mail: ivan_mandrik@mail.ru – И.В. Мандрик

Plans and Realities of the Industrial Development of Vitebsk Region between 1976 and 1985

Mandrik I.V.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Between 1976 and 1985 the industry of Vitebsk Region developed as a constituent part of the whole public economy complex of the Republic. A lot of industrial enterprises had appropriate approaches to the development and introduction into production of new technologies. High production as well as social and political activity of workers was observed. Contribution of the Region enterprises into the economic potential of Soviet Belarus was considerable. However the priority of centralized planning in the management of the economy, mistakes in introducing the management independence limited the creative potential of the main productive force – man – didn't make it possible for him to fully implement his talents and abilities.

The purpose of the work is to find out and identify the possibility of the continuity of Soviet economy and the now functioning economical system of the Republic of Belarus while solving biggest economical and scientific and technical problems.

Material and methods. *Document materials of the State Archive of Vitebsk Region, state statistics collections, authors' publications are used in the work.*

The methodological basis of the study is historical and comparative method, principles of historicism, authenticity and objectivity, sociality, system consideration of the studied facts and phenomena.

Findings and their discussion. *In the article peculiarities of the formation of the branch structure of the industrial complex of Vitebsk Region between 1976–1985 are revealed. Activities of the Party and state bodies as well as labour collectives on the introduction of scientific and technological advances and economical methods of management are analyzed which lead Vitebsk Region onto a high level of social and economic development with distinct specialization. It is shown how along with the traditionally developed light and wood processing industries on this stage priority was given to branches of scientific and technological progress such as machine building, power production, tool production, chemical, oil and chemical, heating power management. Controversy and complexity of the process of industry development of Vitebsk Region in the conditions of centralized management, limited independence of enterprises are shown as well as rational approaches to the development and application of new technologies at industrial enterprises of the Region. The phenomenon of social activity of workers, role of advanced workers and innovators in upgrading industrial processes, their leadership in the improvement of labor organization and product quality, are disclosed. Weak sides of centralized planning and management of the development of the industrial complex are also indicated in the article, which were evident in that period and negatively influenced the increase of labour output and manufacturing quality product.*

Conclusion. *The analysis indicates that between 1976 and 1985 the industrial development of the Region was connected with setting up industrial society. The Region industry in those years grew both quantitatively and qualitatively. Parameters of the development of the industrial production were among the highest in the BSSR. By means of labour and through labour most workers, engineers and office workers strived to implement their human potential, reveal their abilities. However, modernization of industry, introduction of high production equipment, efficient technologies were impeded through conservative management. Undevelopment of ownership forms and lack of sufficient management initiative of enterprises didn't make it possible to timely consider changing requirements of the society, retarded the development of initiative.*

Key words: *modernization, scientific and technological revolution, production associations, labour and social-political activity, branch structure, material well being.*

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 5–20)

За счет напряженного труда рабочих, инженерно-технических работников и служащих Белорусская Советская Социалистическая Республика к середине 1970 г. добилась ощутимых результатов в техническом, технологическом и культурном развитии. В это время в республике положено начало новому этапу научно-технической революции, шло строительство тысяч крупных заводов и фабрик, средних и мелких предприятий. Промышленность страны в общесоюзном масштабе имела четко выраженную специализацию, которая заключалась в сборке изделий на основе довольно высокой квалификации производственного персонала. БССР была признанным лидером индустриального общества, ее называли сборочным цехом Советско-

го Союза. Особенностью белорусской промышленности этого периода являлась высокая доля ориентированных на экспорт предприятий. Качество продукции белорусских предприятий было одним из самых высоких в Советском Союзе. Произведенная здесь продукция поставлялась более чем в 100 стран, в том числе в развитые капиталистические государства. Существенно возрастали доходы трудящихся. Значительная часть совокупного общественного продукта направлялась на общественные нужды – образование, здравоохранение, науку, культуру. Ставилась задача реализовать высшую цель социалистического общественного производства – добиться более высокого уровня развития производительных сил и на этой основе обеспечить наиболее

полное удовлетворение материальных и культурных потребностей народа.

Промышленность Витебской области развивалась как составная часть единого народно-хозяйственного комплекса республики. На многих промышленных предприятиях имелись рациональные подходы к разработке и внедрению в производство новой техники и технологий. Наблюдалась высокая производственная и общественно-политическая активность трудящихся. Значительным был вклад предприятий области в экономический потенциал Советской Белоруссии. В масштабах республики на конец 1982 г. в области производилось 100% льняных тканей и полиэтилена, более 50% электроэнергии, около 40% станков, 77% ковров и ковровых изделий, 53% чулочно-трикотажных изделий [1, с. 2]. В области, как и в целом в республике, происходил рост жизненного уровня населения, улучшалось качество жизни людей. Однако в силу конкретных исторических условий (время «холодной войны», огромные затраты в военном промышленном секторе), отставания отечественной экономической науки, преувеличения роли централизованного планирования в управлении экономикой, ошибок при внедрении хозяйственного расчета, в силу существовавших противоречий между планированием и товарно-денежными отношениями, которые чувствительно затрагивали деятельность предприятий и отраслей, в социалистическом хозяйственном механизме происходили сбои. Все эти и другие факторы, которые будут отмечены в основной части статьи, ограничивали творческую мощь главной составляющей производительной силы – человека, не позволяли ему реализовать в полной мере свои таланты и способности.

Актуальность данной статьи определяется тем, что, вскрывая противоречивость и сложность процесса развития индустрии Витебской области в условиях централизованного управления, ограниченной самостоятельности предприятий, в ней раскрываются, прежде всего, рациональные подходы по стимулированию разработки и применению новой техники и технологий на многих промышленных предприятиях области, показаны примеры творческого отношения талантливых, духовно богатых людей в процессе производства. Показано также и то, что прямая демократия – участие трудящихся в управлении производством и их общественно-политическая активность (что современные исследователи пыта-

ются обойти молчанием, а если отражают, то с большим уклоном в негативную сторону), хотя и не была задействована полностью – была реальной действительностью.

Цель работы – выявить и определить возможность преемственности советской экономики с ныне функционирующей экономической системой Республики Беларусь при решении крупнейших экономических и научно-технических проблем; доказать, что в новой смешанной экономике XXI ст. должны быть сохранены как общенародные те сектора и предприятия социалистического народного хозяйства, которые показали в период 10-й и 11-й пятилеток не меньшую эффективность, чем аналогичные предприятия в западных странах.

Материал и методы. В работе использованы документальные материалы государственного архива Витебской области: сведения, взятые из протоколов партийных конференций, заседаний бюро обкома, горкомов и райкомов КПБ, средств массовой информации, раскрывающие механизм принятия решений о повышении эффективности промышленного производства и усиления стимулирования труда в отраслях народного хозяйства на этапе 1976–1985-х гг. В дополнение к ним автор опирался на данные государственных статистических сборников, анализировал приведенные в них результаты экономического развития промышленного производства за обозначенный период; сделал на их основе авторские выводы об эффективности и преимуществах широко применяемой в это время бригадной формы организации труда, других новшеств, которые способствовали формированию работника нового типа.

Методологической базой исследования являются историко-сравнительный метод, принципы историзма, достоверности и объективности, социальности, системного рассмотрения изучаемых фактов и явлений.

Результаты и их обсуждение. Несмотря на непоследовательность в осуществлении преобразований в управлении и планировании, экономическом стимулировании производства, которое носило название экономической реформы Косыгина (вводилась в стране с 1965 г.), к 1975 г. промышленность области имела существенные достижения. В конце 9-й пятилетки Витебская область превзошла трехмиллиардный рубеж годового производства промышленной продукции. На новые, более высокие показатели промышленному

комплексу области предстояло выйти в ближайшие пять лет. По прогнозным данным в 1980 г. выпуск промышленной продукции следовало довести до 4,1–4,2 млрд рублей. Намечалось за пять лет получить прибавку в выпуске промышленной продукции, которая равнялась достигнутому к этому времени годовому экономическому потенциалу городов Полоцка и Новополоцка вместе взятых.

За 1976–1980 гг. в области должны были быть построены и введены новые крупные предприятия: второй завод доломитовой муки «Гралево», завод цветных телевизоров в Витебске, завод белково-витаминных концентратов в Новополоцке, третья очередь Лукомльской ГРЭС и ряд других важнейших для всей страны объектов. Объем промышленного производства следовало увеличить не менее чем на 37%, выпустить сверх плана продукции на 245 млн рублей, в том числе на 90 млн рублей – товаров народного потребления [2, с. 4–6]. Подъем народного благосостояния населения области, как и в стране в целом, должен был в дальнейшем обеспечиваться на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства, повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях хозяйственного комплекса.

На собрании партийно-хозяйственного актива в марте 1976 г. в докладе первого секретаря обкома КП Белоруссии С.М. Шабашова отмечалось, что выполнить в полной мере эту сложную задачу можно будет лишь в том случае, если партийные организации смогут избрать наиболее действенные формы и методы повышения производственной и общественно-политической активности трудящихся. По мнению докладчика и выступавших в прениях участников, тот потенциал, который был заложен в социалистическом строе в предшествующие годы в трудовых коллективах использовался не полностью [2, с. 10–14].

Сегодня, по прошествии достаточно большого времени с изучаемых лет, можно говорить о правильности этого вывода: в предшествующие 10-й пятилетке годы руководящие структуры области уделяли внимание формированию работника с новыми ценностями и установками на производительный трудовой процесс. Руководствуясь чувством патриотизма, многие трудящиеся рачительно относились к общественной собственности, что

приводило к позитивным изменениям в экономике и социальной сфере. Однако по объективным и субъективным причинам, полностью использовать свои возможности на высокопроизводительный труд удавалось не всем. Наряду с десятками хорошо оснащенных и эффективно работающих предприятий (Полоцкий завод «Стекловолокно», Оршанский льнокомбинат, Витебский ковровый комбинат, фабрика им. «КИМ», производственное объединение «Монолит») в области имелись и малорентабельные промышленные предприятия, где была высока доля ручного труда, не налажена ритмичность производства. Теоретическая посылка, озвученная еще в 1950-х гг., о том, что качественное изменение производительных сил требует превращения науки в ведущий фактор производства, непосредственную производительную силу, в практической части полного воплощения не имела. Поэтому на этапе 1970-х гг. предстояло в первую очередь осуществить крупномасштабную программу по внедрению в производство достижений научно-технического прогресса. Ставка делалась на комплексное освоение научно-технических достижений, создание систем машин и механизмов, которые смогли бы целиком охватить весь технологический процесс, полностью механизировать и автоматизировать трудоемкие виды производства не на отдельных, а на всех функционирующих предприятиях области. Не была упущена проблема пассивного отношения части работающих к труду, которая проявлялась в таких формах, как низкая производительность труда, прогулы, появление на рабочих местах в нетрезвом состоянии, хищение изделий с предприятий и прочие негативные проявления, не свойственные социалистическому обществу. Важнейшее значение в решении конкретных задач экономического развития и социального прогресса и в эти годы было отведено воспитанию сознательного отношения человека к труду. Включение рабочих в активную трудовую деятельность велось через апробированные формы идеологической и массово-политической работы – экономическое и политическое образование, поднятие роли общественных формирований (отделов кадров, советов трудовых коллективов, советов наставников, товарищеских судов, конечно же) и через развитие социалистического соревнования. Уже на старте пятилетки на предприятиях области появилось немало полезных инициатив и починов: «Пя-

тилетке качества – рабочую гарантию», «От высокой производительности труда передовиков производства – к эффективной работе коллективов». Инициативы исходили с передовых предприятий железнодорожного транспорта, легкой промышленности и станкостроения. О стремлении работать с наивысшей производительностью труда и высоким качеством заявили сотни бригад и тысячи рабочих промышленных предприятий, строительства, других отраслей. Рабочие бригады помощников мастера П.П. Близняева, Г.П. Толочко, В.М. Зяблицына Полоцкого завода «Стекловолокно» выступили инициаторами соревнования за выпуск продукции высокого качества всеми рабочими бригады, с присвоением права называться «Бригадой отличного качества». В марте 1976 года только на своем предприятии их поддержали 60 бригад. Многие рабочие приняли на обслуживание сверх типовые зоны, выпуская при этом продукцию отличного качества [2, с. 68]. И хотя отдельные почину создавались искусственно и о них быстро забывали, число инициаторов творческого отношения к труду постоянно росло, среди них было много добросовестных людей, мастеров своего дела. Швея фабрики «Знамя индустриализации» Л.Б. Горбукова, возвратившись из Москвы, где она как делегат от областной партийной организации участвовала в работе XXV съезда КПСС, предложила свою помощь подругам по работе в освоении передовых приемов в трудовом процессе с тем, чтобы они смогли выйти на показатели уровня передовиков в своей отрасли. Свое личное пятилетнее задание Горбукова обязалась выполнить за три с половиной года [2, с. 66]. С хорошими показателями начали пятилетку строители. Бригада маляров ордена Ленина треста «Нефтьстрой» (бригадир Л.Ф. Яскевич также являлся делегатом XXV съезда КПСС) уже в конце февраля направила рапорт съезду партии о выполнении квартального задания первого года 10-й пятилетки. В этом году почти 75% рабочих и более 10 тысяч инженеров и техников области трудились на основе разработанных индивидуальных обязательств и личных творческих планов. Более 26 тысяч, или 20% от всех работающих, составили личные планы повышения производительности труда по опыту, предложенному рабочими московского завода «Динамо» [3, с. 14].

Примеры ответственного отношения к выполнению своего рабочего долга имелись в комсомольско-молодежной среде. Более 21 ты-

сячи молодых тружеников области сдавали продукцию с первого предъявления, около 2 тысяч добились на этом этапе права работать с личным клеймом. Годовой государственный план первого года пятилетки по производству и реализации промышленной продукции, а также выпуску важнейших видов изделий был выполнен предприятиями области досрочно (28 декабря 1976 г.). За счет встречных планов и личных обязательств выпущено на 56 млн рублей сверхплановой продукции. По сравнению с предыдущим 1975 г. объем производства увеличился на 4,5%, вместо 2,6% запланированных [3, с. 9]. Однако, по-прежнему трудно решалась задача внедрения достижений науки и техники в производство. Тех показателей, которые определялись государственным заданием по модернизации производства и были прописаны в областных обязательствах и планах трудовых коллективов на этот хозяйственный год, на целом ряде предприятий достичь не удалось. Из-за преувеличения административно-командных, канцелярских начал в управлении, механизмы экономической реформы 1965 г. стали к этому времени терять свою первоначальную суть. У части трудоспособных людей сознание еще оставалось потребительским. Не проявляя должного усердия, исполнительности и ответственности на производстве, они ориентировались на уравнительную оплату без учета реального трудового вклада. Злободневной оставалась проблема трудовой и производственной дисциплины. Наиболее массовым пороком среди работников промышленности было пьянство, прогулы. Из-за высоких потерь рабочего времени на отдельных промышленных предприятиях области в течение года срывались планы по поставкам продукции потребителям с учетом договорных обязательств. Имелось отставание и в капитальном строительстве. План строительно-монтажных работ выполнен только на 96,8%, не введено в действие основных фондов на общую сумму 103 млн рублей. Руководство области искало пути воздействия на отстающие участки. В апреле 1977 года пленум обкома партии обсудил состояние социально-экономического развития области, принял постановление о ликвидации отставания допущенного в прошедшем году, обозначил рубежи промышленного и сельскохозяйственного производства, с которыми трудовым коллективам предстояло встречать юбилейную дату – 60-ю годовщину Октябрьской социали-

стической революции. Руководителям предприятий и объединений, профсоюзным организациям было рекомендовано сосредоточить внимание на качественных параметрах работы за счет автоматизации производства. Задача своевременного обновления и модернизации основных производственных фондов нашла широкое общественное одобрение в трудовых коллективах области. Ведущее место в использовании интенсивных методов в развитии производств на данном этапе занимали руководители, партийные и профсоюзные организации коврового и домостроительного комбинатов, производственного объединения «Монолит». Тысячи рабочих, инженерно-технических работников и служащих области этих и других, последовавших за ними предприятий, включили в свои обязательства пункт о совершенствовании технологического процесса на своем рабочем месте и выполнении за счет повышения производительности труда двухлетнего задания пятилетки к 7 ноября 1977 г. Ткачиха Оршанского льнокомбината О.В. Федукевич, выступая на областном профсоюзном форуме (февраль 1980 г.), заверила участников, что за счет **«четкой организации труда на рабочем месте, постоянного совершенствования выполнения рабочих приемов, рационального использования каждой сэкономленной секунды и большой любви к своей профессии»**, она до 22 апреля 1980 г. выполнит 14 годовых норм (отсчет она вела с начала 10-й пятилетки) (выделено нами. – И.М.). Ориентиром для нее самой являлись достижения знатных ткачих страны Валентины Плетневой, Алевтины Смирновой, с которыми она соревновалась по договору, заключенному через газету «Труд» [4, с. 38]. О том, что слова известной на всю страну ткачихи и других ударников труда Витебщины не разойдутся с их производственными делами, можно было не сомневаться. Как правило, у инициаторов и их последователей, пункты, занесенные в обязательства, о больших объемах выпуска продукции высокого качества, экономии сырья, материалов, выполнении общественных работ, подкреплялись делами. Многотысячный коллектив Оршанского льнокомбината уже в первых числах октября 1977 г. заявил о выполнении планов двух лет пятилетки по производительности труда и выпуску продукции. Только за период с 1 июля 1976 г. по 1 октября 1977 г. здесь из сэкономленного сырья выработано сверхплановой продукции на 5,5 млн рублей.

Производительность труда за это короткое время на комбинате повысилась на 11,2 процента, 25 работниц комбината выполнили по три и более годовых норм. Сама же О.В. Федукевич, обслуживая шесть станков (вместо двух по норме. – И.М.), к этому времени завершила пятилетнее задание и обязалась до конца года выполнить еще две годовые нормы. Сдержали свое слово и другие новаторы производства. Швея фабрики «Знамя индустриализации» М.В. Анибраева, размотчица Полоцкого завода «Стекловолокно» Г.К. Борейко, ткачиха коврового комбината Н.К. Хотькина, токарь-расточник завода им. Коминтерна М.С. Титов, рабочая производственного объединения «Керамика» Е.И. Большакова, ткачиха Оршанского льнокомбината Л.П. Улахович, включившись в соревнование, за счет прилежности совершенства владения техникой и технологией производства выпускали на своих рабочих местах в 2–3 раза продукции больше, чем другие работники этих же профессий.

В Октябрьском районе города Витебска 18 тысяч рабочих заявили о выполнении принятых обязательств накануне юбилейной даты, 32 труженика выполнили к этому времени план трех лет пятилетки. Более 2 тысяч человек трудились по графику 1978 г., а 259 рабочих находились в графике середины 1979 г. (выполнили план двух с половиной лет пятилетки). Швея фабрики «Знамя индустриализации», Герой Социалистического Труда М.В. Анибраева до 30 августа 1977 г. выполнила план равный 3,5 годовым норм. Следуя ее примеру, 76 работниц фабрики к этому времени справились с выполнением плана 3-х лет.

Понимая исключительно важное значение технической оснащенности труда на предприятиях, партийные комитеты, советские и общественные организации стремились к радикальной модернизации и техническому перевооружению производства. На партийных, рабочих собраниях, заседаниях ПДПС с регулярным постоянством заслушивалась информация руководителей предприятий, инженерных служб о реализации планов по усовершенствованию технической основы производства. Вопросы о техническом состоянии оборудования и его модернизации регулярно выносились на повестку дня заседаний парткомов и профкомов, всех структур исполнительной власти. В принимаемых постановлениях жесткие требования предъявлялись к инженерным службам предприятий. От них требовали ежедневного поиска сокращения

сферы использования рабочих профессий с тяжелым ручным трудом и низкой квалификацией путем масштабных инженерных разработках на самом предприятии. Разрешение этой проблемы на местах искали и через привлечение работающих к рационализации и изобретательству. На многих предприятиях для разработки и внедрения новшеств выделялось финансирование, рабочим и инженерно-техническим работникам создавались благоприятные условия в реализации их творческих предложений. Ценную инициативу в это время выдвинула партийная группа бригады сверловщиков завода заточных станков, которую возглавлял В.Т. Иванов. Изучив опыт рабочего округа Франкфурт-на-Одере Карла Хайнца-Хюбнера (город ГДР, побратим Витебска. – *И.М.*), члены бригады решили за счет внедрения новых приспособлений и инструментов, освоения станков с числовым программным управлением повысить производительность труда на 7,5 процента против ранее принятых обязательств, а план 2 лет пятилетки выполнить чуть не на 2 месяца раньше срока – не позднее 7 ноября 1977 г. [5, с. 11].

На заводе электроизмерительных приборов в Витебске, рассмотрев на заводском совещании вопрос о техническом совершенствовании производства, организовали соревнование среди инженерно-технических работников по ускорению научно-технического прогресса. Инженеры и техники отделов и цехов разрабатывали творческие паспорта, предусматривающие персональный вклад в модернизацию оборудования и внедрение новой техники и наиболее рациональных инструментов, оснастки, приспособлений, средств механизации, а также оказание конкретной помощи рабочим при их участии в техническом творчестве. Ход выполнения личных творческих планов осуществлял общественный научно-методический совет завода, советы ВОИР и НТО. На предприятии регулярно подводились итоги соревнования, победителям присваивались звания «Лучший инженер» и «Лучший техник», выплачивалось солидное материальное вознаграждение. Проводимая всеми заводскими службами и общественными формированиями работа не была напрасной: на штамповочном и сборочных участках завода произошло сокращение ручного труда, на 25% увеличилось число рационализаторских предложений, повысилась эффективность от их внедрения [6, с. 29].

Большая работа по повышению интенсивного фактора на производстве в этой пятилетке проводилась на других предприятиях областного центра. Партийные, советские и профсоюзные организации, хозяйственные органы города были нацелены на рациональное использование основных фондов, производственных мощностей и повышение фондоотдачи. В июне 1977 года вопрос о состоянии использования производственных мощностей стал предметом обсуждения на пленуме горкома партии. Горком КПБ потребовал от первичных организаций перестройки стиля партийной работы, усиления партийного влияния на производственную деятельность политическими методами. Было отмечено, что если на предприятии или в организации хозяйственные задачи решаются неудовлетворительно, планы не выполняются, качественные показатели низкие, партийный комитет будет рассматривать это состояние через призму того, что представляет собой передовая часть этого коллектива – ее партийная организация, каково ее внутреннее состояние и как она воздействует на производственные дела, в чем проявляется роль коммуниста в коллективе. Используя анализ, расчеты и рекомендации ученых и специалистов, бюро ГК КПБ предложило партийным организациям, руководителям промышленных предприятий, функционирующим в городе, продумать и последовательно решать проблему использования производственных мощностей за счет повышения коэффициента сменности работы оборудования. Рекомендовано поднять коэффициент сменности работы оборудования от имевшегося в пределах 20–29%. Довести его в станкостроении до 1,75–1,85%, в приборостроении до 1,8%. Предприятия справились с поставленной задачей, промышленность города досрочно вышла на контрольные задания пятилетки. Все годы этой пятилетки город удерживал переходящее Красное Знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ [7, с. 48].

Содержательно велась работа по внедрению новых видов техники и совершенствованию технологического процесса на предприятиях, связанных с выпуском продукции оборонного значения. Хорошим примером для других коллективов являлся опыт в использовании производственных фондов на производственном объединении «Монолит». Здесь за счет внедрения автоматической системы контроля времени работы оборудования, дру-

гих усовершенствований организации труда за первые два года пятилетки объем производства был увеличен на 42,4%, производительность труда – на 35,9%, а фондоотдача возросла на 14%. Практика работы парткома и администрации объединения «Монолит» по созданию комплексной системы управления производством и состояние этой работы на других промышленных предприятиях обстоятельно обсуждалась в июне 1979 г. на пленуме областного партийного комитета. Здесь отмечено, что коммунисты предприятия сумели создать творческую атмосферу, объединить вокруг себя работающих и направить энергию на решение поставленных задач. В том же году опыт трудового коллектива «Монолита» по эффективному использованию производственных фондов получил одобрение в ЦК Компартии Беларуси. Широкое распространение он нашел в трудовых коллективах области и республики.

Сдвиги к лучшему должны были, в принципе, быть достигнуты благодаря еще одному нововведению этого времени. В стране развернулось движение за коллективный высокопроизводительный труд. В начале 1970-х гг. на Волжском автомобильном заводе положено начало эксперименту по осуществлению бригадной формы организации труда. Ее новизна заключалась в том, что все члены бригады работали по единому наряду. Коэффициент трудового вклада давал возможность распределять общий заработок бригады между рабочими согласно усердию, проявленному каждым из них в процессе труда. Такой вариант организации труда поощрял рабочих к освоению и совмещению смежных профессий и операций, что позволяло формировать в бригаде устойчиво высокий производственный результат и стабильность. В 1975 г. на бригадной форме организации труда в строительном комплексе области (здесь была отмечена наибольшая отдача) работало более 200 бригад, они выполняли 20% общего объема работ. В последующем, отметив прогрессивное воздействие бригадной организации на повышение производительности труда и качество продукции, в стране (12 июля 1979 г.) было принято решение о пропаганде и внедрении «бригадного метода», названного «методом Злобина» (по фамилии строителя, прославившегося благодаря этому предложению. – И.М.). Идея была проста: группа трудящихся брала на себя обязательство выполнить порученную ей работу к определенному числу, как прави-

ло, с опережением «нормативно» определенного срока, не допуская брака и увеличения стоимости работ. Уровень оплаты труда работникам бригада распределяла по своему усмотрению. По сути дела, бригада представляла собой самоуправляющийся коллектив, интересы которого совпадали с интересами предприятия. В них происходили благотворные процессы, содержались важные ростки на пути демократизации управления производством и укреплением морального единства коллектива.

Одним из первых в республике бригадную форму организации труда начал осваивать коллектив Новополоцкого объединения «Полимир». В 1981 г. Министерство химической промышленности СССР определило это предприятие базовым по разработке и внедрению системы организации и оплаты труда по бригадной системе с учетом особенностей этой отрасли. На предприятии было сформировано 194 бригады, в том числе 84 комплексные с охватом более 3,5 тысяч человек, что составляло 91,4% всех работающих. Внедрение бригадной системы в объединении направлялось отделом труда и заработной платы и комитетом профсоюза. Благодаря широкому внедрению данного метода в бригадах установился, как и следовало ожидать, благоприятный моральный климат и устойчивый производственный режим. Преимущество нового подхода позволило предприятию прочно встать на путь интенсивного развития. Высвободив около 25% работающих, объединение увеличило объемы выпуска товарной продукции. В объединении вырабатывалось около 40% общесоюзного нитрило-акриловой кислоты и волокна нитрона, 20% полиэтилена. Бригады в объединении стали центрами воспитания работающих [8, с. 389]. В 1982 году коллектив предприятия признан победителем социалистического соревнования в честь 60-летия СССР. Ему вручены переходящие Красные знамена ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Целенаправленностью по переходу предприятий на бригадную форму организации труда выделялись в это время Витебский станкостроительный завод имени Кирова, Лукомльская ГРЭС, завод белково-витаминных концентратов в Новополоцке, областное производственное управление строительства и эксплуатации автомобильных дорог. Здесь коллективам бригад устанавливались годовые задания, они переводились на хозрасчет, все

члены бригады имели обязательства по экономному использованию сырья, электроэнергии. С участием советов бригад осуществлялся строгий учет реального вклада каждого рабочего в общие результаты, что повышало ответственность и организованность членов коллектива, создавались условия для производительного труда. Значение бригадной организации труда было отмечено в принятом в 1983 г. Законе о трудовом коллективе. В дальнейшем количество занятых в бригадах постоянно увеличивалось. В 1985 году бригадной формой труда на промышленных предприятиях области было охвачено около 80% рабочих, более 12% из них работали на основе внутреннего самоуправления.

В поле зрения партийных комитетов и советских исполнительных органов области находились вопросы эффективного использования парка вагонов, автомобилей, решение проблемы рациональности перевозок. В Витебске, Орше, Полоцке проведены семинары секретарей партийных организаций транспортных и промышленных организаций по изучению опыта Челябинского обкома КПСС по сокращению простоев вагонов под грузовыми операциями. В целях налаживания заинтересованности и повышения ответственности за эффективное использование трудовых, материальных и финансовых ресурсов было налажено межотраслевое соревнование железнодорожников с автотранспортниками и коллективами промышленных предприятий. Комплексным соревнованием за лучшее использование вагонов было охвачено 40 железнодорожных станций и 147 предприятий промышленности области. В эти годы осуществлена радикальная реконструкция железнодорожной станции Витебск, внедрена маршрутизация перевозок грузов на Витебском отделении Белорусской железной дороги. В результате принятых мер простой вагонов на подъездных путях отделения сократился против принятой нормы на 0,23 часа, в короткое время исключено 72 тыс. тонн нерациональных перевозок. Темпы роста производительности труда на железнодорожном транспорте за пять лет составили 110 процентов, производительность труда локомотива – 110,7 процента. На два процента возрос средний вес поезда [9, с. 6, 7]. Совершенствовалась и укреплялась материально-техническая база других видов транспорта и связи.

При подведении итогов работы промышленных предприятий области за это пятилетие

обнаружились как успехи, так и недостатки. К успехам было отнесено то, что за годы пятилетки построено 9 новых крупных предприятий. В установленные сроки в действие, как и намечалось, введены второй завод доломитовой муки «Гралево», завод цветных телевизоров в Витебске, завод белково-витаминных концентратов в Новополоцке, Оршанский завод по производству форм и оснастки, третья очередь Лукомльской ГРЭС, Новолукомльский хлебозавод, освоены новые производственные мощности завода известковой муки в Витебске, другие объекты.

В 1980 году на территории области функционировало 185 промышленных объединений и предприятий станкостроения, радиоэлектроники, приборостроения, металлообработки, нефтеперерабатывающей и нефтехимической, химической, легкой, пищевой, мясомолочной промышленности, стройиндустрии и деревообработки. Коллективы 136 предприятий и организаций области, более 2300 цехов, участков и бригад досрочно завершили выполнение пятилетних заданий. Одна треть предприятий области обеспечивала в годы пятилетки весь прирост продукции с уменьшением числа работающих. На действующих предприятиях реконструирован каждый третий цех, механизировано 330 производств, цехов и участков, введено в эксплуатацию 390 механизированных, поточных и автоматизированных линий, модернизировано 7 тысяч единиц действующего оборудования. Среднесуточный выпуск изделий за эту пятилетку вырос на 18,6%. Продукция со Знаком качества в общем объеме производства в 1980 году составляла 21%. За счет внедрения мероприятий по новой технике на промышленных предприятиях высвобождено условно более 20 тысяч человек. С хорошими показателями завершили пятилетку коллективы заводов «Красный октябрь», электроизмерительных приборов, коврового объединения, производственного объединения «Полоцкстекловолокно», фабрики «Знамя индустриализации», комбикормового завода в Глубоком, Лукомльской ГРЭС, фабрики «Знамя индустриализации» и многие другие. Трудовые коллективы Новополоцкого нефтеперерабатывающего завода и объединения «Полимир» добились наименьших удельных расходов топлива, электро- и теплоэнергии на тонну перерабатываемого сырья среди родственных предприятий своей отрасли [10, с. 22].

За 1976–1980 гг. в народное хозяйство области направлено более 2,7 млрд рублей ка-

питательных вложений, что на 13% больше, чем за предыдущих 5 лет. Последовательно осуществлялась концентрация производства, совершенствовалось его управление. На начало 1981 г. действовало 31 производственное объединение. Честно работали на этом этапе десятки тысяч трудящихся области. Свыше 61 тысячи передовых рабочих области рапортовали об успешном завершении личных обязательств. Сверх плана произведено товаров более чем на 265 млн рублей [10, с. 22].

Успехи в развитии народного хозяйства, целенаправленная социальная политика государства создавали возможности для поступательного роста материального благосостояния и культурного уровня населения области. Реальные доходы на душу населения увеличились на 19,4 процента, заработная плата рабочих и служащих – на 21 процент. Существенно возросли вклады городского и сельского населения в сберегательные кассы. Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли возрос почти на 29 процентов, объем бытовых услуг населению – в 1,5 раза, построено 107 магазинов, сеть общественного питания увеличилась на 21 тысячу посадочных мест. В городах и сельской местности построено 2,9 млн кв. м жилья, что позволило улучшить жилищные условия 265 тысячам человек [11, с. 16].

Нерешенной проблемой всех предприятий, в том числе и промышленных, этого периода оставалась проблема формирования на предприятиях перспективных и текущих производственных планов. Вышестоящие союзные планирующие органы постоянно увеличивали предприятиям план по товарной продукции и реализации и, как обычно, сокращали выделение запрашиваемых предприятиями (согласно расчетам) материальных ресурсов и средств на капиталовложения. Похвальный, казалось бы, подход рачительного использования материальных и финансовых средств являлся причиной невыполнения предприятиями мероприятий, связанных с техническим и организационным совершенствованием производства. На отдельных предприятиях вместо активного перевода экономики на интенсивные методы развития, широкого использования достижений научно-технической мысли, продолжался процесс вовлечения в производство дополнительных трудовых ресурсов, росли объемы нового промышленного строительства. Такие методы управления вызывали «пробуксовку» в деятельности предприятий. Доля прироста производительности

труда за счет научно-технического прогресса в пятилетии на предприятиях области составила менее 50% при задании 75–80%. Не выполнено задание по снижению удельного веса тяжелого ручного труда (численность вспомогательных рабочих осталась на уровне 1975 года), на 11,6 процента снизилась фондоотдача. Неустойчиво работали в отдельные годы 10-й пятилетки заводы заточных станков, крупнопанельного домостроения в Витебске, форм и оснастки, трактороремонтный в Орше, комбинат строительных материалов в Полоцке и ряд других. Не удалось выйти на запланированные рубежи по выпуску продукции со Знаком качества. Велики были простои вагонов при выгрузке на предприятиях. Много допускалось «пустых» (без грузов) пробегов автомобилей. Имели место срывы планов поставки продукции по договорным обязательствам, а также приписки объемов выполняемых работ [11, с. 16–19]. Не выполнено государственное задание по росту объемов производства на 8,5 и производительности труда на 9,5 пункта. Объяснением этому стало то, что в годы этой пятилетки не была обеспечена даже предусмотренная Госпланом СССР поставка комплектующих и сырья для заводов цветных телевизоров, белково-витаминных концентратов, инструментального, предприятий мясомолочной и пищевой промышленности.

В 11-й пятилетке основное внимание на промышленных предприятиях обращалось на повышение производительности труда. За счет этого экономического фактора необходимо было получить три четверти прироста объемов производства. Правда, относительно прежних планируемых высоких объемов в 70–80%, на эту пятилетку они были определены в масштабах 20–23%. Но если учесть, что увеличение выпуска продукции в области только на один процент в год тогда равнялось приросту объемов на 40–45 млн рублей, что соответствовало годовой программе витебских заводов им. Коминтерна и электроизмерительных приборов вместе взятых, становится понятными сложности решения этой задачи. Высокие рубежи предстояло взять станкостроителям, которые занимали ведущую роль в техническом перевооружении других отраслей. Им предстояло увеличить выпуск продукции на 33,3 процента, изменить структуру выпускаемой продукции, разработать и освоить производство более совершенных, высокопроизводительных станков, оснащенных числовым программным управлением и мик-

ро-ЭВМ. Строители области должны были увеличить объем капитальных вложений более чем на 20 процентов [9, с. 14].

Как и в предыдущих пятилетках, пример добросовестного труда показывали передовики и новаторы производства. На предприятиях принимались повышенные обязательства. О готовности повысить производительность труда, экономно использовать материалы и энергоресурсы заявили тысячи трудящихся области. Почин швей-мотористки фабрики «Знамя индустриализации» Н.М. Матюшевской: «Годовое задание за семь месяцев, а пятилетку за два с половиной года» только в Витебске поддержало более 7 тысяч передовиков производства. Большая часть из них подкрепляли свои обязательства практической работой. На Новополоцком нефтеперерабатывающем заводе 3800 рабочих выполнили обязательства первого квартала текущего года. Уже 10 февраля 1981 г. 9 дней в этом квартале предприятие работало на сэкономленных во время производственного процесса энергоресурсах. На предприятиях Витебска 12,5 тысяч рабочих справились с намеченным на первый квартал заданием в феврале текущего года. Локомотивные бригады Витебского депо до 23 февраля (День Красной Армии и Военно-Морского флота СССР) перевезли сверх плана в тяжеловесных поездах 3,6 млн тонн грузов, сэкономив при этом 133,5 тонны дизельного топлива. Отличилась в это время своей прилежностью в работе комсомольско-молодежная смена, возглавляемая машинистом-инструктором Г.С. Пиульским [12, с. 3]. Однако в конце ноября 1981 г. промышленные предприятия области, чего не наблюдалось ранее, оказались в республике в числе отстающих. В течение одиннадцати месяцев значительное число предприятий не справилось с государственным заданием по росту объемов продукции, планами по техническому перевооружению производства и росту производительности труда. В начале декабря 1981 года на пленуме обкома партии было отмечено, что добиться надлежащего качества работы и эффективности в промышленном производстве за текущее время 11-й пятилетки не удалось. 25 промышленных предприятий не выполнили планов одиннадцати месяцев. Долг потребителям по не произведенной и не поставленной продукции составил 7,3 млн рублей [13, с. 8]. Расчеты показывали, что для успешного завершения плана этого года промышленным предприятиям необхо-

димо было в оставшийся месяц произвести продукции не менее 10 процентов годового объема. После состоявшихся совещаний с руководством отстающих предприятий в партийных и государственных органах, в отдельных случаях с оргвыводами (по отношению к руководителям предприятий), необходимый ритм на производстве был обеспечен. С заданием по объемам производства и реализацией продукции справились все без исключения предприятия. План по основным технико-экономическим показателям в промышленности был выполнен. Социалистические обязательства трудящихся области были перекрыты, сверх плана выпущено продукции на 16 млн рублей. Производительность труда в промышленности выросла на 5,3% вместо предусмотренных 3,4%, а объем продукции вырос на 7,4% при задании 6% [14, с. 1, 2]. Но критический подход к состоянию промышленного производства показал (об этом говорилось в марте 1981 года на собрании актива областной партийной организации), что в партийном и советском аппарате присутствуют элементы канцелярско-бюрократического стиля в работе, отсутствует конкретная персональная ответственность кадров за порученные участки деятельности. В решениях данного форума и в принятых по обсуждаемому вопросу постановлениях были определены два пути ликвидации негативных явлений и успешного решения планов социально-экономического развития. Первый путь обязывал партийные организации и советские структуры вести активную работу по интенсификации производства, внедрению новой техники и технологии, средств механизации и автоматизации. Предлагалось обеспечить перевод на механизированный труд не менее 54 тысяч рабочих, занятых ручным трудом. Второй путь – совершенствование организации труда на научной основе. Здесь намечалось наиболее полно применять динамовский, щекинский и вазовский методы, которые сложились на указанных предприятиях как наилучший тип управления коллективами трудящихся и на практике обеспечивали высокую производительность труда. Партийные комитеты вынуждены были обратить пристальное внимание на подбор и расстановку кадров промышленных и транспортных отделов в партийных аппаратах, поднять ответственность хозяйственных руководителей и инженерных служб предприятий за конечные результаты.

1982 год – второй год 11-й пятилетки пришелся на юбилейный год – 60-летия образо-

вания СССР. В трудовых коллективах области развернулась подготовка достойной встречи этой исторической для страны даты. Инициативу москвичей по развертыванию соревнования в честь этой даты под девизом «Честь и слава – по труду!» первыми в области поддержали коллективы Полоцкого локомотивного депо, фабрики «Знамя индустриализации», Оршанского льнокомбината, цеха № 16 производственного объединения «Монолит», депутатская группа завода им. Кирова, возглавляемая расточником В.С. Крицким. Они приняли обязательства, в которых определили свои действия по совершенствованию организации труда. Инициаторы призвали трудящихся области сделать, как они решили для себя, чтобы «образцовый порядок на производстве стал нормой каждого дня». Бюро областного комитета партии потребовало от партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций при проведении идеологической и организаторской работы строго увязывать ее с мерами по совершенствованию хозяйственного механизма. В течение этого года в работе промышленных предприятий области наблюдалась стабильность. Объемы производства и производительность труда оказались выше плановых. За счет роста производительности труда получено 72 процента прироста промышленного производства. Сократилось число отстающих предприятий. Нарастивали объемы выполняемых работ строители. За два года они ввели в действие основных фондов в 1,3 раза больше, чем за соответствующий период 10-й пятилетки. Выполнили план ввода жилья, школьных и дошкольных учреждений, объектов здравоохранения [15, с. 9]. Лучшей строительной организацией, которая имела высокие результаты, в эти годы был трест № 28 «Витебскгражданжилстрой». План 1982 г. по генеральному подряду строительно-монтажных работ в сумме 21 млн рублей коллектив треста завершил еще 8 декабря и дополнительно построил объектов на 1,5 млн рублей.

Нельзя не отметить плодотворную работу в эти годы коллектива Витебского конструкторского бюро зубошлифовальных и заточных станков (СКБ ЗШ и ЗС): 65 процентов спроектированных здесь в 1982 г. станков гарантировало повышение производительности труда в полтора–два раза. По итогам работы за 1982 г. конструкторское бюро заняло второе место среди аналогичных учреждений министерства станкостроительной промыш-

ленности СССР. Тесное сотрудничество конструкторов со станкостроительными заводами позволило создать и внедрить в серийное производство комплекс высокопроизводительного, высокоточного оборудования. За эту работу большой группе работников Оршанского станкостроительного завода «Красный борец», витебского завода им. Кирова и конструкторского бюро СКБ ЗШ и ЗС присуждена Государственная премия Белорусской ССР 1982 г. в области науки и техники [16, с. 1]. На завершение 1982 г. удельный вес промышленного производства в области составлял более 70% ее совокупного валового общественного продукта. Годовой объем промышленной продукции составлял уже 4 млрд рублей. За один месяц ее выпускалось больше, чем за весь 1940 г. Это в 230 раз больше, чем в дореволюционное время.

По итогам работы за 1982 г. город Витебск и целый ряд трудовых коллективов вышли победителями во Всесоюзном социалистическом соревновании. Город Орша, Железнодорожный район г. Витебска, коллективы Витебского локомотивного депо и завода «Эвистор» отмечены как лучшие в масштабах республики. Однако 10 предприятий области в этот год не смогли выполнить план по реализации продукции и 11 – по производительности труда. Хотя удельный вес их в целом был невелик (около 6%), но государство недополучило от них продукции на 5 млн рублей.

В последующие годы с применением демократических, конечно же, и командно-административных методов, порой с применением «штурмовщины», отстающие предприятия удалось вывести на уровень выполнения доведенных заданий. Уже в начале августа 1985 г. промышленность области по темпам развития вышла на контрольные цифры пятилетки [17, с. 1]. Важное значение в наращивании объемов продукции за счет роста производительности труда предприятиями области имел проводимый в 1984–1985 гг. широкомасштабный эксперимент по расширению прав и повышению ответственности предприятий за производство и сбыт продукции. Все коллективы легкой, мясомолочной промышленности и бытового обслуживания области, участвующие в эксперименте, добились высоких темпов роста производительности труда, выполнили в полном объеме договорные обязательства перед потребителями [18, с. 1]. Справились с плановыми заданиями по основным технико-экономическим показателям.

телям предприятия станкостроения, транспорта, связи, строительства. Коллективы станкостроительных заводов области и специального конструкторского бюро зубошлифовальных и заточных станков создали и освоили в годы пятилетки выпуск нового поколения высокоавтоматизированного оборудования с широким внедрением микропроцессорной техники. 85% станков этой серии было удостоено государственного Знака качества. Успех станкостроителей и конструкторов был настолько значимым, что многие рабочие, ИТР и служащие этой отрасли, снова, как и в 1982 г., отмечены Государственной премией Белорусской ССР в области науки и техники.

Зрелым подходом к совершенствованию технологического процесса, организации труда и управления все годы этой пятилетки отличалась деятельность трудовых коллективов производственных объединений «Полимир» и «Монолит». Производственный опыт лучших рабочих здесь становился достоянием всех тружеников, широко внедрялся комплексно-технологический метод обслуживания оборудования, развивались передовые приемы организации труда. Например, в объединении «Полимир» в 1985 году в составе хозрасчетных бригад объединилось 93,7% рабочих. При значительном сокращении промышленного персонала объем промышленной продукции на предприятии был увеличен более чем на 12 млн рублей, свыше половины изделий выпускалось с государственным Знаком качества [19, с. 43–44]. Стабильное развитие предприятия следует во многом отнести на счет его генерального директора Л.Н. Новожилова. Высокая компетентность в управлении производственным коллективом Льва Витальевича получила высокую оценку. В 1985 году ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В производственном объединении «Монолит» в 1985 году одну треть осваиваемого вновь оборудования изготавливали собственными силами. Заслуга в таком важном деле принадлежит созданным здесь творческим бригадам по ускорению сроков разработки и внедрения нового оборудования (бригады формировались из инженеров и рабочих-рационализаторов).

Кроме социалистического соревнования трудящиеся области в рассматриваемый период проявляли свою активность в других формах общественно-политической жизни. Наиболее важным было их участие в управлении производством посредством рабочих соб-

раний. Регулярное проведение рабочих собраний с актуальными повестками дня было в это время нормой. Такой подход регламентировался Положением о социалистическом государственном предприятии. На рабочих и профсоюзных собраниях обсуждались поставленные перед трудовыми коллективами задачи, социалистические обязательства, планы социального и экономического развития, коллективные договоры. Большое значение рабочим собраниям придавалось на Оршанском льнокомбинате, Витебском заводе электроизмерительных приборов, локомотивном депо Витебск и Полоцк, объединении «Полоцкстекловолокно» и др. Актуальность повесток рабочих собраний, продуманность принимаемых решений имели большое значение для повышения активности трудящихся. Всестороннее заинтересованное обсуждение выносимых на них проблем теснее связывало людей с производством, являлось важнейшим средством воспитания у них добросовестного отношения к труду. Естественно, можно говорить и о том, что в организации и проведении рабочих собраний имелся и целый ряд недостатков. В части трудовых коллективов нарушалась периодичность в их проведении, вопросы обсуждались не глубоко, в обсуждении участвовали одни и те же персоналии, отсутствовал учет критических замечаний. При проведении очередного собрания забывали информировать участников собрания о выполнении ранее принятых решений.

Одной из наиболее активных, проверенных практикой форм привлечения трудящихся к управлению производством в советское время были постоянно действующие производственные совещания (ПДПС). Архивные данные свидетельствуют: на начало 1977 г. в Витебской области функционировало 663 ПДПС, из них общезаводских – 557, цеховых – 106, с числом членов 33781, в т.ч. рабочих в ПДПС входило 23010. Затем количество ПДПС было несколько сокращено: в 1983 г. их насчитывалось 638, в т.ч. заводских – 532, а число членов ПДПС находилось примерно на одном уровне (1983 г. – 33092). Судя по архивным документам, в 1983 г. проведено 2750 заседаний ПДПС, на них присутствовало 196484 рабочих и служащих, принято 6260 предложений, из которых только 14,5% остались не реализованными. ПДПС являлись в эти годы наиболее демократическим средством принятия решений на основе коллективного опыта. Демократизм в деятельности ПДПС обеспечивался составом его членов, ши-

роким представительством рабочих и служащих, партийного, профсоюзного и комсомольского актива, членов ВОИР и НТО. Рабочие и служащие, включенные в работу ПДПС, участвовали в разработке проектов текущих и перспективных планов развития предприятий, заслушивали сообщения руководителей производства об итогах хозяйственной деятельности и принимали по ним обоснованные решения. Администрация предприятий обязана была устранять указанные производственным совещанием недостатки в деятельности структурных подразделений предприятия. В производственном объединении «Монолит» постоянно действующие совещания были созданы как на головном предприятии, так и во всех его филиалах. Для взаимодействия президиумов совещаний, координации их работы здесь избран совет представителей. В ходе подготовки заседаний ПДПС создавались комиссии, которые обстоятельно анализировали положение дел на местах, собирали и систематизировали материал для доклада, готовили рекомендации. Заседания производственных совещаний в объединении обычно начинались с сообщений представителей администрации о выполнении предложений, занесенных в протокол на предыдущих заседаниях. Рекомендации, принятые на совещании, после детального обсуждения становились основой для издания директорских приказов и распоряжений. Вместе с тем производственные совещания далеко не везде проводились регулярно, не всегда подобающим образом готовились. Касалось это, прежде всего, экономически слабых предприятий.

Совершенствовалась деятельность других творческих объединений трудящихся. Развитие рабочей инициативы в техническом перевооружении производства осуществлялось через такие организации, как научно-техническое общество (НТО) и Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов (ВОИР). На 1 января 1984 г. в области было создано 138 общественных конструкторских бюро, 1343 комплексных творческих бригад, 69 общественных патентных бюро и 60 советов новаторов. В эти организации входило около 9 тысяч человек. В середине 1980-х годов в области насчитывалось 688 первичек ВОИР, творческой работой в них занималось более 71 тысячи человек. Несмотря на то, что деятельность в отдельных творческих организациях была заформализована, иногда нарушались сроки рассмотрения поданных пред-

ложений, медленно развивалось творческое содружество рабочих, инженеров и специалистов, данные творческие формирования приносили несомненную пользу: они будили творческую мысль, повышали трудовую активность рабочих и ИТР, боролись с недостатками в организации производства. На Витебском отделении Белорусской железной дороги, Витебском заводе им. Кирова и Оршанском «Красный борец» в рационализаторском движении участвовало около 80% инженеров и техников. Ежегодно более 20 тысяч работающих на предприятиях области подавали рационализаторские предложения и около 3 тысяч человек – заявки на предполагаемые изобретения. Распространенной и массовой формой организации технического творчества трудящихся стали в эти годы комплексные творческие бригады, которые объединяли рабочих и инженерно-технических работников. Статистика отмечает, что 80% поданных рацпредложений и чуть менее 50% заявлений на изобретения признавались оправданными. Экономия от их внедрения, например, в масштабах области (при полноценном рубле, который тогда равнялся доллару. – И.М.) составляла в 1981 г. – 10,3; 1982 г. – 7,4; 1983 г. – 8,3 млн рублей [4, с. 69, 70]. Включение интенсивных факторов в период 1985 г. позволило ликвидировать на промышленных предприятиях области 1500 неэффективных рабочих мест и около 900 единиц устаревшего оборудования. За счет этого, а также за счет совершенствования организации труда за эту пятилетку в целом условно высвобождено 20 тысяч работающих. Освоено производство 960 новых изделий. В 2,5 раза увеличен выпуск продукции высшей категории качества. Стабильно устойчиво развивались промышленные предприятия областного центра. Здесь весь прирост продукции получен за счет роста производительности труда. Такие показатели определили то, что Витебск на конец 1985 г. в восьмой раз стал победителем Всесоюзного социалистического соревнования «За высокую эффективность и качество работы в одиннадцатой пятилетке». Такой же оценки удостоились трудовые коллективы завода им. Кирова, швейного объединения «Рассвет», Лукомльской ГРЭС, производственное объединение «Полимир», дорожно-строительный трест № 1 Министерства строительства и эксплуатации автомобильных дорог, Полоцкое производственное лесозаготовительное объединение.

Как видно, многие предприятия области в рассматриваемые годы совершенствовали практику хозяйствования и управления, ориентировались на качественные показатели, вели техническое переоснащение, работали рентабельно. Вместе с техническим переоснащением производства в области шло строительство новых объектов и расширение существующих предприятий. Происходила концентрация производства и рабочей силы. Прилагались усилия по совершенствованию методов труда и его оплаты. Шло внедрение бригадного подряда. Все это способствовало тому, что продукция промышленности в 1985 г. увеличилась в сравнении с 1970 г. более чем в 3 раза, в том числе производство средств производства – в 3,3, производство предметов потребления – в 2,6 раза. Существенное влияние на развитие промышленности в годы 10-й и 11-й пятилеток оказывала транспортная система. Главная тяжесть перевозок приходилась в это время на железнодорожный вид транспорта. На его долю на завершение 11-й пятилетки приходилось более 52% грузовых и около 40% пассажирских перевозок. Самоотверженный труд и активная общественная деятельность выдвинули в число передовиков и новаторов производства большой отряд рабочих станкостроения, транспорта, легкой промышленности и других отраслей. В их числе Герои Социалистического Труда М.В. Анибраева, А.С. Козлов, кавалеры орденов Трудовой Славы II и III степени Л.П. Улахович, О.В. Федукевич, Г.М. Хвощов, Н.А. Виташкевич, Кавалер ордена Красного Знамени А.М. Мариничева. Высокими производственными результатами в труде прославились ткачихи производственного объединения «Стекловолокно» С.В. Цура и Т.А. Есинова, размотчица этого же предприятия Г.К. Борейко, ткачиха коврового комбината Н.К. Хотькина, токарь завода им. Коминтерна Б.Н. Дякин и токарь-расточник М.С. Титов, рабочая производственного объединения «Керамика» Е.И. Большакова, машинист-инструктор Витебского локомотивного депо Е.Т. Червяков. Настоящие идеалы, духовный мир этих и десятков тысяч передовиков и новаторов производства Витебщины, которые внесли свой вклад в укрепление белорусского государства, историкам и публицистам еще предстоит раскрыть и по достоинству оценить.

Заключение. Анализ изученных документов показывает, что на этапе 1976–1985 гг. промышленное развитие области было связано с формированием индустриального обще-

ства на основе механизации и автоматизации с учетом использования научно-технического прогресса. С каждым годом промышленность области прирастала как количественно, так и качественно. В строй действующих были введены крупнейшие в СССР предприятия. Увеличивались объемы промышленного производства, на предприятиях вводились более производительная техника и передовые технологии. Показатели развития промышленного производства на Витебщине были одними из самых высоких в БССР. За эти годы оно кратно увеличилось. Успехи при решении непосредственных производственных задач на промышленных предприятиях области в эти годы во многом определялись осознанной заинтересованностью широких слоев трудящихся в их выполнении. Посредством труда и через труд большинство рабочих, инженерно-технических работников и служащих стремились реализовать свой человеческий потенциал, раскрыть свои способности. Трудовое самовыражение сотен тысяч витеблян было направлено на достижение коллективных целей и решение государственных задач. Однако преувеличения роли централизованного планирования в управлении экономикой, ошибки при внедрении хозяйственного расчета, внеэкономическое принуждение к труду – все эти и другие факторы ограничивали творческую мощь человека, не позволяли ему реализовать в полной мере свои таланты и способности. Экономика области, как и БССР в целом, на этапе 1976–1985 гг. теряла ранее наблюдавшийся динамизм. По сравнению с предыдущим периодом в промышленном производстве наступил спад. Так, если за 8-ю и 9-ю пятилетки объем производства в промышленности возрастал в среднем более чем на 70%, производительность труда – свыше 40%, то в 10-й пятилетке объем производства вырос только на 24,5, производительность труда – на 13,5%. А в годы 11-й пятилетки эти показатели составили соответственно 20 и 13,1%. Модернизация производства, внедрение производственного оборудования, эффективных технологий происходили с большим торможением из-за консервативного управления. Создавались новые структуры, разрастался управленческий аппарат и в то же время страдали качество управленческих решений, скорость их принятия и реализации. Отсутствие самостоятельности предприятий в решении проблем производства вынуждало их руководителей при принятии решений вести согла-

сования самых незначительных вопросов в вышестоящих инстанциях. На это уходило много времени. Имелся значительный временной разрыв между разработкой новой техники и внедрением ее в производство. Глубокого хозрасчета, группового распоряжения собственностью, что требовалось для подлинных социалистических отношений на этом этапе не произошло. Неразвитость форм собственности и отсутствие достаточной хозяйственной инициативы предприятий не позволили своевременно учитывать меняющиеся запросы общества, сдерживали развитие инициативы. Часть директоров предприятий, чтобы справляться с трудностями в пору неритмичной работы предприятия, сохраняли излишнюю рабочую силу. В сфере управления производством нужны были более радикальные шаги. Выбор легких решений, преобладание в управлении паллиативных мер, влияние и возможности которых к этому времени были уже полностью исчерпаны, отказ от намеченных радикальных экономических преобразований – все это обусловило не ускорение в развитии советской экономики, как предполагалось директивами, а замедление.

В 1985 г. на апрельском Пленуме ЦК КПСС был принят курс на глубинную перестройку всех сфер жизни советского общества. Вера в социалистические идеалы у людей в это время сохранялась. Ускорение социально-экономического развития страны в рамках социалистического выбора, идеалов и ценностей как задача на предстоящий период была воспринята населением с пониманием. Было желание в следующей 12-й пятилетке преодолеть присущие государственному социализму деформации, полнее раскрыть потенциальные возможности

общенародной собственности на средства производства, провести демократизацию и реформирование политических институтов государства. Почему эти намерения не осуществились, а социализм в нашей стране не использовал свой шанс – задача для отдельного исследования, в котором важно будет выявить причины этой крупной исторической неудачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Віцебскі рабочы. – 1982. – 28 дек.
2. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Фонд 1. – Оп. 136. – Д. 78.
3. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 137. – Д. 70.
4. Мандрик, И.В. Профсоюзы Витебщины: середина 1960-х годов – настоящее время / УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”». – Витебск, 2014. – 79 с.
5. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 136. – Д. 24.
6. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 2116. – Д. 216.
7. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 151. – Д. 86.
8. Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Мінск: Современная школа, Экоперспектива, 2011. – Т. 6: Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]; рэд.кал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – 728 с.: іл.
9. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 148. – Д. 80.
10. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 148. – Д. 8.
11. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 151. – Д. 2.
12. Віцебскі рабочы. – 1982. – 23 февр.
13. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 151. – Д. 16.
14. Віцебскі рабочы. – 1982. – 13 янв.
15. Материал в помощь идеологическому активу. – Витебск, 1983. – 25 с.
16. Віцебскі рабочы. – 1983. – 1 янв.
17. Віцебскі рабочы. – 1986. – 18 янв.
18. Віцебскі рабочы. – 1986. – 2 февр.
19. Партийная жизнь. – 1985. – № 17. – С. 43.

Поступила в редакцию 19.11.2014 г.

Принята в печать 29.12.2014 г.

УДК 94(44)“1945/1949”:327

Влияние позиций политических партий Франции и их лидеров на политику французского руководства по германскому вопросу в 1945–1949 гг.

Величко Н.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В истории Франции 1945–1949 гг. можно наблюдать широкий спектр политических партий. Крупнейшими и самыми популярными из них были Французская коммунистическая партия (ФКП), Социалистическая партия Франции (СФИО), «Народно-республиканское движение» (МРП), партия радикалов, «Республиканская партия свободы» (РПС), «Объединение французского народа» (РПФ). Все они в той или иной степени реагировали на германскую проблему. Именно их позиции, а также взгляды партийных лидеров определяли политику французского руководства по германскому вопросу.

Цель – проследить позиции ведущих политических партий Франции и их лидеров по германскому вопросу и влияние их концепций на деятельность французского руководства в германской политике.

Материал и методы. Для написания данного исследования были использованы следующие источники: выступления партийных лидеров, заявления, программы политических партий, содержащиеся в монографиях А. Корфа и Э. Биоля в качестве документов и материалов, приложений, документы из Архива внешней политики Российской Федерации, а также французская периодическая печать 1945–1949 гг. Основными методами являлись метод сравнительного анализа, описательный метод и метод исторической ретроспекции.

Результаты и их обсуждение. Со времени освобождения Франции и вплоть до принятия Конституции 1946 г. во Франции существовал Временный режим. Страной управляло Временное правительство во главе с Ш. де Голлем. С уходом Ш. де Голля в отставку началось правление трехпартийной коалиции. С января 1946 г. по май 1947 г. коалиция ФКП, СФИО и МРП являлась основой для формирования почти всех французских правительственных кабинетов. Некоторые исследователи называют этот период «трипартизмом». Эра «трипартизма» во французском правительстве сменилась периодом коалиции «третьей силы». Этот период характеризовался активным участием партии радикалов и умеренного крыла правых партий во французском правительстве, а также отстранением ФКП от участия в правительстве. С середины 1947 г. работа французского правительства находилась под влиянием партии РПФ. В исследовании рассматриваются позиции ФКП, СФИО и ее видных деятелей С. Грумбах, В. Ориоля, Д. Майера, Г. Молле, Л. Блюма, МРП и ее лидеров Ж. Бидо и Р. Шумана, партии радикалов, «правых неголлистов» и РПФ и Ш. де Голля по германской проблеме и прослеживается их влияние на политику французского парламента и правительства в германском вопросе.

Заключение. Позиции политических партий и их лидеров по германскому вопросу определяли германскую политику французского руководства в 1945–1949 гг. Однако ни одна партия не смогла придерживаться единой линии поведения. Их позиции менялись в зависимости от международной обстановки или потребности получения большинства во властных структурах. В ряде случаев позиция партии по германской проблеме представляла собой мнение отдельных ее лидеров. Французские коммунисты поддерживали руководство принципами четырех «Д» держав-победительниц в деле обращения с послевоенной Германией. Они разделяли идеи расчленения Германии, ее демилитаризации, репараций, отделения Рура, Рейнской области и Саара. СФИО выступала за создание Объединенной Европы, чтобы не допустить возрождения Германии. МРП расценивалась во Франции в качестве ведущей силы в деле создания «европейской» Германии. Позиция радикалов в германском вопросе определялась внешнеполитическими реалиями и периодически изменялась. «Правые неголлисты» («вишисты» и «моррасьены») постоянно блокировали обсуждение германского вопроса в парламенте и правительстве. Представляющая «голлистов» РПФ, с одной стороны, являлась проводником европейского пути решения германского вопроса, а с другой – она опасалась быстрых темпов реализации германской политики.

Ключевые слова: германский вопрос, «голизм», Французская коммунистическая партия (ФКП), Социалистическая партия Франции (СФИО), «Народно-республиканское движение» (МРП), партия радикалов, «правые неголлисты», «вишисты», «моррасьены», «Республиканская партия свободы» (РПС), «голлисты», «Объединение французского народа» (РПФ).

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 21–31)

Адрес для корреспонденции: e-mail: ninakosmach@mail.ru – Н.В. Величко

Influence of the Positions of French Political Parties and their Leaders on the Policy of French Authorities Concerning the German Issue in 1945–1949

Velichko N.V.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

In history of the France of 1945–1949 a wide spectrum of political parties can be observed. The biggest and most popular of them were French Communist Party (FCP), Socialist Party of France (SFIO), “People’s Republican Movement” (MRP), the Party of Radicals, “Republican Party of Liberty” (RPL), “Association of French People” (RPF). All of them reacted to the German issue in this or that degree. Their positions and ideas of the party leaders determined the policy of French authorities concerning the German issue.

The purpose is to trace positions of leading parties of France and their leaders on the German issue as well as influence of their concepts on the activities of French authorities in German policy.

Material and methods. *The following sources were used in the research: speeches of party leaders, statements, programs of political parties which are contained in the monographs by A. Corf, E. Biol as documents and materials, supplements, documents from the Archive of Foreign Policy of Russian Federation as well as French periodicals of the 1945–1949-s. The basic methods are the method of comparative analysis, the descriptive method and the historical retrospective method.*

Findings and their discussion. *From the liberation of France up to the adoption of 1946 Constitution Temporary regime existed in France. The country was ruled by Temporary government with Charles de Gall at the head. With Ch. de Gall’s resignation the three party coalition government started. January 1946 to May 1947 FCP, SFIO and MRP coalition was the basic for building up almost all French government Cabinets. Some researchers call this period “tripartism”. The “tripartism” era in the French government was followed by the period of “third power” coalition. This period was characterized by active participation of the party of Radicals and the moderate wing of right parties in the French Government as well as by removal of FCP from the government. From the mid 1947 the work of French Government was under the influence of RPF. The research considers positions of FCP, SFIO and its prominent figures S. Grumbach, V. Oriol, D. Meier, G. Mollet, L. Blum, MRP and its leaders J. Bidot and R. Shumann, the party of Radicals, “right neogallists”, RPF and Ch.de Gall on the German issue, and traces their influence on the policy of French Parliament and Government concerning German issue.*

Conclusion. *Positions of the political parties and their leaders on the German issue determined the German policy of French leadership in 1945–1949. However no party followed a single line of behavior. Their positions changed depending on the international situation or on the need to get majority in administration structures. In some cases a party position on the German issue was an opinion of the party leaders. French communists supported leadership by means of 4 “Ds” of the state-winners when treating the post war Germany. They shared the ideas of splitting Germany, its demilitarization, reparations, Ruhr, Rein Region and Saar separation. SFIO defended the idea of creating United Europe, so that revival of Germany couldn’t take place. MRP was considered in France to be the leading force in creating “European” Germany. The position of radicals in the German issue depended on the foreign policy and changed from time to time. “Right non Gallists” (“Vichists” and “Morrasiens”) constantly blocked the discussion of the German issue in Parliament and Government. RPF, which represented “Gallists” was a conductor of European way of solving the German issue, on the one hand, while on the other, it was afraid of quick implementation of the German policy.*

Key words: *German issue, “Gallism”, French Communist Party (FCP), Socialist Party of France (SFIO), “People’s Republican Movement” (MRP), Party of Radicals, “Right non Gallists”, “Vichists”, “Morrasiens”, “Republican Party of Liberty” (RPL), “Gallists”, “Association of French People” (RPF).*

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 21–31)

В истории Франции 1945–1949 гг. можно наблюдать широкий спектр политических партий. Крупнейшими и самыми популярными из них были Французская коммунистическая партия (ФКП), Социалистическая партия Франции (СФИО), «Народно-республиканское движение» (МРП), партия радикалов, «Республиканская партия свободы» (РПС), «Объединение французского народа» (РПФ). Все они в той или иной степени реагировали на германскую проблему. Именно их позиции, а также взгляды партийных лидеров определяли политику французского руководства по германскому вопросу.

Цель данного исследования – проследить позиции ведущих политических партий Франции и их лидеров по германскому вопросу и влияние их концепций на деятельность французского руководства в германской политике. Изучение позиций французских политических партий по германскому вопросу в 1945–1949 гг. является необходимым для понимания всей внешнеполитической концепции Франции в этот период. Общественное мнение было слишком занято внутривнутриполитическими проблемами, чтобы уделять должное внимание международной обстановке. Французы полностью доверили внешнюю политику

ку политическим партиям и предоставили им в этом отношении свободу действий. Политические партии определяли и представляли позицию Франции во внешней политике, в частности в германском вопросе, на уровне парламента и правительств. Большинство французских исследователей по политическим партиям IV Республики оставляют без внимания внешнеполитическую линию партий и лишь косвенно упоминают ее в контексте международной политики Франции (Ж. Даллоз, Э. Морэн, Г. Элдэй). Однако с середины 60-х гг. XX в. во Франции появились монографии А. Корфа, Ж. и Р. Блошей, Э. Биоля, П. Жербе, посвященные германской политике Франции, в которых прослеживаются позиции французских политических партий по германскому вопросу в период 1945–1949 гг. Советская, российская и отечественная историография делают упор на изучение германской политики французского правительства и не обозначают позиций политических партий, которые составляли это правительство (Н.Н. Молчанов, М.М. Наринский, М.К. Симолев, А.М. Филитов, В.П. Смирнов).

Материал и методы. Для написания данного исследования были использованы следующие источники: выступления партийных лидеров, заявления, программы политических партий, содержащиеся в монографиях А. Корфа и Э. Биоля в качестве документов и материалов, приложений, документы из Архива внешней политики Российской Федерации, а также французская периодическая печать 1945–1949 гг. Теоретико-методологической основой данной работы стали современные представления о принципах, функциях, методах и методике исторического исследования. В частности, при написании работы автор опирался на принципы системности, объективности и историзма. При проведении исследования применялись как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, дедуктивный, исторический, логический), так и специально-исторические методы. В основу работы был положен системно-структурный анализ. Основными методами, использованными в исследовании, являлись метод сравнительного анализа, описательный метод и метод исторической ретроспекции. Метод сравнительного анализа предполагал сопоставление позиций ведущих политических партий Франции и их лидеров по германскому вопросу в 1945–1949 гг. С помощью метода исторической ретроспекции прослеживалась трансформация германской политики французских властей под влиянием позиций ведущих политических партий и взглядов их лидеров.

Результаты и их обсуждение. Со времени освобождения Франции и вплоть до принятия Конституции 1946 г. во Франции существовал Временный режим. Страной управляло Временное правительство во главе с Шарлем де Голлем. В период Временного режима во Франции началась глубокая перестройка политической системы, сопровождавшаяся перегруппировкой основных партийно-политических сил и важными социально-экономическими реформами. Большую роль в осуществлении этих мер сыграли взгляды генерала Ш. де Голля и его соратников, получившие наименование «голлизма». «Голлизм» провозгласил своей целью сплочение нации, создание сильного государства и возрождение величия Франции. С уходом Ш. де Голля в отставку началось правление трехпартийной коалиции. С января 1946 г. по май 1947 г. коалиция ФКП, СФИО и МРП являлась основой для формирования почти всех французских правительственных кабинетов. Некоторые исследователи называют этот период «трипартизмом». Взгляды ФКП, СФИО и МРП на внешнюю политику Франции и в частности на германский вопрос были почти схожими. Трехпартийное Национальное собрание отличалось единством мнений и твердым внешнеполитическим курсом. Парламент являлся проводником национальных интересов Франции на международной арене. Он оказывал всестороннюю поддержку министру иностранных дел Ж. Бидо в германском вопросе [1, с. 259]. Последний, в свою очередь, горячо отстаивал французские требования по германской проблеме на уровне Совета министров иностранных дел (СМИД) и международных конференций. Эра «трипартизма» во французском правительстве сменилась периодом коалиции «третьей силы». Этот период характеризовался активным участием партии радикалов и умеренного крыла правых партий во французском правительстве, а также отстранением ФКП от участия в правительстве. С середины 1947 г. работа французского правительства находилась под влиянием партии РПФ. С уходом коммунистов из правительства в мае 1947 г. и созданием коалиции «третьей силы», в которой был попеременно представлен весь спектр политических партий Франции, германская политика изменила свое направление. Франция больше не поддерживала СССР в германском вопросе, а склонялась к англо-американскому курсу. Однако германской политике Франции пришлось пережить огромный кризис прежде чем окончательно принять сторону США и Великобритании в германском вопросе [2, с. 230].

Национальное собрание, понимая необходимость принятия англо-американского курса, откладывало свое окончательное присоединение к подобной германской политике. Очевидная необходимость экономического и политического реформирования Германии требовала смягчения французских требований. В Национальном собрании были сторонники и противники необходимости возрождения Германии. В июне 1948 г. во французском парламенте развернулись большие дебаты по поводу принятия Лондонских требований возрождения Германии. Большинство голосов парламент одобрил Лондонские решения и, таким образом, окончательно повернул внешнеполитический курс в германской политике в сторону США и Великобритании, а также возрождения Германии.

Роль парламента в германской политике Франции была двойной. С одной стороны, он сам разрабатывал французские требования по германскому вопросу и направлял их правительству. Однако, с другой стороны, Национальное собрание не могло контролировать действия правительства. Министры иностранных дел защищали интересы Франции на международной арене, принимали самостоятельные решения в зависимости от обстоятельств, заключали договоры. Парламенту оставалось только одобрять конкретные действия правительства, если последние не противоречили национальным интересам [1, с. 258]. Преобладающая роль правительства в области внешней политики была особенно очевидна в первые послевоенные годы. Парламент был, прежде всего, заинтересован в разрешении внутренних проблем своей страны и не мог уделять должного внимания международной обстановке. Свобода действий правительства во внешней политике постепенно парализовала инициативу парламента в этой области.

Благодаря своему активному участию в движении Сопротивления **Французская коммунистическая партия (ФКП)** пользовалась большой популярностью у населения сразу после окончания войны как партия, которая действительно защищает национальные интересы страны. После Второй мировой войны во Франции ее больше не расценивали как революционную. Подобное отношение способствовало численному росту ее электората.

Определение внешнеполитических приоритетов ФКП никогда не представляло собой сложной задачи, так как отношение коммунистов к международным событиям, в том числе и к германской проблеме, дублировало пози-

цию СССР [3, с. 35]. ФКП выступала против ведения военных действий и ратовала за мирное разрешение международных конфликтов. Она объявила себя сторонницей демилитаризации и организации «коллективной безопасности» согласно определению коммунистов. ФКП призывала к более тесному сотрудничеству с СССР и укреплению связей с народами Восточной Европы. Тем не менее, французские коммунисты поддерживали единый внешнеполитический курс держав-победительниц, особенно в германском вопросе [1, с. 181]. Эта позиция коммунистов совпадала с точкой зрения Жоржа Бидо.

Подходы ФКП к германскому вопросу были идентичны программным установкам первых временных правительств, где коммунисты составляли большинство. Они считали, что все, связанное с Германией, должно послужить на благо Франции. ФКП стояла на позициях расчленения Германии, ее демилитаризации, репараций, отделения Рура, Рейнской области и Саара [4, с. 113].

К 1947 г. позиция Ж. Бидо по германскому вопросу существенно изменилась, а ФКП осталась верной внешнеполитическому курсу Москвы. По мнению французских коммунистов, именно их партия отстаивала традиционные французские интересы. Несмотря на раскол в лагере союзников с началом «холодной войны», ФКП не изменила своей внешнеполитической концепции, но, являясь сторонницей СССР, она поменяла свое отношение к Великобритании. В отчетах Центрального комитета Конгресса ФКП в Страсбурге (июнь 1947 г.) содержались негативные оценки политики У. Черчилля, Ш. де Голля и других государственных деятелей Западной Европы. В условиях «холодной войны» любые военные или политические союзы расценивались коммунистами как антисоветские или антикоммунистические. По их мнению, всякое новое соглашение между западноевропейскими странами по германскому вопросу было направлено на возрождение западных зон оккупации Германии [5, с. 3].

Периодические издания ФКП постоянно подчеркивали вклад СССР в разгром нацистской Германии и считали невозможным разрешение вопросов безопасности и сохранения мира в Европе без его непосредственного участия. Боннскую конституцию французские коммунисты расценили как прямую угрозу «возрождения милитаристского и реваншистского Западного Рейха» [5, с. 1, 3].

С 1945 по 1949 г. можно выделить два периода в отношениях ФКП с французским пра-

вительством. Период с 1945 по 1947 г. можно обозначить как время сотрудничества. С 1947 г. ФКП перешла в оппозицию. Уход ФКП в оппозицию действующему французскому правительству повлек за собой следующие изменения. Во-первых, ФКП подчинилась Коминформу, что способствовало некоторому уменьшению ее численного состава внутри страны. Во-вторых, уход этой партии из правительства обеспечил ему относительную свободу действий. Французское правительство начало сближение с внешнеполитическим курсом Великобритании. Кроме того, правительству удалось наконец согласовать свою экономическую и внешнюю политику. В-третьих, с уходом ФКП в оппозицию французское общество начало избавляться от так называемой германофобии. Отставка коммунистов и особенно причины этой отставки изменили отношение французов к германскому вопросу. Антинемецкие настроения во французском обществе стали понемногу угасать.

Официальное название **Социалистической партии Франции – СФИО** (аббревиатура от французского названия партии). С приходом к власти в 1936 г. СФИО активно участвовала во внешней политике. С 1947 г. французские социалисты стали активно поддерживать Европу в германском вопросе, что неудивительно, ведь «с 1905 г. партия носила интернациональный, а с 1920-х гг. еще и антисоветский характер» [6, с. 201].

Проевропейская СФИО, тем не менее, испытывала сложности в определении своей позиции по отношению к возрожденной Германии. Партия высказывалась против аннексии германских территорий, выступала с многочисленными оговорками по французскому проекту в деле Саара, относилась нейтрально, в отличие от других партий, к демонтажу немецкой промышленности. СФИО немедленно согласилась с принятием «плана Шумана» и интернационализацией Рура [4, с. 153]. Но все-таки единую линию партии обнаружить сложно. Ее руководители и видные деятели расходились по всем пунктам в германском вопросе, кроме одного – не допустить возрождения Германии, лишив ее при этом всякого контроля. Лучшим средством для этого, по мнению французских социалистов, являлось создание Объединенной Европы.

Французские социалисты долгое время отказывались признавать существование Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Тем не менее, в результате длительных дискуссий в руководстве СФИО, одному из ее видных деятелей С. Грумбаху удалось

добиться участия СДПГ в международной конференции социалистов в г. Анвере в декабре 1947 г. [1, с. 186]. Но и впоследствии отношения между СФИО и СДПГ оставались напряженными. В то время как СФИО признавала политическую реконструкцию Германии лишь в форме федерации, СДПГ отстаивала принцип создания централизованного немецкого государства. Когда СФИО начала свою борьбу за создание Объединенной Европы, она встретила отпор со стороны СДПГ, которая выступала против создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), а впоследствии и Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Взгляды французских и немецких социалистов расходились также по вопросам Саара, международного контроля над Руром, Совета Европы.

Так же, как и у французских коммунистов, у СФИО можно выделить два периода отношений с французским правительством в течение 1945–1949 гг. 1945–1947 гг. – это период трипартизма, когда СФИО играла роль посредника между ФКП и МРП в правительстве, сама входя в его состав. С уходом коммунистов из французского правительства в 1947 г. СФИО возглавила коалицию «третьей силы» и представляла ее левое крыло.

Разветвленная структура СФИО оставляла широкое поле деятельности ее видным лидерам: Ф. Гуэну, П. Рамадье, Л. Блюму, В. Ориолу, Д. Майеру, С. Грумбаху, А. Филиппу, Г. Молле. Их взгляды определяли поведенческую линию партии во внешней политике несмотря на то, что они зачастую не совпадали с генеральной линией партии.

Леон Блюм, некоторое время возглавлявший французское правительство, имел лишь косвенное влияние на германскую политику. Тем не менее, являясь социалистом-англофилом, он ускорил сближение Франции с политикой Великобритании в германском вопросе и повернул внешнеполитический курс Франции в сторону Западной Европы. Продолжателем его политики стал Ж. Бидо. Англо-французское сближение несколько смягчило отношение французов к послевоенной Германии.

Даниэль Майер, защищавший теорию коллективной ответственности германского народа в развязывании Второй мировой войны, ратовал, как и Л. Блюм, за альянс с Великобританией в целях построения Европы. По мнению Д. Майера, Европа помимо Франции и Великобритании должна объединять все демократические страны Западной Европы. В этом списке он упоминал Италию, нефран-

кинстскую Испанию, Португалию. Однако ссылка на Германию в этом перечне в какой-либо форме отсутствовала.

Соломон Грумбах считал, что территориальное расчленение Германии не обеспечит Франции безопасности. Единственной гарантией сохранения спокойствия во Франции являлось, по его мнению, сосредоточение на территории Германии американских, британских и советских войск, а также бельгийских, голландских и всех, желающих к ним присоединиться. С. Грумбах высказывался также в пользу интернационализации тяжелой индустрии Рура.

Гий Молле до 1947 г. не фигурировал среди деятелей СФИО, которые интересовались германским вопросом. Участвуя в международных конференциях социалистов вместе с С. Грумбахом, Д. Майером и Ж. Мошем, он не одобрял признания немецкой делегации. Имя Г. Молле часто упоминается в связи с многочисленными инцидентами вокруг Карло Шмидта, одного из лидеров немецких социалистов. Г. Молле несколько раз делал запросы в руководство СДПГ с целью выяснения роли К. Шмидта в немецком военном суде г. Лилля. Тем не менее, 22 ноября 1949 г. Г. Молле в Национальной Ассамблее высказался в пользу принятия Германии в состав единой и свободной Европы и обозначил три причины, подтолкнувшие его к подобному решению: укрепление западноевропейского блока против СССР, экономическая выгода от ФРГ, необходимость урегулирования германского вопроса. В то же время Г. Молле требовал, чтобы Франция обезопасила себя против возрождения немецкой угрозы посредством интернационализации Рура, запрета на вооружение Германии и принятия Великобританией в новую Европу.

Влияние социалиста **Венсана Ориоля**, первого президента IV Республики, на внешнюю политику было довольно ограниченным и косвенным. Член СФИО с 1914 г., он быстро установил международные контакты, участвуя в Лондонской конференции 1924 г. в качестве главы комиссии финансов. Преследования во время вишистского режима, подпольная деятельность, борьба против немецких фашистов в возглавляемом Ш. де Голлем движении «Сражающаяся Франция» – все это наложило отпечаток на его позицию по германскому вопросу. Он был делегатом от Франции на первой Ассамблее ООН и в Совете Безопасности в 1946 г., активно участвуя в деле создания нового международного порядка. С января 1947 г. по январь 1954 г. В. Ориоль являлся президентом Французской Республики.

Он видел решение германской проблемы в создании автономных немецких республик, независимой Рейнской области под международным военным контролем, в слиянии Германии с европейской организацией в политическом и экономическом смыслах. Его точка зрения по германскому вопросу дублировала мнение Ш. де Голля. Предложенное им решение германской проблемы было более жестким и радикальным, в отличие от руководства СФИО. В качестве президента республики В. Ориоль имел ограниченный доступ к международным делам. Ими ведал министр иностранных дел Франции. Ж. Бидо и Р. Шуман никогда не учитывали мнения президента В. Ориоля в формировании их позиции по германской проблеме.

Самой крупной новой политической партией стало «Народно-республиканское движение» (МРП) (от фр. Mouvement républicain populaire (MRP)), возникшее в ноябре 1944 г. Его основателями были видные участники Сопротивления – бывший председатель Национального Совета Сопротивления (НСС) Ж. Бидо и диктор «Свободной Франции» М. Шуман. Появление МРП отражало общую для стран западной Европы тенденцию – смену обанкротившихся фашистских и традиционных правых партий христианско-демократическими партиями, выдвигавшими программы социальных реформ.

Внешнеполитический курс МРП был направлен на объединение стран Западной Европы. Считая, что национальные государства являются анахронизмом, лидеры МРП предлагали создать «Соединенные Штаты Европы» по образцу Соединенных Штатов Америки [3, с. 34]. Их концепция новой Европы была направлена на защиту западной христианской цивилизации. Причем в сознании членов МРП термины «западная цивилизация» и «христианская цивилизация» вскоре стали синонимами [7, с. 97]. Партия МРП отличалась антикоммунистическим и антисоветским характером.

В программе МРП, принятой 8 ноября 1945 г., указывалось, что в интересах Франции необходимо дополнить советско-французский договор 1944 г. аналогичным альянсом с Великобританией и тесным сотрудничеством с США. Союзническая оккупация Германии должна обеспечить безопасность Европы, эффективное взимание репараций и привести к административной и политической децентрализации бывшего Рейха. Рейнско-Вестфальский бассейн, согласно программе партии, должен быть изъят с тем, что-

бы не допустить ремилитаризации Германии. Франция как держава, которая сильно пострадала в результате военных действий и фашистской оккупации, имела право, по мнению лидеров МРП, на взимание репараций с немецких угольных шахт в том количестве, которое она посчитает достаточным для восстановления своей экономики. Саарский угольный бассейн должен быть передан во владение Франции. Кроме того, Франция должна участвовать в управлении Руром. Рур и Рейнскую область предполагалось изъять из-под влияния немецкой администрации и передать международному контролю [1, с. 193]. Майский конгресс МРП 1948 г. окончательно утвердил линию партии в отношении Европы. МРП взяла курс на вхождение обновленной Германии в состав европейской федерации.

Отсутствие разветвленного бюрократического партийного аппарата предоставляло большую свободу действий министрам МРП, которые, будучи независимыми от влияния партийных функционеров, могли сами определять политический курс своих министерств. Личностные характеристики и авторитет министров МРП играли особую роль и одинаково высоко ценились в рядах партии, даже если министры придерживались разных внешнеполитических ориентиров [4, с. 144]. Например, внешнеполитические концепции двух министров иностранных дел от партии МРП Ж. Бидо и Р. Шумана были абсолютно несхожими.

Жорж Бидо являлся проводником политики Ш. де Голля. Еще будучи преподавателем истории, он был убежден, что вся история Франции представляет собой борьбу между Францией и Германией. Следовательно, он считал недопустимым будущее возрождение Германии. В отличие от Ш. де Голля, он не сумел отстоять свою позицию в германском вопросе перед союзниками. В результате внешнего давления министр иностранных дел принял курс Великобритании и США на создание единой Европы. Однако Объединенную Европу он расценивал, прежде всего, как средство безопасности Франции от угрозы ремилитаризации Германии. Историк Ж. Барьети отмечал огромную роль и личную заслугу Ж. Бидо в повороте всей французской политики в германском вопросе. Ж. Барьети подчеркивал, что Ж. Бидо с апреля 1947 г. до своей отставки в июле 1948 г. «являлся трагической фигурой, так как в германском вопросе вел двойную игру. На международных конференциях он работал вместе с англичанами и американцами, а в Национальном собрании он утверждал себя в противостоянии с коммуни-

стами, голлистами и частью своей партии (народными республиканцами из МРП), представляя традиционные позиции Франции» [8, с. 176–177]. Дипломатический талант Ж. Бидо позволил наконец Кэ д'Орсэ проводить разумную германскую политику. Франция осознала, что решение германской проблемы содержится в равноправном вхождении Западной Германии в Европейское сообщество. В рамках Брюссельского пакта Ж. Бидо предложил создать экономический и таможенный союз пяти стран-участниц договора. К этому союзу могли присоединиться и все европейские страны. Кроме того, Ж. Бидо ратовал за учреждение европейского парламента.

В отличие от Ж. Бидо, сменивший его на посту министра иностранных дел в июле 1948 г. **Робер Шуман** с самого начала был убежден в необходимости франко-германского примирения. С этого времени германская политика Франции была окончательно переориентирована на франко-германское сближение в рамках Европейского сообщества. Р. Шуман понимал экономическую выгоду Франции в установлении нормальных отношений с Европой. Его «план Шумана», предусматривавший объединение производства и сбыта угля и стали в западноевропейских странах, явился первой удачной попыткой в деле создания Объединенной Европы.

Внешнеполитическую доктрину **движения радикалов** определить довольно сложно, так как это движение во французской политике было очень широко представлено. В него входили партия радикалов-республиканцев, партия радикал-социалистов, «Объединение левых республиканцев», «Союз демократов и социалистов Сопротивления». Гибкая программа радикалов позволяла им легко входить в многочисленные политические коалиции. С одной стороны, радикалы склонялись к мирному разрешению политических конфликтов и были сторонниками международной разрядки. Однако, с другой стороны, учитывая якобинское наследие, в партии радикалов часто доминировали националистические и даже шовинистические тенденции. В целом, поведение радикалов определялось конкретной ситуацией.

В отношении Германии они требовали трех гарантий безопасности Франции: политической, экономической и территориальной. Под первой понимались децентрализация и установление строгого контроля над Германией. Вторая гарантия включала в себя выплату репараций, передачу Франции Саарского угольного бассейна, предоставление в широкое пользование европейским странам при-

родных и человеческих ресурсов Германии, а также международную эксплуатацию Рурского угольного бассейна. Радикалы ратовали за единство взглядов и методов союзнической оккупационной политики Германии.

Тем не менее, в своем докладе на Конгрессе радикалов в 1946 г. Р. Майер, настаивавший на единстве союзнической политики, отметил в ней двойной раскол: по линии Восток–Запад, с одной стороны, и между западными союзниками – с другой [1, с. 205]. Виновницей второго конфликта радикалы посчитали Великобританию, которая взяла курс на возрождение Германии, не учитывая опасности подобной политики для безопасности Франции.

Партия радикалов всегда считалась с внешнеполитическими реалиями. В течение 1947 г. радикалы отмечали невыгодную роль Франции в качестве посредника между западноевропейскими странами и СССР и бесполезность изоляции ее оккупационной политики. В 1948 г. радикалы окончательно повернули свой курс в сторону европейской политики. Они считали, что Атлантический пакт и «план Маршалла» представляют собой основу европейской безопасности. Радикалы были убеждены, что включение обновленной Западной Германии в Европейский союз является необходимостью в целях обеспечения безопасности Европы от угрозы со стороны СССР.

Однако партию радикалов нельзя рассматривать в качестве проводника политики нормализации отношений Франции и Германии ни в парламенте, ни в правительстве. Они всегда следовали тому курсу, который позволял им получить максимальное количество мест в государственных структурах управления Франции.

Правые партии, дискредитировавшие себя поддержкой правительства Виши, утратили после войны свой прежний авторитет. Часть бывших деятелей Демократического альянса и других «умеренных» решили создать новую политическую партию, в руководство которой вошли некоторые деятели Сопротивления. Приняв название «Республиканская партия свободы», она отстаивала основные идеи «умеренных». Позднее часть деятелей Демократического альянса и Республиканской федерации образовала близкую к РПС группу «независимых» во главе с вернувшимся из заключения в Германии бывшим председателем Совета министров Полем Рейно.

Будучи защитниками гуманистических и христианских ценностей, во внешней политике «умеренные» вели усиленную борьбу против коммунизма и блока советских держав.

Они понимали крайнюю необходимость создания европейской федерации в качестве платформы для противодействия коммунистическому влиянию. «Умеренные» были приверженцами политического союза Франции с США и Великобританией в деле построения нового европейского демократического порядка.

Во Франции исторически сложились три правых течения. Ультраправые всегда вели борьбу против республиканской формы правления во Франции («Аксьон франсез»). Правые националисты систематически поддерживали политический режим. Наконец, во Франции существовали либеральные правые, которые постоянно входили в состав правительств [1, с. 212].

Приход национал-социалистов к власти в Германии послужил толчком к расколу правых националистов. Часть из них поддержала нацистов, а другая осталась верной принципам германофобии и дала рождение классическому голлизму в период Сопротивления. После Второй мировой войны в рядах правых снова произошел раскол на «вишистов», «моррасьенов» (от имени руководителя «Аксьон франсез» Ш. Морраса) и «голлистов».

Вишисты видели разрешение германского вопроса во франко-немецком союзе внутри Объединенной Европы. Они считали, что создание новой Европы невозможно без участия США. СССР оставался для них «врагом номер один» [1, с. 213]. Вишисты были убеждены, что вести действенную борьбу против влияния СССР возможно только в союзе с Германией, которая уже приобрела в этом отношении определенный опыт.

Моррасьены, напротив, демонстрировали свою враждебность и неприязнь по отношению к Германии. Однако, в то же время они оставались антикоммунистами. В дальнейшем одновременное существование антинемецких и антикоммунистических тенденций в рядах моррасьенов привело их к расколу. Моррасьены ратовали за расчленение Германии с целью недопущения новой катастрофы. Они являлись «хранителями традиций ортодоксального антигерманизма» [1, с. 213]. Страх перед возможностью создания «прогерманской» Европы был у моррасьенов настолько велик, что германская проблема на долгое время у них отодвинула на задний план другие вопросы, в частности, внутренние и колониальные. Германофобия моррасьенов приняла латентную форму лишь к середине 1950-х гг.

Вишисты и моррасьены в послевоенной Франции часто встречались под общим назва-

нием «правые неголлисты». Неголлисты постоянно препятствовали обсуждению германского вопроса в парламенте и правительстве [4, с. 243].

В апреле 1947 г. генерал Ш. де Голль объявил о создании «Объединения французского народа» – РПФ (аббревиатура от французского названия партии). Руководители РПФ – Ш. де Голль и его соратники военного времени, которых прозвали «баронами голлизма» (Ж. Сустель, М. Дебре, Ж. Шабан-Дельмас и др.), – утверждали, что их организация не является обычной политической партией, а представляет собой широкое народное объединение, созданное в соответствии с традициями Сопротивления. Они обвиняли все другие политические партии в том, что их борьба «парализовала государство», требовали отмены Конституции 1946 г. и создания «сильной власти» в лице независимого от партий президента. Для смягчения классовой борьбы лидеры РПФ предлагали добиваться «ассоциации труда и капитала». Одну из своих главных задач они видели в борьбе против коммунизма. Атаки на Советский Союз и коммунистические партии, обвиняемые в стремлении к агрессии и диктатуре, вскоре заняли центральное место в их пропаганде. Хотя партия РПФ не желала называть себя ни левой, ни правой, фактически она выступала как правая партия, в состав которой вошли не только бывшие участники Сопротивления, но и многие бывшие вишисты.

Программа партии РПФ базировалась на позициях ее безусловного лидера *Шарля де Голля*, который всегда отстаивал идею величия Франции и считал, что именно его страна должна сыграть определяющую роль в построении нового международного порядка в Европе. Вся германская политика Франции 1944–1946 гг. вытекала из этой базовой концепции. Ш. де Голль всеми силами пытался обеспечить превосходство Франции в Европе, особенно над побежденной Германией [4, с. 210]. В течение 1944–1950 гг. его позиция относительно обновленного немецкого государства существенно не изменилась. Однако некоторые французские исследователи выделяют две фазы эволюции политической мысли Ш. де Голля относительно германского вопроса: первая продолжалась с начала освобождения Франции до конца 1946 г., а вторая началась в 1947 г.

До конца 1946 г. Ш. де Голль видел решение германской проблемы в тесном союзе четырех держав-победительниц и установлении ими общего контроля над Германией. Именно в этом направлении шло решение германского

вопроса во французском правительстве. Для обеспечения безопасности Франции Ш. де Голль отстаивал на международной арене следующие позиции.

1. Отделение Рура от Германии и установление над ним международного контроля.
2. Отделение Саара и интеграция его во французскую экономику.
3. Вхождение Рейнской области в состав Франции либо изъятие ее из сферы влияния Германии и создание на этой территории особого режима контроля.
4. Продолжительная оккупация оставшейся территории Германии.
5. Децентрализация Германии с целью создания в будущем на ее территории конфедерации немецких государств.

Таким образом, до начала 1947 г. Ш. де Голль говорил о Германии только во множественном числе как о федерации немецких государств [9, л. 62]. Однако, несмотря на непримиримость своих взглядов, Ш. де Голль вынужден был считаться с внешнеполитическими реалиями.

Два взаимосвязанных фактора определили позицию Ш. де Голля во внешней политике с начала 1947 г. – неизбежный раскол между Востоком и Западом и возрождение идеи унификации Европы. Возрастание угрозы со стороны СССР склонило политическую ориентацию Ш. де Голля в сторону Европы. С этого момента он начал говорить о целесообразности создания европейской федерации. Прогнозируемый раскол Германии трансформировал у него германский вопрос в проблему Западной Германии. По его мнению, Западную Германию в форме конфедерации отдельных государств нужно было интегрировать в европейскую федерацию под эгидой Франции [10, л. 2]. Тем не менее, Франция продолжала нуждаться в гарантиях обеспечения своей безопасности, поэтому определяющие принципы германской политики Ш. де Голля существенно не изменились. Их можно представить в следующем виде:

1. Франция должна снова стать сильной державой для обеспечения равновесия с Германией.
2. Рур должен быть интернационализирован.
3. Франция должна сохранить свои прибыли в результате победы над фашистской Германией: Саар, оккупацию левого берега Рейна и французской зоны.
4. Необходимо воспрепятствовать возрождению Рейха путем создания на его территории конфедерации отдельных немецких государств [11, с. 102].

Безусловно, по сравнению с 1944–1946 гг. его позиция в германском вопросе претерпела значительное изменение по ряду пунктов. Создание конфедерации немецких государств стало преобладающей идеей. Требование оккупации левого берега Рейна больше не предполагало его отделения от остальной территории Германии. Статус международного контроля над Руrom трансформировался в его «европейский статус», то есть подразумевал интеграцию Рура в Западную Европу. Однако, с другой стороны, Ш. де Голль не видел никакого противоречия между необходимостью построения европейской федерации вместе с Германией и одновременным требованием продолжения оккупации части ее территорий. Он считал, что Европа будет представлять собой, прежде всего, экономическое и культурное сообщество, в котором вопросы суверенитета будут играть минимальную роль. В случае же действительного европейского союза и, в особенности, франко-германского, границы спорных территорий исчезнут автоматически.

Различие внешнеполитических позиций Ш. де Голля в 1944–1946 гг. и в 1947–1950 гг. объясняется главным образом появлением угрозы со стороны СССР. Однако потеря своего союзника в германском вопросе не означала для Ш. де Голля безоговорочное принятие линии Великобритании. Защищая идею величия Франции, Ш. де Голль требовал от своих сторонников следования национальному курсу во внешней политике. Он искренне считал, что именно Франция призвана осуществить миссию по созданию объединенной Европы. Однако для начала было необходимо навести порядок внутри самой Франции. С этой целью Ш. де Голль и создал РПФ. Основной задачей РПФ было возрождение великой Франции, которая в будущем смогла бы взять на себя ответственность за объединение Европы [1, с. 222].

Возникшая в 1947 г. партия РПФ являлась самой многочисленной и играла важную роль в политической жизни страны в 1947–1949 гг. В этот период Франция полностью пересмотрела свой курс в германской политике. Руководство РПФ дублировало позиции своего лидера во внешней политике и в германском вопросе в частности. Его конечной целью являлось создание единой Европы под эгидой Франции.

После изучения германской проблемы комиссия по международным вопросам на одном из заседаний партии РПФ объявила, что слияние французской зоны оккупации Германии с Бизонией является возможным только при соблюдении ряда условий. Слияние вышеуказан-

ных территорий, по мнению комиссии, можно было осуществить лишь при полном устранении угрозы возрождения Рейха. Члены РПФ высказались за необходимость интеграции конфедерации немецких государств в европейскую федерацию. Франция, в виду своего географического положения и традиционной миссии, должна была призвать все страны-учредительницы новой Европы в ближайшем будущем собраться в Париже для обсуждения основ европейского союза [4, с. 229].

Руководство РПФ много говорило о советской угрозе, которая, по их мнению, представляла еще большую опасность, чем Германия. В этом смысле позиция популярной партии повлияла на улучшение климата в отношении послевоенной Германии. Однако, с другой стороны, члены РПФ препятствовали установлению с ней нормальных контактов. Голлисты не допускали вмешательства англичан во внешнюю политику Франции. Они считали возможным возрождение Германии лишь после экономического и политического восстановления Франции. Один из ближайших соратников Ш. де Голля, генеральный секретарь по немецким и австрийским делам М. Дебре в своих мемуарах охарактеризовал Францию в период Четвертой республики следующим образом: «Французы работают, накапливают, вкладывают. Они хотят смотреть с надеждой в будущее. И вот в такой Франции ведется посредственная, разочаровывающая и даже постыдная политика, совершенно не способная отвечать за судьбу Нации. Повсюду, в любой области она подводит нас к страшным испытаниям. И во время этого нашего ослабления Германия поднимается и вызывает к себе уважение, а англосаксонский мир просто смеется над нами и презирает нас» [12, с. 52].

Заключение. Позиции политических партий и их лидеров по германскому вопросу определяли германскую политику французского руководства в 1945–1949 гг. Однако ни одна партия не смогла в течение данного периода придерживаться единой линии поведения по германскому вопросу. Их позиции менялись в зависимости от международной обстановки или потребности получения большинства во властных структурах. В ряде случаев позиция партии по германской проблеме представляла собой мнение отдельных ее лидеров.

Французские коммунисты поддерживали руководство принципами четырех «Д» держав-победительниц в деле обращения с послевоенной Германией. С началом «холодной войны», после пересмотра германской поли-

тики Франции в германском вопросе, ФКП осталась верной внешнеполитическому курсу СССР. Позиция ФКП по германскому вопросу была идентична взглядам Ш. де Голля. Она разделяла идеи расчленения Германии, ее демилитаризации, репараций, отделения Рура, Рейнской области и Саара.

Руководители и видные деятели СФИО, несмотря на расхождения по всем пунктам в германском вопросе, выступали за создание Объединенной Европы, чтобы не допустить возрождения Германии. Социалисты сыграли важную и позитивную роль в развороте германской политики Франции в западном направлении, то есть в сторону сближения Кэ д'Орсэ с позициями Великобритании и США по германской проблеме, особенно в 1946–1949 гг.

Как и в рядах СФИО, в партии МРП существовали разногласия по германской проблеме. Однако, если СФИО руководствовалась традиционными принципами, то МРП опиралась на позиции своих лидеров, которые занимали руководящие посты в правительстве. Благодаря поведенческой линии своих министров иностранных дел Ж. Бидо и Р. Шумана партия МРП расценивалась во Франции в качестве ведущей силы в деле создания «европейской» Германии.

Позиция радикалов в германском вопросе определялась внешнеполитическими реалиями и, соответственно, периодически изменялась. Это позволяло им получить определенное количество мест в государственных структурах управления Франции.

«Правые неголлисты» («вишисты» и «морасьены») постоянно блокировали обсуждение германского вопроса в парламенте и правительстве. Представляющая «голлистов» РПФ, с одной стороны, являлась проводником европейского пути решения германского вопроса, а с другой – она опасалась быстрых темпов реализации германской политики. Это

в конечном итоге привело к тому, что вся деятельность РПФ была направлена на создание разного рода препятствий в разрешении германской проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Korff, A. Le Revirement de la politique extérieure française entre 1945 et 1950 / A. Korff. – Ambilly-Annemasse: Imp. franco-suisse, 1965. – 367 p.
2. Wall, J.M. L'influence américaine sur la politique française 1945–1954 / J.M. Wall. – Paris: Balland, 1989. – 515 p.
3. Durand, P. Vingt ans. Chronique 1945–1965 / P. Durand. – Paris: Éd. sociales, 1965. – 445 p.
4. Bjol, E. La France devant l'Europe. La politique européenne de la IV-e République / E. Bjol. – Copenhagen: Munksgaard, 1966. – 456 p.
5. Le Reich occidental // Humanité. – 1949. – 10 mai. – P. 3.
6. Badia, G. Histoire de l'Allemagne contemporaine (1917–1962) / G. Badia. – Paris: Éditions sociales, 1975. – Т. II: 1933–1962. – 399 p.
7. Bloch, J. L'Europe déchirée: Le problème allemande / J. Bloch, R. Bloch. – Paris: Buchet/Chastel, 1988. – 251 p.
8. Bariéty, J. Die deutsche Frage aus französischer Sicht, 1945–1955. Die deutsche Frage in der Nachkriegszeit / J. Bariéty. – Berlin: Akademie Verlag, 1994. – 232 s.
9. Американская печать о политике союзников в отношении Германии // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). – Фонд 82. – Оп. 28. – Д. 12. – Л. 56–69.
10. Меморандум французского правительства от 17 января 1947 г. относительно конституционного устройства Германии // АВП РФ. – Фонд 82. – Оп. 29. – Д. 26. – Л. 2–18.
11. DePorte, A.W. Charles de Gaulle, observations d'outre-Atlantique / A.W. DePorte // Politique étrangère. – Printemps 1986. – № 1(51-e année). – P. 93–106.
12. Арзаканян, М.Ц. Мишель Дебре / М.Ц. Арзаканян // Вопросы истории. – 2002. – № 1. – С. 45–63.

Поступила в редакцию 26.11.2014 г.

Принята в печать 29.12.2014 г.

УДК 947.6

Оборонительные бои за Витебск летом 1941 года

Дианова Т.Б.

Учреждение образования «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия ветеринарной медицины», Витебск

Планируя нападение на СССР, немецкое командование делало ставку на «молниеносную» войну, рассчитывая на скоротечные и легкие победы. Но уже с первых часов войны немецко-фашистские войска столкнулись с героическим сопротивлением солдат и офицеров Красной Армии, отважно защищавших родную землю. Гитлеровцы большое значение придавали Витебску, поскольку он открывал путь на Смоленск и Москву. В начале июля развернулись упорные бои на Витебском направлении, в районе Лепеля, Сенно, Уллы, Бешенковичей, на подступах к Витебску, а затем и в нем.

Верховное Главное командование приняло решение об укреплении Западного фронта 5 армиями – 16-й, 19-й, 20-й, 21-й и 22-й, которыми командовали генералы М.Ф. Лукин, И.С. Конев, П.А. Курочкин, М.Р. Ефремов, П.А. Ермаков. В ходе подготовки к обороне обнаруживались недостаточная материальная, военно-техническая обеспеченность войск, разобщенность в действиях и т.д. Но несмотря на это советские войска оказывали героическое сопротивление захватчикам.

Цель исследования – рассмотреть ход оборонительных сражений за Витебск летом 1941 г.

Материал и методы. Методологической и теоретической основой исследования являются принципы историзма, научной объективности и достоверности, системного анализа изучаемых явлений и фактов.

Результаты и их обсуждение. Верховное командование Германии требовало форсированным маршем группы армий «Центр» окружить, рассеять и уничтожить советские войска, которые держали оборону на рубежах рек Западная Двина и Днепр, и открыть путь на Москву. На пути врага был Витебск. 3–4 июля 1941 г. развернулись ожесточенные бои в районе Лепеля, с 6 по 9 июля – к северу от Сенно, непосредственно на подступах к Витебску – с 5 июля. В этих боях особо отличилась 153-я стрелковая дивизия. 6–9 июля немцы перенесли главное направление удара с юго-запада на север и северо-запад, на участке Улла–Бешенковичи и 9 июля 1941 г. прорвались к Витебску. Вместе с советскими войсками город защищали ополченцы. Из-за преимущества в силах 11 июля 1941 г. немецко-фашистские войска заняли Витебск. Но витебская оборона задержала продвижение врага на восток, принесла ему значительные потери.

Заключение. Части Красной Армии оказались недостаточно подготовленными, несмотря на героическое сопротивление к отражению фашистской агрессии. Германское командование делало ставку на стратегию «молниеносной» войны, но уже с первых часов войны немецкие войска столкнулись с ожесточенным сопротивлением. Упорные бои развернулись и на Витебщине. Враг рассчитывал уже первыми ударами уничтожить противостоящие ему здесь советские войска. Но эти планы были сорваны самоотверженными действиями воинских частей и народного ополчения, оборонявшими город с 5 по 11 июля.

Ключевые слова: оборонительные сражения, Великая Отечественная война, «молниеносная» война, героизм, Витебск.

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 32–37)

Defensive Battles for Vitebsk in the Summer of 1941

Dianova T.B.

Educational establishment “Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine”, Vitebsk

Planning the attack on the USSR, the German command relied on “lightning war” implying quick and easy victories. However from the very first hours of the war, Nazi troops ran into a heroic resistance of the officers and soldiers of the Red Army, who bravely defended their native land. The Nazis attached great importance to Vitebsk, because it opened the way to Smolensk and Moscow. In early July fierce battles took place in the Vitebsk area, near Lepel, Senno, Ulla, Beshenkovichi, on the outskirts of Vitebsk, and then in it.

Supreme Command decided to strengthen the Western front by 5 armies – 16 th, 19 th, 20 th, 21st and 22 nd, commanded by Generals M.F. Lukin, I.S. Konev, P.A. Kurochkin, M.R. Efremov, P.A. Ermakov. During the preparation for the defense insufficient material, military-technical provision of forces was found out, the disunity in their actions, etc. But despite this, Soviet troops manifested heroic resistance to the invaders.

The aim of the research is to study the chronology of events at the front during the defense of Vitebsk by the Red Army in the summer of 1941.

Material and methods. Methodological and theoretical basis for the research is principles of historicism, scientific objectivity and reliability, system analysis of the studied phenomena and facts.

Адрес для корреспонденции: e-mail: histori402@tut.by – Т.Б. Дианова

Findings and their discussion. The German Supreme Command demanded with a forced march of the army group “Center” to surround, to dissect and destroy the Soviet army, which was defending the borders of the Western Dvina River and the Dnepr River, and to open the way to Moscow. Vitebsk was in the way of the enemy. July 3–4, 1941 fierce battles near Lepel took place, July 6 to 9 – north from Senno, directly on the outskirts of Vitebsk – July 5. In these battles 153 infantry division was distinguished. July, 6–9 the Germans moved the main blow from the southwest to the north and north-west, in the area of Ulla-Beshenkovichi and July 9, 1941 broke to Vitebsk. Together with the Soviet troops, the city was defended by the militia. Due to the advantages in force on July 11, 1941, Nazi troops occupied the city. But Vitebsk defense retarded the enemy's advance to the East, inflicting significant losses.

Conclusion. The Red Army was poorly prepared, despite the heroic resistance to the destruction of fascist aggression. The German command relied on the strategy of “blitzkrieg” war, but from the very first hours of the war, German troops encountered fierce resistance. Hard fighting took place in the Vitebsk region. The enemy expected already by the first blow to destroy the opposing Soviet troops. But these plans were thwarted by the selfless actions of military units and militia that defended the city from July 5 to July 11.

Key words: defensive battle, the Great Patriotic War, “lightning war”, heroism, Vitebsk.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 32–37)

Каждое сражение во Второй мировой и Великой Отечественной войнах имеет свою специфику и историческое значение. Это относится и к такой трагической, но и героической странице борьбы с немецким фашизмом, как оборонительные бои за Беларусь. Сопротивление врагу, которое оказывали части Красной Армии, в том числе и в боях за Витебск, срывало достижение агрессором стратегических целей на Восточном фронте.

22 июня 1941 г. фашистская Германия начала войну с Советским Союзом. Планируя нападение на СССР, немецкое командование делало ставку на «молниеносную войну», рассчитывало на скоротечную и легкую победу. И первые дни войны свидетельствовали о значительных успехах вермахта, части которого успешно продвигались по всему фронту советской границы: на северном, южном и западном направлениях. Война стала испытанием духа и воли как для воинов на фронте, так и для простых людей в тылу.

Уже с первых часов войны немецко-фашистские войска столкнулись с героическим сопротивлением солдат и офицеров, многих частей и подразделений пограничных войск и Красной Армии, отважно защищавших родную землю.

Тяжелейшие бои развернулись на Витебщине в июле 1941 г. Различные аспекты этих событий отражены в документах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Национального архива Республики Беларусь, публикациях белорусских исследователей В. Акуновича,

С. Новикова, А. Подлипского, А. Бурдо, А. Матеюна, В. Лагенкова, И. Дудника и др.

Цель исследования – рассмотреть ход оборонительных сражений за Витебск летом 1941 г.

Материал и методы. Методологической и теоретической основой исследования являются

принципы историзма, научной объективности и достоверности, системного анализа изучаемых явлений и фактов, что позволило сделать обобщающие выводы и заключения. В работе использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный) методы.

Результаты и их обсуждение. С началом войны ожесточенные бои с противником на территории Беларуси шли днем и ночью. Против Западного Особого военного округа, размещавшегося на территории Беларуси враг бросил 50 дивизий, из них 15 танковых. Его авиация с первых часов войны бомбила места дислокации советских войск, аэродромы, железнодорожные узлы, города Брест, Барановичи, Гродно, Минск, Волковыск и др. Западный Особый военный округ, который 22 июня 1941 г. был преобразован в Западный фронт, в первые дни войны понес большие потери: только в плен попало более 330 тыс. бойцов и командиров Красной Армии [1].

Вместе с тем напряженный характер носили бои в районе Брестской крепости, Гродно, Могилева, Белостока, Минска, Борисова, Бобруйска, участниками которых были и уроженцы Витебщины. Одним из руководителей обороны Брестской крепости был полковой комиссар Фомин Ефим Моисеевич (родился в 1909 г. в д. Колышки Лиозненского района Витебской области).

С 25 по 28 июня 1941 г. развернулись тяжелые бои за Минск. Только к вечеру 28 июня 1941 г. немецкие танки ворвались в Минск. После захвата города ожесточенные бои начались в районе Борисова. Здесь двое суток бойцы Красной Армии и народные ополченцы в течение двух суток сдерживали натиск танковых войск генерала Гудериана.

Это дало возможность советскому командованию в начале июля 1941 г. создать новую линию обороны по Западной Двине и Днепру. Группа немецких армий «Центр» получила приказ как можно скорее выйти на рубеж Себеж–Полоцк–Витебск–Орша–Рогачев. Советское командование выдвинуло на рубеж рек Западная Двина–Днепр 2-й эшелон войск, который фактически был новым составом Западного фронта, главной задачей которого было не допустить прорыва гитлеровцев на Московском направлении.

Большое значение гитлеровцы придавали захвату Витебска, поскольку он открывал путь на Смоленск и Москву. Верховное Главное командование приняло решение об укреплении Западного фронта 5 армиями – 16-й, 19-й, 20-й, 21-й и 22-й, которыми командовали генералы М.Ф. Лукин, И.С. Конев, П.А. Курочкин, М.Р. Ефремов, П.А. Ермаков. Армии насчитывали 37 дивизий. Они прибывали из внутренних округов и, занимая позиции по линии рек Западная Двина и Днепр, должны были создать прочную оборону, стабилизировать положение. Прибывавшие из резерва армии не успели сконцентрироваться, создать оборонительные позиции, развернуть войска в необходимый боевой порядок, наладить взаимодействие между частями. В первых эшелонах армий находилось 24 дивизии. Солдаты спешно рыли окопы, строили заграждения. Оборона готовилась в широких полосах: от 35 до 70 км на дивизию. Обнаруживалась недостаточная материальная и техническая обеспеченность войск, разобщенность в их действиях. Фронт имел только 380 пушек и минометов, 501 самолет, из которых исправными были 389 [2]. Спешило и верховное командование Германии, требовавшее форсированным маршем группы армий «Центр» продолжить наступление, окружить, рассечь и уничтожить советские войска, которые оборонялись на реках Западная Двина и Днепр, и открыть путь на Москву. На пути врага был Витебск. В начале июля развернулись упорные бои на Витебском, Оршанском и Могилевском направлениях.

3–4 июля 1941 г. развернулись ожесточенные бои в районе Лепеля. Немцы прорвали оборону и вышли на рубеж Улла–Бешенковичи–Сенно. Утром 6 июля 5-й (генерал-майор И.П. Алексеенко) и 7-й (генерал-майор В.И. Виноградов) механизированные корпуса 20-й армии начали контрнаступление с целью разгрома группировки врага, который

наступал в направлении Витебска. Соединения 5 и 7 корпусов вышли из района Богушевска на Сенно, освободили его (5-й механизированный корпус 3 дня удерживал Сенно), продвинулись на 30–40 км, разгромив 2 немецких моторизованных полка. На Лепельском направлении уничтожили моторизованную дивизию, до 40 орудий, много транспортных средств противника, освободили Лепель [1, с. 577]. Упорные бои, в том числе танковые, шли с 6 по 9 июля к северу от Сенно. 7 июля немцы бросили на Сенно 47-й моторизованный корпус, авиацию, был выброшен крупный воздушный десант. В результате 5-й механизированный корпус оказался в окружении. Части Красной Армии были отрезаны от тылов, снабжения горючим и боеприпасами и, тем не менее, в течение 4 суток (6–10 июля) продолжали сдерживать противника. В этих боях примеры стойкости и массового героизма показали наши солдаты и офицеры. В боях под Сенно в тяжелые июльские дни 1941 г. отличился механик-водитель 18-го особого разведывательного батальона сержант И. Безбородов, который вступил в бой с несколькими танками противника. Умело маневрируя машиной, он дал возможность командиру пушки уничтожить 3 немецких танка. Механик-водитель был ранен, но продолжал управлять танком. Он покинул пылающую машину только тогда, когда были использованы все боеприпасы.

Героически сражались с врагом воины 17-го мотострелкового полка во главе с командиром майором Д.Ф. Михайловским и полковым комиссаром Л.Ю. Эйхманом. Сотни участников боев под Сенно были удостоены орденов Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, медалей «За отвагу» и «Боевые заслуги». Среди представленных командованием к награждению был и командир батареи 14-го гаубичного артполка 14-й танковой дивизии старший лейтенант Яков Джугашвили – сын И.В. Сталина. Немецкий генерал Гудериан после войны в своей книге «Воспоминания солдата» писал: «Нас сильно били под Сенно» [3].

Подтянутые войска врага и поддержка авиации вынудили советские корпуса прекратить наступление, а потом прорываться из окружения в район Орши. Контрударом (6–10 июля) противнику был причинен ущерб, значительно уменьшена его ударная сила и замедлен темп продвижения на восток. Командир 18-й немецкой танковой дивизии генерал Неринг по бои под Лепелем писал:

«Потери амуниции, оружия, машин необычайно большие... Это положение нетерпимое, иначе мы напобеждаем до собственной гибели» [4]. В память о Лепельском контрударе в г.п. Богушевск Сенненского района поставлен памятник.

Непосредственно на подступах к Витебску с 5 июля вела бои на рубеже д. Гнездилово – восточный берег оз. Саро–деревень Липнево, Мошканы, Александрово, прикрывая западные подступы к Витебску со стороны Сенно и Лепеля, 153-я стрелковая дивизия (20-й армии) под командованием полковника Н.А. Гагена. Она была переброшена из Свердловска в Витебск, и прямо с вокзала части направлялись на линию обороны. День и ночь бойцы рыли траншеи и ходы сообщения. Помощь оказывало местное население, студенты. Командный пункт дивизии был расположен в д. Тарелки (2–3 км к западу от Витебска). Дивизия удерживала оборону с 5 июля.

Воины 153-й стрелковой дивизии выстояли под ударами двух вражеских дивизий, одна из которых была танковой, и на несколько дней приостановили продвижение противника под Витебском.

5 июля передний край нашей обороны подвергся артиллерийскому и минометному обстрелу, появились танки, затем двигались автоматчики. На участке 505-го стрелкового полка фашистам удалось глубоко вклиниться в нашу оборону, но контратакой второго эшелона гитлеровцы были отброшены на исходное положение. За день дивизия отбивала по 5–6 вражеских атак, сама переходила в контрнаступление. Только 7 июля бойцы стрелковой дивизии уничтожили 5 танков, 6 противотанковых орудий и минометную батарею врага. В первые недели войны немецко-фашистские войска широко использовали тактику обхода. Встречая сильное сопротивление на отдельных участках фронта, гитлеровцы не останавливались, а прорывали линию обороны на более слабых участках и шли на восток. 9 июля немецкие войска в обход 153-й стрелковой дивизии прорвались к Витебску со стороны Уллы.

В этих условиях 153-я стрелковая дивизия была вынуждена занять оборону по линии деревень Латыпин, Шпили и по реке Лучоса до д. Кузьминцы. Командный пункт дивизии разместился в д. Осиновка. Обстановка к этому времени значительно ухудшилась. Была потеряна связь с соседями и штабом корпуса. Около месяца 153-я стрелковая дивизия про-

должала вести бои под Витебском в условиях полного окружения, сковав значительные силы врага. Но и в полном окружении советские воины проявляли стойкость, мужество и отвагу. В треугольнике между Витебском, Оршей и станцией Крынки они сумели взять под контроль некоторые основные дороги и не давали вражеским пехотным дивизиям соединиться с механизированными частями, которые вырвались вперед. Последние тяжелые бои на Витебщине дивизия вела во время выхода из окружения. Гитлеровцы всячески старались не допустить прорыва дивизии к основным силам Красной Армии. Но мощной атакой и смелым маневром кольцо фашистов в районе Добромысля 19 июля 1941 г. было прорвано, и дивизия пошла на восток по тылам противника, сея панику и нанося ему потери. Стойкость и мужество воинов 153-й стрелковой дивизии в боях на территории Витебщины были высоко оценены государством. В числе первых четырех соединений она была переименована 18 сентября 1941 г. в 3-ю гвардейскую стрелковую дивизию [5].

6–9 июля немцы перенесли главное направление удара с юго-запада на север и северо-запад, на участке Улла–Бешенковичи и 9 июля 1941 г. прорвались к Витебску.

После мощной артподготовки немцы попытались прорваться в Витебск сразу в нескольких местах: у Чепино, по Городокскому, Полоцкому шоссе и со стороны аэродрома. Ожесточенные бои разгорелись в самом Витебске.

Вместе с советскими войсками город защищали ополченцы. Народное ополчение было сформировано 5–6 июля 1941 г. по решению Витебского обкома КП(б)Б. Оно состояло из 4-х батальонов (Октябрьского, Первомайского, Железнодорожного районов, Осоавиахима). Батальон народного ополчения Железнодорожного района (командир Б.К. Семенов, комиссар И.Г. Григорьев) насчитывал 900 человек – рабочие станкостроительного завода и железнодорожного узла, студенты и преподаватели учебных заведений, служащие учреждений. Роты обороняли позиции в районе д. Лосвидо. 9 июля фашисты перешли в наступление. Бой длился 5 часов. Воины и ополченцы отбили несколько атак, но противнику удалось потеснить защитников города к Успенской горке.

Ополченцы Первомайского района (командир А.А. Монахов, комиссар Ф.Н. Нагорный) 8 июля держали оборону в центре города. Здесь же сражался батальон милиции

под командованием А.Д. Ермакова. К концу дня, 9 июля, немцы захватили западную часть города. Особенно упорные бои развернулись за Юрьеву горку, что мешало противнику выйти к Западной Двине в районе вокзала. Немцы стали пытаться прорваться на восточный берег Западной Двины напротив Песковатика и Мазурино. Но батальон Осоавиахима (450 человек, командир И. Кленов, комиссар Г.С. Усатенко) с 9 июля оборонял левый берег Западной Двины в районе Мазурино, не давал врагу приблизиться к реке и охранял мост через Двину (Кировский). Батальон был вооружен винтовками, 3 станковыми и 6 ручными пулеметами и 350–400 гранатами. И все же к концу 9 июля врагу удалось прорваться на территорию Мазурино. 10 июля вечером батальону Осоавиахима было приказано занять оборону в районе Журжево. В неравном бою погибла почти вся первая рота батальона. 11 июля ополченцы покинули Витебск. Часть ополченцев затем влилась в ряды Красной Армии, другие оказались в рядах партизан и подпольщиков [6].

Мужественно действовали воины 46-го особого противотанкового дивизиона под командованием капитана Г.И. Беленкова в центре Витебска. Наводчик П.М. Холин, расчищая путь пехоте, подавил 11 огневых точек. Наводчик М.М. Кулешов возле переправы через Западную Двину заставил замолчать 6 огневых точек врага. Мужественно сражался политрук батареи Я.В. Алферинок, уроженец д. Новое Село Богусhevского района. Батарея возле переправы подавила до 7 пулеметов, уничтожила 5 мотоциклов с немцами. Дивизион капитана Г.И. Беленкова был окружен на площади Свободы, но сумел с потерями вырваться из вражеского кольца. С 10 по 15 июля дивизион подбил 10 танков, бронемашину, одну танкетку, уничтожил более 50 огневых точек, более 200 фашистов. Позднее Г.И. Беленков был награжден орденом Красного Знамени и назначен начальником артиллерии дивизии.

Упорные бои вели танкисты, артиллеристы, пехотинцы на территории аэродрома. Командир 137-го танкового полка подполковник М. Смирнов повел в атаку группу из 17 танков. Сам он находился в машине лейтенанта В. Маснева. Лейтенант В. Маснев уничтожил разведтанк противника. При возвращении из атаки он заметил в лесу 10 цистерн с горючим и поджег их. Во время второй атаки вражеский снаряд попал в башню танка. Погиб подполковник Смирнов. В это же день лейте-

нант Маснев подбил 2 вражеских танка. Он был награжден орденом Красного Знамени.

9 июля в районе Тирасполя в город вошла немецкая мотоколонна. По свидетельствам очевидцев, на развилке Полоцкого и Ленинградского шоссе, где тогда стоял памятник Ленину, вырвался одинокий советский танк и, устремившись навстречу врагу, врезался в немецкий. Оба танка загорелись, экипажи погибли. На следующий день местные жители похоронили советских танкистов [5].

Утром 10 июля немцы форсировали Западную Двину и захватили Улановичи, аэродром, железнодорожный мост. Оставшиеся в живых защитники города оказались окруженными и держали оборону весь день. 220-я мотострелковая дивизия 19-й армии дважды выбивала противника с восточной части города, но и несла огромные потери. 11 июля с утра противник начал контрнаступление и 220-й мотострелковой дивизии было приказано отступить.

Из-за преимущества в силах 11 июля 1941 г. немецко-фашистские войска заняли Витебск. Захватив Витебщину, гитлеровцы, как и повсеместно на оккупированной советской территории, установили здесь режим кровавого террора, чудовищного произвола и грабежа.

Заключение. В начале июля 1941 г. советское командование пыталось создать линию обороны на рубеже рек Западная Двина и Днепр. Перед немецкими войсками группы армий «Центр» была поставлена задача окружить и разбить здесь части Красной Армии, захватить Витебск, Оршу и начать продвижение на Смоленск и Москву. Западный фронт был укреплен 5-ю армиями, но прибывавшие войска не успевали готовить оборонительные сооружения, была недостаточной материальная и военно-техническая обеспеченность воинских подразделений, существовала частая разобщенность в их действиях. Несмотря на это, солдаты и офицеры Красной Армии оказывали героическое сопротивление оккупантам. На Витебщине развернулись жестокие бои в районе Лепеля, Сенно, непосредственно на подступах к Витебску. Особо отличились воины 19-й, 20-й армий, народные ополченцы. Представляется объективным мнение белорусского историка С.Е. Новикова, который считает, что на белорусской земле не только советские части познали тяжесть тяжелых потерь, но и вермахту был нанесен значительный урон, и эти потери могут счи-

таться первым реальным шагом, сделанным на пути к краху плана «молниеносной войны» на территории Беларуси [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваенная энцыклапедыя Беларусі / рэдкал.: Л.У. Языковіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. – С. 268.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. – Фонд 208. – Оп. 256210. – Д. 1. – Л. 17.
3. Гудериан, Г. Воспоминания солдата / Г. Гудериан. – М.: Воениздат, 1954. – С. 67.
4. Краснознаменный Белорусский военный округ. – М., 1983. – С. 117.
5. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Віцебска: у 2 кн. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. энцыкл., 2002. – Кн. 1. – С. 401–403.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 4. – Воп. 33 а. – Л. 223–225.
7. Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 6 красав. 2012 г.: у 2 т. / рэдкал.: А.А. Каваленя (адк. рэд.), С.Я. Новікаў (намесн. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: МДЛУ, 2013. – Т. 1, вып. 11. – С. 34–35.

Поступила в редакцию 19.09.2014 г.

Принята в печать 29.12.2014 г.

УДК [94(476)“1656/1657”:+336.74(476)“1656/1657”(091)]:930.2(476.5)

К вопросу о «ефимках с признаками» в Беларуси (по материалам Актовой книги Полоцкого магистрата 1656–1657 гг.)

Кобринец В.А.

Учреждение культуры «Музей Белорусского Полесья», Пинск

Возрастание сегодня исследовательского интереса к истории денег определяет актуальность анализа роли монет России в рыночной жизни Беларуси во время войны 1654–1667 гг.

Цель работы – проанализировать роль «ефимков с признаками» в денежном обращении белорусских земель. Данные монеты появились в результате надчеканки в 1655 г. на Московском монетном дворе западноевропейских талеров двумя клеймами (копеечным и цифирным).

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе материалов Актовой книги Полоцкого магистрата 1656–1657 гг., хранящейся в Национальном историческом архиве Беларуси.

Результаты и их обсуждение. Во время войны 1654–1667 гг. вместе с русскими войсками «ефимки с признаками» попадали на территорию Беларуси. В Полоцке их самым распространенным названием было «талеры печатные». Местное население принимало их на хранение и оставляло в наследство. Ефимками горожане рассчитывались за товар, брали и отдавали долги.

Заключение. Полоцкие мещане признавали клейменные талеры законным платежным средством.

Ключевые слова: денежное обращение, «ефимки с признаками», «талеры печатные», война 1654–1667 гг., Полоцк, Русское государство, Речь Посполитая.

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 38–44)

On the Issue of “yefimki s priznakami” in Belarus (according to Polotsk Magistrate Register of 1656–1657)

Kabrynets V.A.

Culture establishment “Museum of Belarusian Polesye”, Pinsk

Increase in the research interest in the history of money determines the topicality of the analysis of the role of Russian coins in market life of Belarus during the War of 1654–1667.

The purpose of the work is to analyze role of “yefimki s priznakami” in money circulation of Belarusian lands. These coins appeared as a result of countermarking of West European thalers at Moscow Mint by two – rider and date – counterstamps in 1655.

Material and methods. The study is based on the materials of Polotsk Magistrate Register of 1656–1657, which is kept in the National Historical Archive of Belarus.

Findings and their discussion. “Yefimki s priznakami” came to Belarusian lands during the Russian-Polish War of 1654–1667. In Polotsk the most popular name for them was “imprinted thalers”. Local population accepted them for deposits and left as inheritance. Yefimki were also used for paying for goods, borrowing and paying debts.

Conclusion. Polotsk citizens recognized counterstamped thalers as a valid instrument of payment.

Key words: coin circulation, “yefimki s priznakami”, “imprinted thalers”, the Russian-Polish War of 1654–1667, Polotsk, Russian State, Rech Pospolitaya.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 38–44)

Адрес для корреспонденции: e-mail: lerakob@yandex.ru – В.А. Кобринец

В 1654–1667 гг. Русское царство находилось в состоянии вооруженного конфликта с Речью Посполитой (конфедерации Великого княжества Литовского и Польского королевства), в состав которой входили белорусские земли. В первые два года войны русскими войсками была занята значительная часть Великого княжества Литовского, в том числе и такие крупные города, как Вильно, Полоцк, Витебск, Могилев. Согласно Виленскому перемирию от 24 октября 1656 г. в состав России временно вошла территория на восток от р. Березины, правого притока Днепра.

Одним из результатов военнополитического и экономического потрясения середины XVII в. стал массовый приток русских монет на белорусские земли, и как следствие более частое, чем в XVI – первой половине XVII в., упоминание продукции денежных дворов России в документах Беларуси. Одним из видов русских монет, включившихся в 1654–1667 гг. в денежное обращение белорусских земель, были «ефимки с признаками» (рис. 1). Поскольку в XVII в. одним из значений слова «печать» был оттиск штемпеля или клеймо [1, с. 245; 2, с. 120, 131, 137, 149], то «ефимок печатный» был одним из вариантов названия клейменного на Московском денежном дворе в 1655 г. западноевропейского талера. Он появился в результате надчеканки двумя клеймами – копеечным (рис. 2) и цифирным (рис. 3).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Целью предлагаемого исследования является рассмотрение роли «ефимков с признаками» в денежном обращении Полоцка во время войны 1654–1667 гг. В работе впервые в научный оборот вводятся новые документы

о данных монетах. Их изучение позволяет ответить на некоторые вопросы об участии и месте клейменых талеров в рыночной жизни северо-востока Беларуси. Во-первых, проанализировать использование термина «талер печатный» населением Полоцка для отличия русских ефимков от идентичных им по пробе и весу западноевропейских талеров. Во-вторых, по данным письменных источников рассчитать курсы обмена «ефимков с признаками» на рынках земель Великого княжества Литовского, занятых русскими войсками во время войны. В-третьих, выявить функции, которые выполняли надчеканенные талеры на рынках северо-востока белорусских земель.

Материал и методы. В дореволюционной российской и советской историографии 20–30-х гг. применительно к клейменному в Москве западноевропейскому талеру употреблено наименование «ефимок с признаками». Его приводят в своих работах И.И. Кауфман [3, с. 108], Ф.П. Аделунг [4, с. 91], К.В. Базилевич [4, с. 20, 30].

Начало систематическому изучению «ефимков с признаками» было положено исследователями научных центров Ленинграда и Москвы. Наиболее крупными работами по проблематике русских ефимков являются труды И.Г. Спасского. В них талер, клейменный на Московском денежном дворе, именуется как «ефимок с признаком» [2; 5–7] или как «ефимок с признаками» [5, с. 97, 99] с преобладанием первого варианта. Согласно изысканиям ученого, таким было официальное наименование талера с надчеканками. Каким источником пользовался исследователь для введения в научный оборот этого понятия, к сожалению, не установлено. В материалах приводимых им документов повсеместно используется множественное число («признаки»), а не единственное («признак») [2, с. 110–111, 141]. Подкрепленный авторитетом И.Г. Спасского термин «ефимок с признаком» получил распространение в работах таких исследователей, как А.С. Мельникова [8, с. 202–203, 207], В.Н. Рябцевич [9, с. 169; 10, с. 221; 11, с. 123; 12, с. 174]. В последнее время возврат к названию «ефимок с признаками» связан с изысканиями С.В. Зверева [13; 1].

И.Г. Спасский рассматривал вопрос бытования «ефимков с признаками» также и на белорусских землях. Результаты его изучения этих монет могут быть сведены к следующим положениям. В Беларуси клейменные ефимки

имели достаточно широкое распространение, но вкладах они представлены значительно реже, чем в депозитах Украины. Военное присутствие России на землях Речи Посполитой стало причиной поступления на украинские и белорусские земли западноевропейских талеров с русскими надчеканками. «Меченые» талеры использовались царским правительством исключительно для выплат жалования стрельцам-участникам похода 1655 г. и войскам на оккупированных землях Речи Посполитой [6, с. 149; 5, с. 98–99; 6, с. 7, 20; 7, с. 6].

Работа по изучению участия «ефимков с признаками» в денежном обращении белорусских земель была продолжена отечественными исследователями. В.Н. Рябцевич полагал, что жители восточной Беларуси видели в русских ефимках привычную полноценную западноевропейскую монету [12, с. 158–159]. В то же время автор отмечал тот факт, что в 1655 г. местное население отказывалось принимать эти монеты к оплате за товары [10, с. 193; 14, с. 430]. Сбор информации о новых находках клейменных талеров на территории Беларуси был осуществлен В.А. Филиновым. По его мнению, преобладание количества украинских находок русских ефимков над белорусскими явилось отражением союзнических отношений Украины с Россией [15, с. 164–165].

При рассмотрении историографии становится ясно, что при освещении места «ефимков с признаками» на белорусских рынках основное внимание уделялось вещественным источникам. Данные документов привлекались исследователями в малой степени.

Автором данной статьи в одной из ранее опубликованных работ была предпринята попытка также систематизировать сведения о находках этих монет на территории Великого княжества Литовского. Предположительно, их основной ареал распространения в восточной Беларуси был связан с нахождением тут крупных воинских соединений России [16, с. 109].

Основным источником для написания данной работы послужила Актовая книга Полоцкого магистрата за сентябрь 1656 – август 1657 г. [17], хранящаяся в Национальном историческом архиве Беларуси. Частично ее материалы были опубликованы в коллективной работе «Полоцк» (серия «Древнейшие города Беларуси») [18, с. 545–700]. Дополнительными источниками явились Актовая книга Могилевского магистрата за сентябрь 1656 – август 1657 г. [19] и данные из опубликованных сборников документов, в частности «Русско-

белорусских связей» [20] и «Актów, относящихся к истории Южной и Западной России» [21]. В материалах Актóвой книги Полоцкого магистрата зафиксированы названия многих русских денег – денга (1/2 копейки), копейка, алтын (3 копейки), гривна (10 копеек), полполтина (25 копеек), рубль (100 копеек) и «ефимок с признаками». Это почти полный набор монет и счетно-денежных единиц Русского царства середины XVII в., за исключением полтины (50 копеек).

Результаты и их обсуждение. В документах Актóвой книги Полоцкого магистрата обнаружены новые, не известные ранее в нумизматической литературе названия русских монет – «талеры печатные» и его разновидности «талеры печатные государевы», «талеры битые государевы» [17, л. 109, 380 об.; 18, с. 649], а также «яфимки государевы печатные» [17, л. 120 об.; 18, с. 583]. Согласно трудам И.Г. Спасского, в России одним из вариантов названия «ефимков с признаками» был «ефимки печатные» [2, с. 110–111, 120, 137, 141, 147–148]. В одной из своих ранних работ он приводит ряд документов, где упоминается данный термин. Это опись казны патриарха Никона, составленная 31 июля 1658 г. и опубликованная во «Временнике императорского Московского общества истории и древностей российских» [22, с. 23, 25–27; 2, с. 110–111], а также царский приказ о выкупе у населения крупных серебряных монет, присланный в Псков 15 февраля 1659 г. [2, с. 141]. До последнего времени такое именование клейменого талера оставалось вне поля зрения исследователей и фактически не использовалось при написании работ при изучении данных монет. Анализ работ И.Г. Спасского и собственное изучение названий талеров в Актóвой книге Полоцкого магистрата позволяет сделать вывод о том, что в данном источнике «ефимки с признаками» имеют наименование «талеры печатные». Дополнительным аргументом в пользу тождественности определенных «ефимков с признаками» и «талеров печатных» является достаточно частое употребление термина «государевы» относительно этих монет. Поскольку Полоцк во время войны 1654–1667 гг. входил в состав Русского государства, то единственно возможным правителем, к которому это может относиться, является русский царь Алексей Михайлович.

Следует заметить, что впервые «ефимки с признаками» на белорусских землях упоминаются в царской грамоте от 19 ноября 1655 г.

на челобитную русских драгун, расквартированных в Витебске [20, с. 359; 10, с. 193], из которой следует, что в городе «всяких чинов люди» отказываются принимать к оплате новые русские монеты, в том числе и клейменные талеры. В грамоте называется также и «указная» цена «ефимка с признаками» – 64 серебряные копейки [20, с. 359].

О «ефимках с признаками» имеется информация и в «Росписи денежной казны» Полоцка от 20 июля 1661 г. В ней перечислены различные русские монеты, имеющиеся в наличии: «...ефимков с признаками и рублевиков и полтинников и четвертин и грошевиков и алтынников на 111 руб[лей] на 17 алтын на 2 ден[ги]» [23, с. 409].

В Актовой книге Полоцкого магистрата наиболее ранний документ, упоминающий «талеры печатные», датируется 26 сентября 1656 г. Это дело о грабеже магазина мещанки Аксиньи Парфеновны, жены Василия Смолягова [17, л. 32–32 об.; 18, с. 555–556]. Всего же в материалах книги информация о данных монетах содержится в 19 актах.

«Талеры печатные» известны не только в Полоцке, но и в Могилеве и Киеве. Так, 10 декабря 1656 г. в инвентаре могилевского бурмистра Овхима Ивановича Хомутовского «талер печатный» идет «по алтын двадцати одной и пол» ($3 \times 20 + 3 \times 1 + 3 \times 1/2 = 64,5$ копейки. – *В.К.*) и «по алтын осмнадцать» ($3 \times 18 = 54$ копейки. – *В.К.*) [19, л. 191].

В июле 1658 г. царю от киевского воеводы боярина Василия Борисовича Шереметева «с товарищи» была прислана роспись денежной казны, принятой от их предшественников. В ее составе фигурируют названия крупных серебряных монет – «ефимки печатные» (клейменные талеры. – *В.К.*), «ефимки непечатные» (неклейменные талеры. – *В.К.*), «тарели» (то же, что и талеры. – *В.К.*). В документе приводится пересчет всех имеющихся сумм на русские деньги. Так, 138 «ефимков печатных» и 2 четверти были равны 88 рублей 7 алтын 4 деньги или один ефимок соответствует 63,7 копейки ($138,5 : 88,23 = 63,7$). Цена обычного талера составляет полтину (50 копеек), в то же время его киевская цена равна 18 алтын ($18 \times 3 = 54$ копейки) [21, с. 220]. Для сравнения 5 декабря 1656 г. в Полоцке неклеяемый талер был оценен в 16 алтын [17, л. 102 об.] или 48 копеек ($16 \times 3 = 48$).

Как показывают материалы Актовой книги Полоцкого магистрата, к 1656 г. русские ефимки становятся полноценными составляющими рынков. Следует отметить несколько

признаков, свидетельствующих об инкорпорации этих монет в денежное обращение Полоцка. В документах они неоднократно называются «готовыми грошами» (наличными деньгами) и «битыми» (как монеты). Полоцкие мещане пересчитывают клейменные талеры на копы, каждая из которых была равна 60 литовских грошей. Так, в документе от 12 июня 1657 г. (расчет между жителем Переяслава Сильвестром Высоцким украинцем и мещанином Михалком Титовичем) приводится сумма «наклада» (расхода. – *В.К.*) – «коп десети в талерах печатных» [17, л. 447 об.; 18, с. 670].

Показательный эпизод из жизни полоцких мещан с участием «ефимков с признаками» отражен в тяжбе от 9 февраля 1657 г., на котором стоит остановиться более подробно. Согласно ее материалам, мещанин Кондрат Скрипка обвинил другого мещанина Кондрата Гиньку в пропаже у него тринадцати коп грошей и «талера печатного». Истец и ответчик по-разному описывали это событие. По словам Скрипки, он зашел в «шинок» полоцкого лавника Яна Тишковича, чтобы поменять несколько «талеров печатных» на мелкую монету. Встретив там Кондрата Гиньку и поговорив с ним, истец высыпал на стол все свои деньги, из которых ответчик взял только один талер, а остальные вернул. Пробыв некоторое время в шинке, Скрипка сильно опьянел и заснул. Гинька разбудил его и отправил с челядником (домовым слугой. – *В.К.*) домой. В результате у истца исчезла крупная сумма денег.

Позванный судебным исполнителем Иваном Шлюбовским Гинька сообщил, что Скрипка зашел в дом Яна Тишковича с намерением пригласить его «на мед», а не для размена монеты. Там истец показал четыре талера и один из них добровольно дал ответчику в оплату налога за землю дома, в котором проживает. Обвиняемый сам видел, что потерпевший завернул деньги в платок и спрятал. Сильно подпившего Скрипку Гинька не трогал, но по его просьбе позвал челядника и домой отправил. Сопровождающий не мог причинить истцу никакого вреда, поскольку это был подросток двенадцати лет, сын полоцкого мещанина Еська Карпеки. Слова Гиньки подтвердил полоцкий мещанин Федор Запека, которого Скрипка также пригласил на мед: «...а шкода жадная (никакой вред. – *В.К.*) ему Кондрату Скрыпце одъ Кгиньки не учинилася». С этим выводом и согласился суд [17, л. 209 об. – 210 об.; 18, с. 608–610].

Чаще всего упоминания монет, в которых можно видеть «ефимки с признаками», фиксируются в документах кредитно-финансового характера («позыках», приеме денег на хранение). Так, в «Прызнанье Омеляна Шеденька» от 17 января 1657 г. этот мещанин обязуется вернуть в вербное воскресенье (15 марта по юлианскому календарю. – В.К.) другому мещанину Симону Дрофеевичу «дванадцать талеров печатных», которые тот заплатил вместо него рейтару Якиме Порецкому [17, л. 166–166 об.].

Кроме рядовых, «ефимки с признаками» бывали в руках других категорий царских служилых людей – трубачей, квартирмейстеров и младших командиров (сержантов). Как записано в тяжбе от 6 марта 1657 г., претензии «человека русского», полкового трубача Исаака Григорьева сына Кузавлева, к мещанке Васюте Максимовой составили три «талера печатных». Да к тому же ее служанка, полонянка Сильневка, унесла с собою «денег его мелких рубля полтора а талеров печатных десет» [17, л. 250–250 об.]. В других документах с участием русских военных и полоцких мещан названы суммы долга в семь и десять «талерей печатных» [17, л. 374 об., 384; 18, с. 646].

Архивные документы показывают и непорядочность между людьми при одолжении денег. К примеру, 5 января 1657 г. купцы Федор Малявка, Василий Иванович, Лукаш Дземеентеенок подали на рассмотрение магистрата совместную «протестацію» (заявление против чего-нибудь, жалоба на подступ, насилие и обиду. – В.К.) на четвертого своего товарища Якима Рымара. В ней они сообщили, что в сентябре 1656 г. все вместе ездили торговать «до обозу царског[о] величества... с Полоцка рекою Двиною чолном под Рыгу». Там, после продажи половины товара, по поручению своих товарищей Яким с вырученными деньгами отправился домой. По пути он, не ставя в известность остальных, из общих денег тайно одолжил некоему казаку Федору Ломышу «таларов печатных пят битых» [17, л. 135–136; 18, с. 586–588].

Как следует из материалов Актовой книги, полочане одалживали «талеры печатные» и друг у друга. 10 и 12 августа 1657 г. городским магистратом рассматривалось дело между Карпой Харитоновичем и его зятем Алексеем Федоровичем. До начала тяжбы тесть так и не получил от Алексея Федоровича взятые «в пост великий на середопосной недели» (между 23 февраля и 11 марта по юлианскому календарю. – В.К.) тринадцать «талерей печатных»

[17, л. 520, 521–521 об.]. 15 января 1657 г. Андрей Шаша дал показания против Яна Коновича, что тот не желает вернуть взятые у него вещи, в том числе и «готовыми пять таларов печатных» [17, л. 146–146 об.].

Из материалов Актовой книги можно заключить, что жители Полоцка принимали ефимки на хранение («до схованья») от русских людей и своих земляков. Согласно данным дела от 12 декабря 1656 г., русский человек Терентий Борисов сын Батурин дал на хранение мещанке Палюше Федоровой «сем талерей печатных г[осу]д[а]р[е]вых» [17, л. 109]. Об аналогичной операции на «дванадцать талеровъ печатных» есть запись в акте от 7 августа 1657 г. между Федором Завечельцом и Агапеей Матфеевой [17, л. 512].

За товары и услуги оплату «ефимками с признаками» принимали как полочане, так и жители иных мест (могилевчане, русские люди). Так, 11 мая 1657 г. в магистрат обратился могилевский мещанин Василий Федорович с жалобой на Остапа Мартюшонка. В ней он обвинил ответчика в невозврате ему «десети талерей г[осу]д[а]р[е]вых печатных, за товар у нег[о] взятый винных». Суд постановил вернуть долг в течение трех дней деньгами «готовыми теж печатными» [17, л. 397–397 об.]. Как следует из материалов дела от 16 февраля 1657 г., мещане (Стефан Харкович, Мартин Гарбуз, Иван Иванович и Дорошко Иванович) «талерами печатными» платили «рохмистру царскому» пану Косовскому за его «горелку», выпитую ими по дороге из Полоцка в царский обоз под Ригу [17, л. 222–223].

Русские ефимки нередко фигурируют в материалах криминальных дел. 26 сентября 1656 г. в полоцком суде рассматривалась «протестація» жены Василия Смолягова мещанки Аксины Парфеновны о грабеже «крамы» (магазина). В великой скорби мещанка заявила, что ночью с 17 на 18 сентября неизвестными было похищено различных вещей и «грошми готовыми, то ест копейками коп шестдесят, особливе талеров печатных двадцат, до того копейками было золотых дванадцат» [17, л. 32; 18, с. 556].

В материалах другого дела от 17 декабря 1656 г. зафиксировано, что по наущению мещанки Маруши Ивановны холопец (холоп, невольник. – В.К.) стрелыца Омеляна Варганова у него «знесл денег дробных серебряных рубли тры да яфимков г[осу]д[а]р[е]вых печатных тры» [17, л. 120 об.; 18, с. 583].

Со слов прапорщика Андрея Иванова сына Кренева 1 мая 1657 г. судом записано, что в его

отсутствие «молойцы» (слуги, наемные работники. – В.К.) лавника Ивана Зимницкого выняли из сумок истца серебра на «четыре талеры битых г[осу]д[а]р[е]вых» [17, л. 380 об.; 18, с. 649].

Суммы в русских клейменных талерах фигурируют в исках о наследстве и в завещаниях полочан. В тяжбе от 15 октября 1656 г. портной Даниель Лаптевич обвиняет свою сестру Марью Лукьяновну и ее мужа Максима Ивановича, что они всячески препятствовали его встречам с тяжело больной матерью Раиной Савиной Лукьяновой. В результате истец и еще одна его сестра были обойдены в ее завещании. В нем среди имущества покойной упоминаются также и «талеров битых печатных двесте» [17, л. 58 об.].

Заключение. Подводя предварительные итоги исследования роли «ефимков с признаками» на белорусских землях на примере Полоцка, следует признать, что, несмотря на отторжение местными рынками в 1655 г., они достаточно быстро и органично вошли в систему денежного обращения земель Речи Посполитой, бывших под контролем русских войск во время войны 1654–1667 гг. В Актовой книге Полоцкого магистрата 1656–1657 гг. эти монеты упоминаются в 19 документах. В них зарегистрировано несколько вариантов названия, под которыми фигурируют русские клейменные талеры: «талеры печатные», «талеры печатные государевы», «яфимки государевы печатные» и «талеры битые государевы». Наиболее употребительной разновидностью была «талеры печатные».

«Ефимки с признаками» для своих целей использовали русские служилые люди, жители Полоцка и Могилева. Местное население признавало эти монеты законным платежным средством, поскольку их упоминания в документах нередко были связаны с двумя качествами. Во-первых, талеры с русскими надчеканками назывались «битыми» (как монета) и «готовыми грошами» (наличными деньгами). Во-вторых, полоцкие мещане пересчитывали их на копы. «Талеры печатные» имели широкое применение в рыночной жизни Полоцка. Их принимали на хранение («до схованья»), оставляли в наследство. Этими монетами рассчитывались за товар, брали и отдавали долги («позыки»). Русские ефимки нередко фигурируют в материалах криминальных дел. Во время войны существовало несколько котировок «ефимка с признаками» – официальная

«указная» (64 копейки) и рыночные (64,5, 63,7 и 54 копейки).

ЛИТЕРАТУРА

1. Зверев, С.В. К истории монетного производства в Русском государстве в XVI–XVII вв. / С.В. Зверев // Нумизматика: сб. науч. трудов. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. – Вып. 17. – С. 219–252.
2. Спасский, И.Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1663 гг. / И.Г. Спасский // Археографический ежегодник за 1959 год. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – С. 103–156.
3. Кауфман, И.И. Серебряный рубль в России. От его возникновения до конца XIX века / И.И. Кауфман. – СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1910. – 269 с.
4. Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века / сост.: Ф.П. Аделунг, А.М. Ловягин. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1903. – 191 с.
5. Спасский, И.Г. Каталог ефимков 1655 г. / И.Г. Спасский // Нумизматика и сфрагистика. – Киев: Наук. думка, 1971. – Т. 4. – С. 96–166.
6. Спасский, И.Г. Русские ефимки. Исследование и каталог / И.Г. Спасский. – Новосибирск: Наука, 1988. – 334 с.
7. Спасский, И.Г. Талеры в русском денежном обращении 1654–1659 годов (сводный каталог ефимков) / И.Г. Спасский. – Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1960. – 72 с.
8. Мельникова, А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 год / А.С. Мельникова. – М.: «Финансы и статистика», 1989. – 318 с.
9. Рябцевич, В.Н. Клады чрезвычайных обстоятельств на землях Великого княжества Литовского / В.Н. Рябцевич // Pieniądz i wojna. Białoruś, Litwa, Łotwa, Polska, Słowacja, Ukraina: materiały z VI Międzynarodowej konferencji numizmatycznej, Supraśl, 9–11 września 2004. – Warszawa, 2004. – С. 167–176.
10. Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси / В.Н. Рябцевич. – Минск: Полымя, 1995. – 686 с.
11. Рябцевич, В.Н. О чем рассказывают монеты / В.Н. Рябцевич. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Минск: Нар. асвета, 1978. – 399 с.
12. Рябцевич, В.Н. Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии / В.Н. Рябцевич // Нумизматика и сфрагистика. – Киев: Изд-во Акад. наук УССР, 1963. – Вып. 1. – С. 152–202.
13. Зверев, С.В. К истории русских денежных реформ 1654–1663 гг. / С.В. Зверев // Патриарх Никон и его время: сб. науч. трудов. – М., 2004. – Вып. 139. – С. 108–143.

14. Рябцевич, В.Н. Русская монетная медь в кладях Белоруссии и Украины / В.Н. Рябцевич, В.А. Титок // Древности Белоруссии: доклады к конференции по археологии Белоруссии, март 1969 г. – Минск, 1969. – С. 427–435.
15. Филинов, В.А. Ефимки на Беларуси / В.А. Филинов // Pieniądz i wojna. Białoruś, Litwa, Łotwa, Polska, Słowacja, Ukraina: materiały z VI Międzynarodowej konferencji numizmatycznej, Supraśl, 9–11 września 2004. – Warszawa, 2004. – С. 161–165.
16. Кобринец, В.А. О находках ефимков с признаком на землях Великого княжества Литовского / В.А. Кобринец // Pieniądz–kapitał–praca wspólnie dziedzictwo Europy. Białoruś, Litwa, Łotwa, Polska, Rosja, Słowacja, Ukraina, Białystok–Augustów, 18–21 września 2008: materiały z VIII Międzynarodowej konferencji numizmatycznej. – Warszawa, 2008. – С. 107–112.
17. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Фонд 1823 (Полоцкий магистрат). – Оп. 1. – Д. 1 (Актовая книга Полоцкого магистрата за сентябрь 1656 – август 1657).
18. Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древнейших слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О.Н. Левко [и др.], редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.); науч. ред. О.Н. Левко; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2012. – 743 с.: ил. – (Древнейшие города Беларуси).
19. НИАБ. – Фонд 1817 (Могилевский магистрат). – Оп. 1. – Д. 23 (Актовая книга Могилевского магистрата за сентябрь 1656 – август 1657).
20. Русско-белорусские связи: сборник документов (1570–1667 гг.) / отв. ред.: Л.С. Абецдарский, М.Я. Волков. – Минск: Высш. шк., 1963. – 534 с.
21. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 15 т. / под ред. Г.Ф. Карпова [и др.]. – СПб.: Типография А. Катанского, 1892. – Т. 15: 1658–1659. – 462 с.
22. Беляев, И.Д. Переписная книга домоводной казны патриарха Никона, составленная в 7166 году по повелению царя Алексея Михайловича / И.Д. Беляев // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. – М.: Университетская типография, 1852. – Т. 15. – С. 1–134.
23. Акты Московского государства: в 3 т. / под ред. Д.Я. Самоквасова. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1901. – Т. 3: Разрядный Приказ. Московский стол. 1660–1664. – 674 с.
24. Базилевич, К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. / К.В. Базилевич. – М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – 115 с.

Поступила в редакцию 24.11.2014 г.

Принята в печать 29.12.2014 г.

УДК 327(73:510)“1989/1993”

Политика США в отношении Китая в период президентства Дж. Буша-ст.

Косов А.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Сегодня Китаю отводится роль основного оппонента доминирующим в мире США. Неудивительно, что американо-китайские отношения привлекают к себе пристальное внимание мировых политико-академического сообщества и общественности. В статье рассматривается эволюция внешней политики Вашингтона в отношении Китая в годы президентства Дж. Буша-ст. В частности, анализируются основные факторы развития китайского вектора внешней политики Соединенных Штатов в 1989–1993 гг., когда в Белом доме находилась республиканская администрация Дж. Буша-ст.

Цель работы – раскрыть сущность внешней политики США на китайском направлении в период президентства Дж. Буша-ст. на основе выявления ее ведущих тенденций и особенностей.

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе мемуарной и научной литературы американских и российских авторов, в том числе тех, кто имел непосредственное отношение к осуществлению внешней политики США в рассматриваемый период.

Результаты и их обсуждение. Особое внимание обращается на основные движущие силы внешнеполитического курса Вашингтона, особенно на внутривнутриполитическую борьбу в американском истеблишменте по «китайской проблеме». В первую очередь освещаются подходы американской администрации и Конгресса США к КНР после подавления в июне 1989 г. китайскими властями выступлений демонстрантов на площади Тяньаньмэнь, а также рассматриваются действия Белого дома по минимизации последствий для двусторонних отношений ужесточения американской политики в отношении Пекина.

Заключение. Делается вывод об относительной успешности внешней политики Соединенных Штатов на китайском направлении в период президентства Дж. Буша-ст.

Ключевые слова: США, Китай, Тайвань, администрация Дж. Буша-ст., Конгресс, Тяньаньмэнь, внешняя политика, американо-китайские отношения, торгово-экономическое сотрудничество, соперничество, права человека.

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 45–52)

The U.S. Policy towards China during George H.W. Bush Presidency

Kosov A.P.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

China today performs the role of the main opponent to the USA which dominates in the world. It's not surprising that American-Chinese relations attract great attention of the world political and academic community as well as public. Evolution of the foreign policy of Washington to China during G. Bush, the Senior presidency is considered in the article. In particular, main factors of the development of the Chinese vector of the US foreign policy in 1989–1993 are analyzed, when the Republican administration of G. Bush Sr. was in White House.

The purpose of the work is to disclose the essence of the US foreign policy on the Chinese direction during G. Bush, the Senior presidency on the basis of finding out its leading tendencies and features.

Material and methods. The study was based on memoir and scientific literature by American and Russian authors, including those who were directly linked with the US foreign policy during the considered period.

Findings and their discussion. Special attention is paid to main motion forces of Washington's foreign policy course, especially to the inner political fight in the American establishment concerning the Chinese issue. First of all approaches of American Administration and Congress to PRC after June 1989 Tiananmen Square protests suppression are considered as well as actions of White House to minimize consequences for the bilateral relations of hardening the American policy towards Beijing.

Conclusion. Conclusion is made on relatively successful US foreign policy on the Chinese direction in the considered period.

Key words: the USA, China, Taiwan, G. Bush, the Senior Administration, Congress, Tiananmen, foreign policy, American-Chinese relations, trade and economic cooperation, competition, human rights.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 45–52)

Адрес для корреспонденции: e-mail: alekos1979@mail.ru – А.П. Косов

Сегодня Китай приковывает к себе все более пристальное внимание Вашингтона. В первую очередь, это связано со стремительным подъемом политической, экономической и военной мощи, который демонстрирует КНР. В современном мире именно Китаю отводится роль основного оппонента доминирующим США. Поэтому неудивительно, что несмотря на взаимозависимость американо-китайские отношения периодически омрачаются конфликтами и кризисными ситуациями. Тем более, что в истории взаимоотношений Вашингтона и Пекина уже были довольно сложные периоды – например, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Исходя из этого представляется целесообразным охарактеризовать политику Соединенных Штатов в отношении КНР в период президентства Дж. Буша-ст.

Тема американо-китайских отношений в рассматриваемый период получила довольно полное освещение в мировой историографии. В первую очередь к ней обратились американские исследователи – Зб. Бжезинский, Д. Дэвис, Г. Киссинджер, К. Либерталь, Д. Лэмpton, Т. Кристенсен, Дж. Манн, У. Оверхолт, П. Тайлер, Н. Такер, Ю. Трани, Д. Шамбо и др.

В китайской историографии американо-китайским отношениям посвящены работы Ван Сюедун, Ван Цзисы, Гуй Юнтао, Пань Жуя, Сун Сяоцзюня, Сунь Чжицина, У Цяна, У Цзяньмина, Цзянь Цзюньбо, Чжу Фэна и др.

В российской историографии различным аспектам американо-китайских отношений в период президентства Дж. Буша-ст. посвящены исследования А.С. Давыдова, Г.В. Зиновьева, А.А. Киреева, О.А. Тимофеева, И.А. Цветкова, С.М. Труша и др. К сожалению, в современной белорусской историографии работ, посвященных американо-китайским отношениям в конце 1980-х – начале 1990-х гг., нет. Поэтому представляется весьма актуальным и своевременным в какой-то мере восполнить данный пробел.

Цель данной статьи заключается в раскрытии сущности внешней политики США на китайском направлении в период президентства Дж. Буша-ст. на основе выявления ее ведущих тенденций и особенностей. Для этого необходимо проследить борьбу мнений в американском истеблишменте по вопросу отношений с Пекином, охарактеризовать ключевые аспекты внешней политики Вашингтона в отношении Китая, определить факторы, влияющие на ужесточение позиций Соединенных Штатов по отношению к КНР, обра-

тить внимание на основные события в американо-китайских отношениях в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Материал и методы. Данная статья основывается на материалах, почерпнутых из исследований российских и американских авторов. В частности, была использована информация из мемуаров и исследований американских государственных деятелей. Например, рассмотрены взгляды на развитие американо-китайских отношений президента Дж. Буша-ст. и его советника по национальной безопасности генерала Б. Скоукрофта, изложенные в их совместной книге «Меняющийся мир» (1998), госсекретаря в администрации Дж. Буша-ст. Дж. Бейкера – «Политика дипломатии: революция, война и мир» (1995), госсекретаря в администрации Р. Никсона Г. Киссинджера – «О Китае» (2013), советника президента по национальной безопасности в администрации Дж. Картера Зб. Бжезинского – «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы» (2010). Кроме того, было изучено большое количество информации, содержащееся в работах Дж. Манна, П. Тайлера, Д. Дэвиса и Ю. Трани, Д. Лэмптона, Н. Такера и др., проанализированы различные авторские концепции и подходы к данной проблеме, представленные в мировой историографии, на основе чего сделаны собственные выводы, касающиеся развития американо-китайских отношений.

Для написания статьи использовались как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический), а также нарративный метод и метод системного анализа, которые позволили раскрыть сущность политики США в отношении Китая в рассматриваемый период.

Результаты и их обсуждение. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. китайское направление во внешней политике США отнюдь не являлось ведущим. Основное внимание в то время Вашингтон акцентировал на Европе, в первую очередь, из-за происходивших в Центральной и Восточной Европе и СССР трансформационных процессов, приведших в конечном итоге к изменению геополитической ситуации не только на европейском континенте, но и во всем мире. Поэтому, неудивительно, что в рассматриваемый период приоритетом администрации Буша-ст. были американо-советские отношения в условиях сдачи Москвой своих позиций в Европе

и в мире в целом, а также укрепление атлантического партнерства. Подтверждением этому стал и тот факт, что в конце 1989 г. Китай не был включен госдепартаментом США в число приоритетных тем международной повестки дня [1, с. 463].

Тем не менее, развитие отношений с КНР не могло мгновенно утратить для Вашингтона всю свою актуальность. Данное обстоятельство объяснялось несколькими причинами.

Во-первых, личностным фактором. Дело в том, что президент Дж. Буш-ст. был достаточно хорошо знаком с Китаем, поскольку еще в 1974–1975 гг. он являлся главой американского неофициального представительства (по сути – посольства) в Пекине. Осенью 1974 г. и в октябре 1975 г. готовил визиты в КНР госсекретаря США Г. Киссинджера, а в декабре 1975 г. – президента Дж. Форда.

Во-вторых, несмотря на улучшение в конце 1980-х гг. атмосферы американско-советских отношений еще ничего не предвещало краха СССР, поэтому Вашингтон не спешил полностью сбрасывать со счетов «китайский фактор».

В-третьих, в конце 1980-х гг. Соединенные Штаты были заинтересованы в развитии торгово-экономических отношений с КНР и особенно в китайском рынке сбыта. Уже тогда американско-китайский товарооборот составлял около 20 млрд долл., а американские инвестиции в китайскую экономику достигали 450 млн долл. [2].

Известно, что вплоть до трагических событий на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. администрация Буша-ст. проводила в отношении Китая политику, начатую администрацией Рейгана. В то время две страны сотрудничали по многим направлениям, США продавали значительные объемы оружия КНР, их товарооборот постоянно увеличивался. Одержавший победу на президентских выборах 1988 г. Дж. Буш-ст. являлся убежденным приверженцем разностороннего сотрудничества с Китаем. 25–26 февраля 1989 г. он посетил с визитом Пекин. Это был его первый зарубежный визит после вступления в новую должность. На май 1989 г. американской стороной был намечен визит Седьмого флота США в Шанхай в качестве акта, подтверждающего стабильность американско-китайских отношений [3, р. 187].

Однако последовавшие вскоре в КНР трагические события внесли существенные изменения в развитие двусторонних отношений. Дело в том, что весной 1989 г. в Китае вспыхнули мощные антиправительственные волнения,

ставшие следствием проводимых в стране реформ, направленных, в первую очередь, на либерализацию экономики. Катализатором событий стала смерть в апреле 1989 г. бывшего генсека ЦК КПК Ху Яобана, который был отстранен от власти из-за поддержки им «буржуазной либерализации». Уже с 4 мая движение стало организованным и всеохватным. В пекинских университетах были созданы студенческие органы самоуправления. А 12 мая на площади Тяньаньмэнь началась бессрочная голодовка. В итоге складывавшейся ситуации 19 мая власти КНР решили перейти к наступательным действиям и объявили о введении в стране военного положения [4, с. 76].

После силового подавления выступления пекинских студентов 4 июня 1989 г. Вашингтон подверг действия китайских властей серьезной критике. Так, 5 июня на пресс-конференции в Белом доме Дж. Буш-ст. осудил военную акцию в Пекине. Президент США объявил о принятии ограниченных санкций в отношении КНР, коснувшихся продажи военных товаров Китаю и контактов между военными ведомствами двух стран [3, р. 196].

Следует отметить, что во многом со стороны администрации США это была вынужденная мера, вызванная реакцией американской общественности. Дело в том, что свидетелями антиправительственных выступлений в Пекине стали многие западные журналисты. Именно они привлекли внимание мировой общественности к событиям в КНР. Безусловно, журналистские интерпретации самым непосредственным образом способствовали повороту в общественном мнении Соединенных Штатов относительно образа коммунистического Китая и происходящих в этой стране событий [5, р. 350]. В итоге американско-китайским отношениям был нанесен серьезный удар. КНР предстал перед общественным мнением США как кровавый коммунистический режим, нарушающий права и свободы собственных граждан. Политическая элита Соединенных Штатов потребовала принятия в отношении Китая самых жестких мер. Отдельные конгрессмены даже предлагали разорвать дипломатические отношения и отозвать американского посла из Пекина [4, с. 77]. Правда, в своем выступлении Дж. Буш-ст. заявил о необходимости воздержаться от поспешных действий – в частности, отзыва американского посла Дж. Лилли и экономических санкций [3, р. 196].

Вскоре последовал ряд неприятных инцидентов, еще более обостривших американско-

китайские отношения. В частности, стало известно, что китайский диссидент Фан Личжи с семьей получил убежище в посольстве США. В итоге американское посольство было блокировано китайскими войсками, которые досматривали всех входящих или выходящих людей, включая дипломатов [4, с. 77]. Таким образом «дело Фан Личжи» стало весомой проблемой, связанной с правами человека, в американо-китайских отношениях. Оно завершилось лишь в июле 1990 г. [1, с. 465].

Еще одним инцидентом стал обстрел жилого здания в Пекине, в котором проживали семьи многих американских дипломатов. При этом в посольстве Соединенных Штатов были убеждены, что данная акция была преднамеренно спланирована и осуществлена китайцами [5, р. 361].

Безусловно, американцы были вынуждены реагировать. Госсекретарь Дж. Бейкер позвонил китайскому послу в Соединенных Штатах Хань Сю, чтобы выразить «гнев» американского народа в связи с кровавыми событиями на площади Тяньаньмэнь, а также организовать эвакуацию американских граждан и обсудить ситуацию с Фан Личжи [6, с. 638].

Таким образом, с июня 1989 г. вся система американо-китайских отношений подверглась критике со стороны широкого спектра общественно-политических кругов Америки. Американские законодатели стали вносить различные проекты санкций до тех пор, пока 20 июня не состоялись слушания в Конгрессе США, под давлением которых администрация Буша-ст. приняла решение о рекомендации Всемирному банку перенести сроки выделения кредитов КНР, а также выступила с заявлением о приостановке официальных контактов на высоком уровне [3, р. 197, 205].

События в КНР дали повод американским консерваторам и протайваньскому лобби найти оправдание своим убеждениям относительно того, что коммунистический Китай никогда не сможет стать надежным партнером для Соединенных Штатов. Выказывали свое недовольство и активисты в борьбе за права человека. Либералы заявляли о том, что итоги Тяньаньмэня наложили на США обязательство выполнить свою главную миссию распространения демократии в мире [1, с. 441]. Именно летом 1989 г. проблема соблюдения прав человека стала определяющей в американском отношении к Китаю. С этого момента все остальные вопросы отошли на второй план, уступив место обеспокоенности внутренними порядками Китая [7, с. 151].

Таким образом, в политических кругах США проявились два основных подхода в китайской политике Вашингтона. Один подход призывал к давлению на Пекин, требуя дать отпор недемократическому поведению и нарушениям прав человека, чего бы это ни стоило Америке. Другой считал, что наилучших результатов Соединенные Штаты на китайском направлении смогут достичь благодаря политике вовлечения Китая в мировое сообщество с давно установленными правилами, которым КНР придется следовать. Изоляция Китая, наоборот, привела бы Америку к продолжительному и ненужному периоду конфронтации с самодостаточным и независимым обществом, что грозило Вашингтону большими издержками. С точки зрения Дж. Буша-ст., чрезмерная жесткость была бы расценена гордым и интровертным народом Китая как унижение и возвращение к насилию полуколониального прошлого, что несомненно вызвало бы противодействие [8, р. 90].

По мнению Г. Киссинджера, именно событиями на площади Тяньаньмэнь и начавшимся крушением коммунистической системы в мире был подорван двухпартийный консенсус в китайской политике Вашингтона. Внутренние волнения в Пекине повлияли на решимость американцев поддерживать политику, основанную на единстве целей в противостоянии СССР. Именно с этого момента КНР стала рассматриваться многими представителями политических и военных кругов США как новый идеологический и геополитический противник [7, с. 148, 151].

В результате событий на площади Тяньаньмэнь президент Дж. Буш-ст. оказался в непростой ситуации. Можно полностью согласиться с российским ученым А.А. Киреевым в том, что позиции администрации Буша-ст. в связи с событиями 4 июня 1989 г. выглядели не лучшим образом. Общественность и политические круги США, где был известен образ президента как «друга Китая», требовали проведения более жесткой политики в отношении Пекина. Многие обвиняли Дж. Буша-ст. в потворстве китайским коммунистам. Умеренная позиция американского президента стоила ему немалой потери в политическом имидже [4, с. 77].

Однако, несмотря на возмущение действиями китайских властей со стороны американской общественности и политических кругов, Дж. Буш-ст. понимал, что развитие отношений с КНР очень важно для Соединенных

Штатов и работает на благо жизненных интересов Америки вне зависимости от системы правления в Китае. Именно по этой причине американский президент не желал ухудшать американо-китайские отношения, динамично развивавшиеся на протяжении почти двух последних десятилетий [1, с. 444]. Поэтому одновременно с публичной критикой китайских властей президент Дж. Буш-ст. дал понять Пекину, что Соединенные Штаты, несмотря на все заявления государственных и политических деятелей, не станут вмешиваться во внутренние дела КНР.

9 июня Дж. Буш-ст. подтвердил свое решение от 31 мая 1989 г. продлить отказ от соблюдения требований поправки Джексона-Вэника по отношению к КНР, что означало предоставление Китаю режима наибольшего благоприятствования в торговле. Другими словами, президент США стремился сохранить американо-китайские отношения на том уровне, на котором они находились до событий 4 июня на площади Тяньаньмэнь [6, с. 643].

21 июня 1989 г. Дж. Буш-ст. написал Дэн Сяопину личное письмо, где призвал китайское руководство понять охватившее Соединенные Штаты возмущение случившимися событиями в КНР как естественное проявление американского идеализма, а также «не позволить последствиям недавних трагических событий подорвать здоровые отношения» между двумя государствами [8, р. 100–102].

В подкрепление своих намерений 30 июня – 1 июля 1989 г. Дж. Буш-ст. инициировал секретную поездку советника президента по национальной безопасности Б. Скоукрофта и заместителя госсекретаря Л. Иглбергера в Пекин. О ней было известно лишь нескольким высокопоставленным лицам в Вашингтоне и послу США в Китае Дж. Лилли [9, р. 302]. Посланники американского президента должны были донести до китайской стороны информацию о том, что американские санкции не будут серьезными или продолжительными, но они необходимы для успокоения общественного мнения Соединенных Штатов и ослабления давления Конгресса на президента [6, с. 636]. Однако 1 июля в ходе состоявшейся тайной встречи с эмиссарами Дж. Буша-ст. Дэн Сяопин дал понять американцам, что поскольку они сами создали проблему в двусторонних отношениях своими санкциями, то им ее и решать [8, р. 107]. В ходе переговоров стороны так и не достигли каких-либо конкретных

соглашений, несмотря на заверения друг друга в личной дружбе [1, с. 449].

В подтверждение своей позиции в начале июля 1989 г. президент Дж. Буш-ст. пошел еще на один шаг – разрешил продажу КНР трех реактивных самолетов «Боинг». Конгресс США, наоборот, настаивал на ужесточении политики в отношении Китая. Так, 14 июля сенат 81 голосом против 10 демонстративно утвердил предыдущие санкции палаты представителей, призвал Экспортно-импортный банк пересмотреть двусторонние торговые соглашения, действовавшие на основе режима наибольшего благоприятствования в торговле, и рекомендовал международным финансовым организациям прекратить предоставление займов Пекину. А в ноябре Конгресс принял законопроект, предложенный представителем от штата Калифорния, демократом Н. Пелоси, который отсрочивал требование Пекина возратить домой учившихся в Соединенных Штатах китайских студентов [6, с. 644].

Таким образом, летом–осенью 1989 г. в США на китайском направлении наблюдалось откровенное противостояние исполнительной и законодательной ветвей власти. В отличие от Конгресса президент Дж. Буш-ст. не стремился соблюдать озвученные им же самим ради успокоения общественности страны санкции в отношении КНР. Тем не менее, к осени 1989 г. американо-китайские отношения оказались в самой низкой точке своего развития с момента возобновления двусторонних контактов в начале 1970-х гг. [1, с. 450].

В такой ситуации стороны понимали необходимость поиска путей выхода из сложившейся ситуации. При этом американская сторона была вынуждена делать свои шаги на неофициальном уровне из-за сохранявшихся антикитайских настроений общественности и части политических кругов США. И следует отметить, что такие шаги были. Так, в октябре 1989 г. состоялся четырехдневный визит в Пекин экс-президента Р. Никсона. Во время его встречи с Дэн Сяопином была озвучена китайская позиция относительно дальнейшего развития двусторонних отношений. Лидер КНР высказался решительно против вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела Китая под предлогом защиты прав человека. Дэн Сяопин передал свое желание прийти к соглашению с США, но Вашингтон должен сделать первый шаг [9, р. 29].

В ноябре 1989 г. состоялась поездка в Пекин по приглашению китайских руководителей бывшего госсекретаря Г. Киссинджера. Госдепартамент США рассчитывал на то, что его визит в Китай также будет содействовать нормализации двусторонних отношений. Со своей стороны китайские руководители, пораженные реакцией внешнего мира и своими собственными расхождениями, были озабочены восстановлением своих международных позиций. Они не понимали, почему США так отреагировали на события, которые не нанесли никакого материального вреда американским интересам. Объяснения относительно приверженности американцев правам человека ими отвергались. При этом китайские руководители преследовали свою главную стратегическую цель – восстановить рабочие отношения с Соединенными Штатами [1, с. 451–452]. Результатом поездки Г. Киссинджера стало подтверждение позиции китайской стороны о желании наладить сотрудничество с Вашингтоном при условии, что именно американцы сделают первый шаг [1, с. 457].

С 10 по 13 декабря 1989 г. состоялся второй визит американской делегации во главе с Б. Скоукрофтом и Л. Иглбергером в Пекин. В отличие от их первой поездки вторая стала публичной. Она была призвана изменить общественное мнение США в сторону осознания необходимости развития деловых отношений с КНР, несмотря на разные подходы сторон к проблемам прав человека и демократии. Однако американские СМИ, не подозревавшие о первом визите, подвергли данную поездку резкой критике [10, с. 50]. Можно сказать, что Дж. Буш-ст. недооценил всплеск антикитайских настроений в Америке [3, р. 220].

Во время прошедших переговоров сторонам удалось выработать отправные точки взаимных действий, которые должны были нормализовать двусторонние отношения [6, с. 645]. Американская администрация, несмотря на возмущение общественности США, попыталась не допустить дальнейшего охлаждения двусторонних отношений. Китайское руководство восприняло вторую миссию Скоукрофта–Иглбергера как еще один одобрительный и признательный жест уважения, не имевший, однако, большого значения [10, с. 50].

В целом процесс нормализации отношений шел трудно. В январе 1990 г. палата представителей преодолела вето президента на законопроект Н. Пелоси 390 голосами против 25. Сенат же 25 января проголосовал менее убе-

дительно – 63 голоса «за» и 37 – «против», т.е. продемонстрировал большую склонность поддержать президента Дж. Буша-ст. [6, с. 646]. Однако американские санкции в отношении КНР продолжали действовать, что сказывалось на общей атмосфере развития американо-китайских отношений.

Несомненно, замораживание международных кредитов, о котором было официально объявлено еще во время заседаний «Большой семерки» в Париже в июле 1989 г., нанесло Китаю значительный ущерб. Пекин являлся одним из крупнейших заемщиков Всемирного банка. Например, в 1988 г. он получил кредитов на 1,3 млрд долл. и рассчитывал получить в 1989–1990 гг. еще 2,3 млрд долл. [3, р. 205]. Однако теперь это было неосуществимым, что вызывало серьезное недовольство пекинских властей.

Сворачивание закупок военной продукции в Соединенных Штатах стало болезненным шагом уже для обеих сторон, поскольку объем контрактов был на сотни миллионов долларов. Дело в том, что американский ВПК и без того переживал сложные времена в связи с уменьшением гонки вооружений в мире [4, с. 77]. К тому же американские санкции в отношении КНР подтолкнули Пекин к налаживанию сотрудничества с Москвой, особенно в военно-технической сфере. Так, в 1991 г. Китай заключил крупную сделку с СССР, были приобретены 24 перехватчика МИГ-31 и 72 истребителя Су-27 [2].

Поэтому неудивительно, что в администрации царил разочарование и беспокойство относительно будущего американо-китайских отношений. В марте 1990 г. Дж. Буш-ст. в одном из телеинтервью признал, что его усилия по умиротворению КНР не принесли ощутимого результата. Правда, Б. Скоукрофт и Дж. Бейкер на этот счет придерживались иной точки зрения, считая, что две американские миссии в Пекин в июле и декабре 1989 г. все же имели весьма большое значение в процессе налаживания американо-китайских отношений [6, с. 647]. По мнению Дж. Бейкера, американский подход к разрешению кризиса между США и КНР, который многие критиковали, не позволил отбросить двусторонние отношения на десятилетия назад [11, р. 114].

Падение коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы укрепило позиции тех в Вашингтоне, кто считал, что США следует подождать событий, которые приведут и к краху правительства в

Пекине [1, с. 465]. Политические силы, положившие проблему прав человека в основу внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов, полагали, что Вашингтон должен проводить политику давления на КНР с целью достижения конечных целей – изменения политического режима в Китае [1, с. 482].

Тем не менее, администрация Дж. Буша-ст. и прокитайски настроенные политические силы в США по-прежнему стремились наладить взаимоотношения с Пекином. Президент Дж. Буш-ст., несмотря на имевшее место давление со стороны части политической элиты и общественности США, считал, что американо-китайская конфронтация из-за внутреннего режима КНР нанесет непоправимый ущерб национальным интересам страны. Поэтому в сентябре 1990 г. состоялся еще один визит Г. Киссинджера в Пекин, в ходе которого проведена его встреча с Цзян Цзэмином. Результат переговоров был следующим: китайское руководство настаивало на том, чтобы отношения между Китаем и Соединенными Штатами строились на принципах учета национальных интересов [1, с. 484]. К этой же теме Цзян Цзэминь вернулся и во время следующей поездки Г. Киссинджера в Пекин в сентябре 1991 г. [1, с. 485]. Позиция Пекина была четкой: руководители КНР отвергали диктат Америки, но они также понимали, что для реализации их программы реформ необходимо сотрудничество с Соединенными Штатами, а не конфронтация [1, с. 489].

Осенью 1990 г. Дж. Буш-ст. сделал исключение в связи с запретом на визиты в Китай высокопоставленных лиц и предложил госсекретарю Дж. Бейкеру посетить Пекин и провести там консультации [1, с. 491]. В результате американо-китайские отношения стабилизировались, хотя и не вышли на докризисный уровень. В 1991 г. товарооборот между Соединенными Штатами и Китаем составил 25,2 млрд долл., прямые американские инвестиции в КНР составили 511 млн долл. Режим американских санкций и иные ограничения продолжали действовать. Однако острота в отношениях была снята. Это подтвердила встреча президента США Дж. Буша-ст. с премьером Госсовета КНР Ли Пэнгом 31 января 1992 г. в рамках саммита СБ ООН в Нью-Йорке.

Рассматривая американо-китайские отношения, следует обратить внимание и на тайваньский вопрос. В этот период он не был столь острым и находился в тени других проблем. Поэтому в условиях охлаждения амери-

кано-китайских отношений власти Тайваня и представители протайваньского лобби в Вашингтоне решили использовать данную ситуацию в свою пользу. Дело касалось продажи вооружений. Известно, что в 1991 г. американское руководство отказалось продать Тайбэю технологии, необходимые для создания баллистических ракет, хотя сделка была практически согласована [12, р. 179]. В августе 1992 г. 200 американских конгрессменов обратились к президенту Дж. Бушу-ст. с просьбой санкционировать продажу Тайваню крупной партии истребителей F-16. Они обращали внимание на то, что Китайская Республика как многолетний союзник Америки вполне заслужила право на приобретение самолетов. 2 сентября 1992 г. президент, учитывая влияние протайваньского лобби и грядущие президентские выборы, дал свое согласие на продажу Тайваню 150 истребителей общей стоимостью 6 млрд долл., что шло вразрез с так называемым «третьим коммюнике» 1982 г. об отказе поставок американского оружия Тайбэю. Данный факт мог еще более усугубить ситуацию в области нормализации американо-китайских отношений. Однако пекинское руководство предпочло ограничиться лишь формальным протестом, понимая, что жесткая реакция могла нанести серьезный ущерб американо-китайским отношениям и снизить шансы Дж. Буша-ст. на переизбрание на второй срок, поскольку в это время уже полным ходом шла президентская гонка, а кандидат от Демократической партии У. Клинтон высказывался за ужесточение политики США в отношении Китая [2].

В целом, китайский фактор занял заметное место в президентской кампании 1992 г. Губернатор Арканзаса У. Клинтон нещадно критиковал китайскую политику республиканцев. Он превратил обвинения Дж. Буша-ст. в «заигрывании с китайскими коммунистами» в один из главных лозунгов своей предвыборной кампании [11, р. 113]. Неоднократно в своих выступлениях демократ У. Клинтон заявлял, что китайское руководство должно добиться существенного прогресса на пути демократизации страны, чтобы получить благосклонное расположение Америки. Со своей стороны, по его мнению, Соединенным Штатам следует сделать все возможное, чтобы стимулировать данный процесс [9, р. 32]. Однако, став президентом, У. Клинтон, по сути, продолжил китайскую политику Дж. Буша-ст. [11, р. 113].

Закключение. Таким образом, изначально администрация Дж. Буша-ст. планировала придерживаться курса преемственности политики Р. Рейгана в отношении Китая. Однако кровавые события на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. нанесли серьезный удар американско-китайским отношениям, хотя и недостаточный для того, чтобы кардинальным образом их изменить. Тем не менее, восприятие КНР общественным мнением США резко изменилось в худшую сторону. В Соединенных Штатах наметилось явное противостояние исполнительной и законодательной ветвей власти в отношении Пекина. Впервые после предоставления КНР режима наибольшего благоприятствования в торговле американскими конгрессменами был поднят вопрос о его увязке с вопросом соблюдения прав человека в Китае, что объяснялось уверенностью многих идеалистов в политических кругах Америки в возможности скорого торжества западного либерализма во всем мире на фоне крушения социалистического блока в Европе. Поэтому администрации, стремящейся проводить прагматическую линию на китайском направлении, пришлось лавировать, неоднократно идти на уступки Конгрессу США и американской общественности, поставившим в центр своей позиции идеалистические принципы соблюдения прав человека и расширения демократии. Несмотря на это президенту Дж. Бушу-ст. и его команде удалось удержать на плаву американско-китайские отношения и даже несколько стабилизировать их к концу 1991 г., что позволило Вашингтону сохранить определенные позиции для их развития в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киссинджер, Г. О Китае / Г. Киссинджер. – М.: Астрель, 2013. – 640 с.
2. Цветков, И.А. Политика США по отношению к тайваньской проблеме, 1949–1999 гг.: дис. ... канд. ист. наук.; С.-Петерб. гос. ун-т / И.А. Цветков // История США [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.ushistory.ru/dissertatsii/179-dissertatsija-oglavlenie.html>. – Дата доступа: 03.10.2012.
3. Mann, J. About Face: A History of America's Curious Relationship with China, from Nixon to Clinton / J. Mann. – N.Y.: Alfred Knopf, 1998. – 433 p.
4. Киреев, А.А. Политический кризис 1989 года в КНР и его влияние на американско-китайские отношения / А.А. Киреев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 4(18). – Ч. 1. – С. 76–78.
5. Tyler, P. A Great Wall: Six Presidents and China / P. Tyler. – N.Y.: Public Affairs, 1999. – 512 p.
6. Дэвис, Д.Э. Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке / Д.Э. Дэвис, Ю.П. Трани. – М.: Вагриус, 2009. – 912 с.
7. Киссинджер, Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / Г. Киссинджер. – М.: Ладомир, 2002. – 352 с.
8. Bush, G.H.W. A World Transformed / G.H.W. Bush, B. Scowcroft. – N.Y.: Alfred Knopf, 1998. – 587 p.
9. Lampton, D.M. Same Bed, Different Dreams: Managing U.S. – China Relations, 1989–2000 / D.M. Lampton. – Berkeley: California University Press, 2001. – XIII+498 p.
10. Бжезинский, Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / Зб. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 2010. – 192 с.
11. Baker, J.A. III. The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992 / J.A. Baker III. – N.Y.: G.P. Putman's Sons, 1995. – 687 p.
12. Tucker, N.B. Taiwan, Hong Kong, and the United States, 1945–1992: uncertain friendships / N.B. Tucker. – N.Y.: Maxwell Macmillan International, 1994. – XII+337 p.

Поступила в редакцию 08.12.2014 г.

Принята в печать 29.12.2014 г.

УДК 355.41(476)

Состояние запасов продовольствия, предназначенных для войск Западного Особого военного округа, накануне Великой Отечественной войны

Кривчиков В.М.

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно

Возрастание сегодня роли материального обеспечения войск в общей тенденции развития вооруженных сил определяет актуальность анализа обеспеченности войск продовольствием, содержащимся для нужд Западного Особого военного округа.

Цель работы – проанализировать уровень состояния запасов продовольствия, предназначенных для войск Красной Армии, дислоцировавшихся на территории Беларуси, и охарактеризовать выполнение планов по накоплению и расходу запасов продовольствия Западного Особого военного округа накануне войны.

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе документов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Национального архива Республики Беларусь и Государственного архива Гродненской области.

Результаты и их обсуждение. Анализ архивных источников свидетельствует о низкой обеспеченности продовольствием войск округа. Это относится к войсковым запасам воинских частей и соединений, запасам центра, а также к мобилизационным запасам продовольствия гражданских учреждений и организаций. Партийное и советское руководство Беларуси, командование Западного Особого военного округа принимали меры по увеличению запасов продовольствия.

Заключение. Запасы продовольствия, созданные не в полном объеме для нужд войск округа, с началом боевых действий на территории Беларуси не позволили в полном объеме организовать полноценное питание личного состава, что стало одной из причин неудач в первые месяцы войны.

Ключевые слова: Западный Особый военный округ, войсковые запасы, мобилизационные запасы, мобилизационный план, неприкосновенные запасы, норма продовольственного пайка, отмобилизование, продовольствие.

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 53–59)

State of Food Supplies for Troops of the Western Special Military District on the Eve of the Great Patriotic War

Kryuchykau U.M.

Educational establishment “Grodno State Yanka Kupala University”, Grodno

The increase today of the role of material provision of the troops in the general trends in the development of the armed forces determines the relevance of the analysis of the provision of troops with food for the needs of the Western Special Military District.

The purpose of the work is to analyze the level of the state of food supplies for the Red Army troops, stationed on the territory of Belarus, as well as to describe the implementation of plans for the accumulation and dispersal of food reserves of the Western Special Military District, on the eve of the War.

Material and methods. Research was carried out on the basis of documents of the State Archive of the Russian Federation, Russian State Archive of Social and Political History, the National Archives of the Republic of Belarus and the State Archives of Grodno Region.

Findings and their discussion. Analysis of archival sources indicates low food security of troops of the District. This refers to the troop supplies of military units and formations, reserves of the Center, as well as food supplies mobilization of civil institutions and organizations. The Party and Soviet Belarusian leadership, command of the Western Special Military District took steps to increase food supplies.

Conclusion. Food supplies not fully made up for the needs of the district troops, with the outbreak of hostilities on the territory of Belarus did not make it possible to fully organize nutrition of the personnel, which proved to be one of the causes of failures in the first months of the War.

Key words: Western Special Military District, army reserves, mobilization reserves, mobilization plan, emergency reserves, the rate of food rations, mobilization, food.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 53–59)

Адрес для корреспонденции: e-mail: k.vlad68@mail.ru – В.М. Кривчиков

Опыт истории показывает, что в настоящее время крайне важной является задача по организации доброкачественного и полноценного питания личного состава вооруженных сил как в мирное, так и в военное время. На протяжении всей истории существования различных воинских формирований, дислоцировавшихся на территории Беларуси, имели место проблемы в накоплении и содержании необходимого продовольствия для нужд военнослужащих. Определенный интерес представляет ситуация, сложившаяся накануне Великой Отечественной войны, с созданием и содержанием запасов продовольствия для нужд Западного Особого военного округа.

Вопросы обеспечения продовольствием Красной Армии получили достаточно широкое освещение в трудах советских, белорусских и российских ученых. В 1960–1980-е гг. издано большое количество трудов, посвященных истории тыла Красной Армии. В последнее время вышел ряд трудов по функционированию системы материального обеспечения войск Красной Армии в межвоенный период с 1922 по 1941 год П.И. Вещикова [1] и Е.А. Бочкова [2]. Однако в них анализируется ситуация по продовольственному обеспечению в целом по Красной Армии, вопросы накопления и содержания запасов продовольствия для частей и соединений, дислоцировавшихся на территории Беларуси, практически не рассматриваются. Отдельные аспекты обустройства территории Западного Особого военного округа как будущего театра военных действий, эшелонирования запасов продовольствия рассмотрены в монографии И.А. Басюка [3].

Цель статьи – рассмотреть состояние запасов продовольствия, предназначенных для войск Западного Особого военного округа. Исходя из цели, предполагается проанализировать выполнение планов по накоплению и рассредоточению запасов продовольствия на территории Беларуси накануне войны.

Материал и методы. Статья основана на источниках архивов Беларуси и Российской Федерации: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Гродненской области. Исследование проводилось с использованием методов логического, количественного анализа, классификации, что позволило определить уровень состояния запасов продовольствия.

Результаты и их обсуждение. Архивные источники свидетельствуют, что одной из важнейших задач тылового обеспечения войск, дислоцировавшихся на территории Беларуси, являлась организация питания личного состава. В связи с этим пристальное внимание руководством республики и военного округа было обращено на создание запасов продовольствия. Эти запасы разделялись на три большие группы:

мобилизационные запасы, создаваемые и содержащиеся в гражданских учреждениях и организациях;

оперативные запасы и запасы центра;

войсковые запасы, которые находились непосредственно на складах воинских частей и соединений.

В соответствии с мобилизационными планами, уже к концу 1937 г. были созданы мобилизационные запасы, позволявшие обеспечить потребности войск в военное время Западного военного округа на первые месяцы ведения войны. Но в связи с количественным ростом Красной Армии, воссоединением Западной Беларуси с БССР и массовым выдвижением советских войск к западной границе, советским правительством был утвержден новый план накопления запасов для обеспечения армии продовольствием и фуражом на период военного времени. Предусмотренные этим планом мобилизационные фонды позволяли бы обеспечить потребности Красной Армии в военное время по муке и крупе на 5 месяцев, по мясу, рыбопродуктам и жирам – на 2–2,5 месяца и по сахару – на 3 месяца.

На заседаниях суженных составов облисполкомов (секретных заседаниях) периодически рассматривались вопросы подготовки складских помещений для хранения мобилизационных фондов. Так, например, в протоколе № 3 заседания суженного состава Белостокского облисполкома от 24 января 1941 г. указывалось на необходимость использования складских помещений Белостокского горпищеторга для размещения продовольственных мобилизационных фондов [4, л. 1].

В протоколе № 8 заседания суженного состава Белостокского облисполкома от 9 апреля 1941 г. отмечалось, что «складские помещения в городах, где предназначено хранение продовольственных мобилизационных фондов, за исключением г. Белостока, отведены и соответственно ремонтируются». В г. Белостоке было предложено подыскать и закрепить потребную складскую площадь для хра-

нения мобфондов за счет сокращения площади второстепенных торговых точек [4, л. 5].

Ситуация с накоплением мобилизационных фондов продовольствия перед началом войны сложилась непростая. 29 апреля 1941 г. командующий войсками ЗапОВО генерал-полковник танковых войск Д.Г. Павлов направил письмо Секретарю ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко с анализом мобилизационной готовности БССР, где, в том числе, указал количество недостающего продовольствия (таблица 1).

Из данной таблицы видно, что только консервы рыбные были практически в полном объеме заложены на хранение. Около 10% недоставало муки, жиров животных и овса, хуже было положение с крупой разной (17%), больше всего было проблем с маслом растительным (37%) и консервами мясными (не хватало 43,2%).

Кроме Командующего, к руководству БССР периодически обращался Военный совет округа с просьбами о проведении мероприятий по повышению мобилизационной готовности, в том числе довести наличие мобилизационных ресурсов до требуемых размеров [6, с. 362].

Кроме мобилизационных фондов, хранящихся в организациях и учреждениях, на складах воинских частей и соединений хранились войсковые запасы продовольствия. Это было продовольствие неприкосновенного запаса, предназначенное для ведения боевых действий.

Во многих исследованиях прослеживается мысль о том, что перед войной были созданы большие запасы продовольствия. Причем практически вдоль государственной границы. Это все привело к тому, что довольно боль-

шие запасы достались наступающим Германским войскам на начальном этапе Великой Отечественной войны. Данную точку зрения в своих работах обосновывают многие исследователи, например И.А. Басюк [3], М.М. Кирьян [7] и др. [8, с. 55–58].

Данный тезис еще требует дальнейшего исследования, так как архивные документы характеризуют немного другую ситуацию.

В предвоенный период норма красноармейского пайка была изменена 24 мая 1941 г., что явилось основой для накопления запасов продовольствия, предназначенного войскам Западного особого военного округа с возможным началом ведения боевых действий.

Впервые была введена мука картофельная или соевая 60 г, увеличена норма макаронных изделий на 20 г, рыбы на 25 г, жиров животных на 10 г, картофеля и овощей на 70 г. Одновременно была уменьшена норма хлеба из муки пшеничного первого сорта на 100 г, крупы разной на 10 г, мяса на 25 г, томатной пасты на 9 г. Ввиду произошедших изменений калорийность пайка уменьшилась с 3719 до 3545 ккал. Уменьшение существенное, что говорит о приведении в соответствие численности Красной Армии и возможностей государства.

Также были изменены нормы довольствия войск в военное время. Калорийность пайка для командного и начальствующего состава составляла 4751 ккал (таблица 2), фронтовой паек красноармейца – 3717 ккал (таблица 3), сухой паек – 3200 ккал (таблица 4). Сухой паек выдавался взамен основного фронтового пайка в случаях действия воинских частей в условиях, не дающих возможности приготовления горячей пищи.

Таблица 1 – Недостающие мобилизационные ресурсы ЗапОВО по продовольствию на 1.03.1941 г. [5, л. 10]

№ п/п	Наименование продуктов	Единица измерения	План хранения	Недостаёт к плану хранения	В % отношении к плану хранения
1.	Мука хлебная	тонн	31595	2654	8,4%
2.	Крупа разная	тонн	15018	2523	16,8%
3.	Жиры животные	тонн	375	30	8,0%
4.	Масло растительное	тонн	935	348	37,2%
5.	Консервы мясные	тыс. банок	4482	1936	43,2%
6.	Консервы рыбные	тыс. банок	2773	61	2,2%
7.	Овес	тонн	70877	4607	6,5%

Таблица 2 – Норма основного суточного довольствия военного времени для командного и начальствующего состава РККА [9, л. 14]

№ п/п	Наименование продуктов	Количество в граммах
1.	Хлеб ржаной	300
2.	Хлеб пшеничный из муки 72% помола	500
3.	Мука пшеничная 85% помола	20
4.	Макаронные изделия	40
5.	Печенье типа «Крекер»	50
6.	Крупа разная	80
7.	Рис	20
8.	Мясо	210
9.	Копчености	20
10.	Рыба свежемороженая и соленая	50
11.	Рыбные консервы: кильки, шпроты, сардины в собственном соку, в томате и т.д.	50
12.	Масло сливочное	25
13.	Жиры животные	40
14.	Масло растительное	5
15.	Сахар	80
16.	Монпансье типа «льдинка»	20
17.	Чай в месяц	100
18.	Соль	40
19.	Овощи свежие	630
20.	Овощи консервированные	100
21.	Томат-паста	10
22.	Консервированные фрукты	100
23.	Компот	20
24.	Сыр	20
25.	Молоко сгущенное	80
26.	Лавровый лист	0,2
27.	Перец	0,3
28.	Уксус	2
29.	Горчица	1
30.	Соя-кабуль	1
31.	Хрен готовый	2,5
32.	Папиросы 1-го сорта – штук	25
33.	Спички (коробок в месяц)	10
34.	Мыло туалетное (кусков по 100 гр в месяц)	4
Вес пайка без мыла		2677

Таблица 3 – Норма основного суточного довольствия военного времени (фронтowej пайек) [9, л. 15]

№ п/п	Наименование продуктов	Количество в граммах	Примечание
1.	Хлеб ржаной	1000	или сухарей 600 г.
2.	Мука подболточная	20	
3.	Крупа разная	150	
4.	Макароны, вермишель	10	
5.	Мясо	175	или колбаса минская 100 г
6.	Рыба	75	или вобла сухая копченая 150 г
7.	Жиры животные	20	
8.	Жиры растительные	30	
9.	Сахар	35	
10.	Чай натуральный (в месяц)	50	
11.	Соль для соления пищи	30	
12.	Соль для хлебопечения	10	

Окончание табл. 3

№ п/п	Наименование продуктов	Количество в граммах	Примечание
13.	Овощи свежие	735	
14.	Томат-паста	8	
15.	Лавровый лист	0,3	
16.	Перец	0,5	
17.	Уксус	3	
18.	Горчица	0,3	
19.	Махорка	20	
20.	Курительная бумага (в книжках по 50 л. – в месяц)	7	
21.	Спички (коробок в месяц)	3	
22.	Мыло (в месяц)	200	
	Вес пайка без мыла	2326	

Таблица 4 – Норма сухого пайка военного времени [9, л. 16]

№ п/п	Наименование продуктов	Количество в граммах
1.	Концентраты суп гороховый	75
2.	Концентраты каша пшенная	200
3.	Сухари	600
4.	Колбаса минская	100
	или вобла сухо-копченая	150
	или сельдь	200
	или сухо-копченая рыба филе	100
	или брынза	150
5.	Сахар	35
6.	Соль	10
7.	Чай	3
8.	Махорка	20
9.	Курительная бумага (в книжках по 50 л. – в месяц)	7
10.	Спички (коробок в месяц)	3
	Вес пайка, средний	1095

Были предусмотрены усиленный паек, тыловой паек, госпитальный паек, санаторный паек, дополнительные нормы для полярников, норма фуражного довольствия. Была принята дополнительная норма военного времени – праздничный паек. В дни праздников планировалось выдавать хлеб пшеничный из муки 72% помола – 200 г, мясо – 100 г, жиры животные – 10 г. Существовала норма противоцинготного пайка на военное время – 2 таблетки витамина «С» в день на одного военнослужащего. Выдачу противоцинготного пайка планировали производить решением военных советов округов (армий, фронтов) в зависимости от климатических условий и снабжения свежими овощами [9, л. 17–23].

В Государственном архиве Российской Федерации находится довольно интересный документ, раскрывающий состояние и количество неприкосновенного запаса Красной Армии за месяц до начала Великой Отечественной войны. Это письмо начальника Главного интендантского управления Красной

Армии генерал-лейтенанта интендантской службы А.В. Хрулева заместителю председателя СНК СССР Н.А. Вознесенскому «О непапсе продфуража» от 28 мая 1941 г. № 58621. А.В. Хрулев пишет: «В связи с заявлением тов. Мехлиса (Председателя Комитета государственного контроля. – В.К.) о наличии у нас больших неприкосновенных запасов продовольствия и фуража на складах и войсках Красной Армии, докладываю: из предоставленных мною справок видно, что имеющееся наличие неприкосновенного запаса незначительно: по муке, крупе и овсу имеется запасов на 2–4 дня, а по таким продуктам, как сухари и мясные консервы, обеспечивается потребность только для носимого запаса на бойце. Такие продукты, как мясо, рыба и жиры – в неприкосновенном запасе не хранятся. Количества продовольствия и фуража, хранящиеся в неприкосновенном запасе, решением Правительства не установлены и созданы за счет ресурсов по текущему довольствию» [10, л. 88].

Таблица 5 – Справка о наличии неприкосновенного запаса продовольствия и фуража по состоянию на 01.04.1941 г. [10, л. 90]

Наименование продуктов	Наличие в войсках и складах НКО в тоннах	Обеспеченность в днях	Примечание
Мука разная	15820	2	
Крупа разная	3662	2,4	
Макароны	379	3,8	
Сахар	1873	5,3	
Соль	2052	7	
Чай	114	10	
Мыло	1247	9	
Овес	25719	4,2	
Сено	78612	10,7	
Сухари	5841	1	Кроме этого количества сухарей в войсках и складах округов хранится 11967 тонн сухарей, засчитанных как мобилизационный фонд
Консервы мясные (туб.)	3712	1	Кроме этого количества мясных консервов в войсках и складах округа хранится 7765 туб. мясных консервов, засчитанных как мобилизационный фонд

К письму А.В. Хрулева была приложена справка о наличии неприкосновенного запаса продовольствия и фуража по состоянию на 1 апреля 1941 г. (таблица 5).

Из таблицы видно, что по муке, крупе, макаронам, овсу имелись запасы на 2–4 дня, по сахару и соли – 5–7 суток, по сухарям – на 3 дня (с учетом хранящихся на складах НКО запасов мобфонда), по консервам мясным – на 3 дня (тоже с учетом хранящихся на складах НКО запасов мобфонда).

На начало июня 1941 г. в комитете Оборона при СНК СССР находился на утверждении план обеспечения Красной Армии продовольствием и фуражем на год военного времени. Этим планом было предусмотрено содержание в войсках и на складах Наркомата обороны в мирное время неснижаемого переходящего запаса продовольствия и фуража. По взглядам военных, при утверждении Правительством такого плана, надобность в содержании неприкосновенного запаса отпала бы [8, л. 89]. Получается следующая ситуация: неприкосновенные запасы продовольствия в частях и на складах Наркомата обороны были далеки до полного удовлетворения потребностей армии, а решение по содержанию в войсках и на складах Наркомата обороны в мирное время неснижаемого переходящего запаса продовольствия и фуража принято до начала войны не было. Несомненно, были еще и мо-

билизационные запасы продовольствия, находившиеся на предприятиях и в организациях в интересах Красной Армии, но и они не содержались в необходимых объемах.

Народный комиссар Государственного контроля Л.З. Мехлис предлагал войсковые, довольно небольшие запасы НЗ передать с полковых складов на дивизионные [11, л. 78–79]. Наркомат обороны был категорически против такого нововведения. По мнению военных, проведение этой меры не позволило бы провести отмобилизацию армии. Видимо, частично предложение Л.З. Мехлиса было выполнено, что привело к бедственному положению некоторых частей в первые дни и недели войны, выразившемуся в отсутствии необходимых запасов материальных средств.

Заключение. Таким образом, приведенные выше данные показывают, что запасы продовольствия, предназначенные для обеспечения отмобилизации и ведения боевых действий в первые месяцы возможной войны, для войск Западного Особого военного округа накануне Великой Отечественной войны не были созданы в полном объеме. Руководство Наркомата обороны СССР и военного округа знало о складывающейся ситуации, докладывало о положении дел партийному и советскому руководству СССР и Беларуси. Однако положение с накоплением запасов продовольствия не было выровнено. С началом боевых действий

войсковые запасы, содержащиеся на складах воинских частей и соединений, в основной массе были захвачены немецко-фашистскими войсками или подверглись авиационным ударам. Все это не позволило с началом боевых действий организовать питание личного состава округа в полном объеме и оказалось одной из причин неудач в первые месяцы войны на территории Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вещиков, П.И. Военное хозяйство – Тыл Вооруженных Сил России (XVIII–XX вв.) / П.И. Вещиков. – М.: Воениздат, 2003. – 460 с.
2. Бочков, Е.А. Развитие системы тылового обеспечения Красной Армии в межвоенный период (1921–1941 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Е.А. Бочков. – СПб., 2007. – 45 с.
3. Басюк, І.А. Пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі: манаграфія / І.А. Басюк. – Гродна: ГрДУ, 2003. – 238 с.
4. Выписки из протоколов заседаний суженного состава Белостокского горисполкома об отводе складских помещений для хранения мобилизационных фондов // Государственный архив Гродненской области. – Фонд 292. – Оп. 3. – Д. 8.
5. Докладные записки и справки об обеспечении строительства военных объектов, о проведении мероприятий по мобготовности республики. Планы капитальных работ оборонных мероприятий по наркоматам // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 18168.
6. Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.). Документы и материалы / В.И. Адамушко [и др.]; под общ. ред. В.И. Адамушко. – Минск: НАРБ, 2007. – 620 с.
7. Кирьян, М.М. Начальный период Великой Отечественной войны / М.М. Кирьян // Воен.-ист. журнал. – 1988. – № 6. – С. 11–17.
8. Беларусь в годы Великой Отечественной войны: уроки истории и современность: материалы междунар. науч. конф., Минск, 29–30 июня 2004 г. / Нац. акад. РБ; сост. А.М. Литвин [и др.]. – Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2004. – 262 с.
9. Мобилизационная заявка НКО на 1941 г. на продовольствие и фураж // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Фонд Р-8418. – Оп. 24. – Д. 396.
10. Заключение наркоматов – поставщиков по мобзаявкам НКО, НКВМФ и НКВД на продфураж и продтовары на военный год и переписка с наркоматами по плану поставок продфуража // ГАРФ. – Фонд Р-8006. – Оп. 1. – Д. 44.
11. Проект постановления ЦК ВКП(б), записки, приказы, телеграммы НК обороны СССР, НК госконтроля и НКПС СССР о сокращении программы Всеобуча для допризывников и военно-служащих запаса; о приговоре Верховного Суда СССР по делу генерала армии Павлова и др.; о расходах на содержание армии на январь 1941 г.; о ревизии ряда войсковых соединений Красной Армии // Российский государственный архив социально-политической истории. – Фонд 82. – Оп. 2. – Д. 803.

Поступила в редакцию 01.09.2014 г.

Принята в печать 29.12.2014 г.

УДК 94(470+476)“1884/1919”052

Константин Михайлович Ермолаев: путь в русскую революцию

Лисов А.Г.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машиерова», Витебск*

В статье отражены основные этапы биографии Константина Михайловича Ермолаева (1884–1919), деятеля меньшевистской фракции Российской социал-демократической рабочей партии, члена ее Центрального комитета, избранного на 5-м Лондонском съезде, депутата Первого всероссийского съезда Советов, члена ВЦИК первого состава.

Целью этой статьи является краткий очерк биографии К.М. Ермолаева, последние дни жизни и смерть которого связаны с городом Витебском.

Материал и методы. *Источниками настоящей работы являются опубликованные в разное время документы съездов и конференций РСДРП 1905–1917 гг., труды и переписка В.И. Ленина 1910–1912 гг., документы и письма представителей революционного движения в России В.Н. Фигнер, Ю.О. Мартова, документы по истории родословной К.М. и В.М. Ермолаевых. В основу исследования положены историко-генетический и хронологический методы изучения материала. Реконструкция биографии К.М. Ермолаева осуществлена в связи с главными вехами истории российской социал-демократии периода 1905–1917 гг.*

Результаты и их обсуждение. *К.М. Ермолаев был участником российского революционного движения, посвятившим себя непосредственной деятельности в рабочей среде. Он свято верил в идеалы свободы и демократии. В период партийного кризиса 1910–1912 гг. выступал с позиций «ликвидаторства», подвергался критике в произведениях В.И. Ленина. Ранняя смерть К.М. Ермолаева очевидно избавила его от судьбы многих, ставших позднее ее жертвами. Его непродолжительная жизнь неожиданно завершилась в Витебске в возрасте 35 лет.*

Заключение. *Для К.М. Ермолаева, выходящего из состоятельной дворянской семьи либеральных взглядов, принципиальным был вопрос о методах политической борьбы, неприемлемыми были неконституционные методы борьбы за власть, что неизбежно привело его к конфликту с практикой большевизма и отказу от политической деятельности.*

Ключевые слова: *Российская социал-демократическая партия, фракция меньшевиков, «ликвидаторство», революция 1917 года, Всероссийский центральный исполнительный комитет, Витебск.*

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 60–67)

Konstantin Mikhailovich Yermolayev: the Way to Russian Revolution

Lisov A.G.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Main stages of the biography of Konstantin Mikhailovich Yermolayev (1884–1919) are reflected in the article, who was the activist of Mensheviks Section of the Russian Social Democratic Workers Party, member of its Central Committee, elected at the 5th London Congress, Member of the First All-Russian Congress of Soviets, Member of VTsIC of the first convocation.

The purpose of the article is a brief sketch of K.M. Yermolayev's biography, whose last days and death were connected with the City of Vitebsk.

Material and methods. *The sources of the paper are published in different time documents of RSDWP Congresses and Conferences in 1905–1917, works and correspondence by V.I. Lenin in 1910–1912, documents and letters by representatives of Russian revolutionary movement V.N. Figner, Yu.O. Martov, K.M. and V.M. Yermolayevs family documents. The research is based on historical and genetical as well as chronological methods of study. The reconstruction of K.M. Yermolayev's biography is in connection with main milestones of the history of 1905–1917 Russian Social Democrats.*

Findings and their discussion. *K.M. Yermolayev was the participant of Russian revolutionary movement who devoted himself to the real work in the worker environment. He ardently believed in the ideals of liberty and democracy. During the 1910–1912 Party crisis he was on the positions of “Liquidationism”, was criticised in V.I. Lenin's works. K.M. Yermolayev's early death most likely liberated him from the destiny of those many who after disappointment in Russian revolution later became its victims. His short life unexpectedly finished in Vitebsk when he was 35.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: alisov@tut.by – А.Г. Лисов

Conclusion. For K.M. Yermolayev, who came from a well to do noble family of liberal views, the issue of methods of political struggle was principal, non constitutional methods of fight for power were unacceptable, which inevitably resulted in his conflict with the practice of Bolsheviks and in giving up political activity.

Key words: Russian Social-Democratic Party, Menshevik Section, "Liquidationism", Russian Revolution of 1917, All-Russian Central Executive Committee, Vitebsk.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 60–67)

О Константине Михайловиче Ермолаеве, деятеле российской социал-демократической партии, той ее части, которая с легкой руки В.И. Ленина получила название партии меньшевиков, специально сейчас не пишут. Его не называют в ряду таких признанных лидеров меньшевиков, как Ю.О. Мартов, А.С. Мартынов, А.Н. Потресов, П.Б. Аксельрод, Ф.И. Дан, но в перечислении состава Центрального комитета партии меньшевиков его имя следует сразу же за ними. Причинами этому могут быть скорее практическая, нежели теоретическая, направленность его деятельности и ранняя смерть. И все же имя Константина Михайловича в последние годы стало чаще появляться в печати, в публикациях, посвященных его сестре, художнице Вере Михайловне Ермолаевой, которая занимает значительное место в круге учеников и последователей лидера русского авангардного искусства Казимира Малевича. Профессиональный интерес к ней заставляет обращаться к истории ее семьи и судьбе брата. Следует все же сказать, что Константин Ермолаев удостоивался гораздо большего внимания в революционной печати начала XX века и его имя и партийный псевдоним «Роман» встречаются на страницах собрания сочинений В.И. Ленина. Вождь большевиков называет К.М. Ермолаева в программных сочинениях, статьях для прессы и переписке 1910–1911 гг., относя его к числу своих политических оппонентов. В.И. Ленин уделяет ему гораздо меньше внимания, чем лидерам меньшевиков Ю.О. Мартову или А.Н. Потресову, которые заслужили вместе с более частым упоминанием в ленинских сочинениях гораздо большего числа оскорбительных, ругательных характеристик. К.М. Ермолаев и здесь оказался в тени этой сомнительной «славы». Наверное, все было бы не так, если бы судьба отпустила этому человеку более долгий век. Смерть унесла его в самом начале становления большевистской диктатуры. Он умер так и не став участником непримиримой борьбы с большевиками, предавшими, по мнению Ермолаева, идеалы революции, рвавшими к безраздельной власти, жестоко расправлявшимися со своими политическими оппонентами. Он оказался обречен на забвение, вычеркнут из советского варианта

истории революционного движения в России. Возвращая его имя из забвения, будущие исследователи, возможно, скажут о нем как о честном человеке, идеалисте, не искавшем политической конъюнктуры в погоне за властью, собственным лидерством.

Целью этой статьи является краткий очерк биографии К.М. Ермолаева, последние дни жизни и смерть которого связаны с городом Витебском.

Материал и методы. Источниками настоящей работы являются опубликованные в разное время документы съездов и конференций РСДРП 1905–1917 гг., труды и переписка В.И. Ленина 1910–1912 гг., документы и письма деятелей революционного движения в России В.Н. Фигнер, Ю.О. Мартова, документы по истории родословной К.М. и В.М. Ермолаевых. В основу исследования положены историко-генетический и хронологический методы изучения материала. Реконструкция биографии К.М. Ермолаева осуществлена в связи с главными вехами истории российской социал-демократии периода 1905–1917 гг.

Результаты и их обсуждение. Ермолаевы – дворяне, происхождение которых связано с Пензенской и Саратовской губерниями. Родовое имение, село Ключи Малосердобинской волости Петровского уезда Саратовской губернии (ныне Малосердобинский район Пензенской области), принадлежало им, по крайней мере, с 40-х гг. XVIII века. В конце XIX века собственниками имения были братья Михаил Сергеевич и Константин Сергеевич Ермолаевы. Отец К.М. Ермолаева, Михаил Сергеевич Ермолаев (1847–1911), был помещиком и занимал пост председателя земской уездной управы. При этом он был человеком прогрессивных взглядов. В семье витал дух либерального народничества. Михаил Сергеевич поддерживал дружеские отношения с семьей Фигнер, давшей России ряд революционеров. Собственно, имя его дочери, будущей художнице и сестре Константина Михайловича, было дано в честь Веры Николаевны Фигнер, члена исполкома организации «Народная воля» и участницы подготовки покушения на царя Александра II. Вера Фигнер не раз гостила в имении Ермолаевых, а с июня 1878 до

начала мая 1879 года вместе с сестрой Евгенией работала в Петровском уезде фельдшерницей и учительницей [1, с. 156]. Известно, что М.С. Ермолаев в 1879 г. даже привлекался к дознанию за содействие В.Н. и Е.Н. Фигнер в получении мест фельдшерниц. Проживая в Санкт-Петербурге, М.С. Ермолаев издавал легальный марксистский журнал «Жизнь» (1897–1901). В нем печатались работы К. Маркса «Заработная плата, цена и прибыль», труды российских марксистов М.И. Туган-Барановского, П.Б. Струве, статья В.И. Ленина «Капитализм в сельском хозяйстве (О книге Каутского и о статье г. Булгакова)». На страницах издания увидели свет произведения русских писателей А.М. Горького, А.П. Чехова, В.В. Вересаева, И.А. Бунина. Учредив кооперативное общество, М.С. Ермолаев немалые деньги отдал на поддержку общественных начинаний. До самой смерти в 1911 г. он не переставал заниматься работой на благо общества.

В такой семье родились брат Константин и сестра Вера (брат в 1884, а сестра – в 1893 г.). Они на всю жизнь усвоили уроки отца: служение общественным идеалам – смысл жизни. Получив наследство после смерти отца, дети продолжили деятельность во благо общества каждый по-своему. Константин целиком ушел в партийную работу, Вера – постоянно оказывала поддержку художественному сообществу.

Опасаясь преследований, в 1902 г. семья выехала за границу. Ермолаевы жили в Париже, Лондоне, Инсбруке, Женеве, Лозанне, где дети получили образование. Общение отца, его связи в эмигрантских революционных кругах привели К.М. Ермолаева к участию в партийной работе. Он указывал в анкетах, что начал революционную деятельность с 1902 г. и стал членом Российской социал-демократической рабочей партии в 1903 г. В 1904 г. семья вернулась в Россию и поселилась в собственном имении, а в 1905 г. в разгар событий Первой русской революции переехала в Петербург.

Константин Михайлович оказался в центре практической работы партийных организаций РСДРП. В этой связи его можно назвать в числе «меньшевиков-практиков» петербургской партийной организации, активно работавших накануне Первой русской революции [2, с. 11]. В период революции 1905–1907 гг. он вел работу в рабочих коллективах Юзовки (Донецка), именно оттуда он получил мандат делегата 5-го съезда РСДРП, проходившего в мае 1907 г. в Лондоне. На съезде присутство-

вали 342 делегата от 145 организаций из пяти фракций. От Юзовско-Петровской организации на съезде были 3 представителя, все из фракции меньшевиков, в их числе и К.М. Ермолаев. Собственно, фракция меньшевиков на съезде по числу представителей всего на 7 человек была меньше большевистской. Съезд называют переломным и объединительным, т.к. он должен был объединить многочисленные социал-демократические организации России, но в действительности он вскрыл кризисные явления общественной и политической жизни в период революционного спада и накануне надвигающейся реакции [3].

История внутрипартийной борьбы между фракциями и группировками РСДРП многие десятилетия советского времени подавалась в русле ленинских ее оценок и сейчас изредка продолжает так преподноситься. За последнее время издано немало ранее закрытых материалов по истории партии. Эта важная работа ведется и должна подготовить базу для создания новой версии политической истории России последнего столетия. Здесь нет возможности дать даже основную библиографию вопроса, можно лишь рекомендовать обратиться к справочным и обзорным изданиям по теме [4; 5].

К.М. Ермолаев очень быстро выдвинулся в руководство партии. На 5-м (Лондонском) съезде РСДРП в 1907 г. он был избран кандидатом в члены ЦК РСДРП от фракции меньшевиков и членом Русского бюро ЦК партии. Меньшевики, выделившись в составе РСДРП в 1903 г. на 2-м съезде, последний раз участвовали на 5-м съезде как партийная фракция. О съезде в советское время традиционно писали как победном для большевиков. В действительности же съезд знаменовал начало глубокого внутрипартийного кризиса, который в годы политической реакции 1907–1910 гг. усилился и продолжал давать о себе знать вплоть до февраля 1917 г. В партии обозначилась группа, которая выступала за прекращение нелегальной революционной деятельности, за отказ от практики экспроприаций времен революции и переход на легальные формы политической борьбы, за превращение РСДРП в партию парламентского типа. В.И. Ленин оценил это как призыв к ликвидации нелегальной марксистской рабочей партии и повел с группой непримиримую войну.

Несмотря на избрание общего ЦК РСДРП из представителей всех фракций он оказался недееспособным. Все десятилетие с 1907 до 1917 г. РСДРП сохраняла лишь формальное

единство. Разное понимание допустимых форм и методов борьбы, особенно в условиях реакции, привело к фактическому расколу, в котором большевики и меньшевики без устали обвиняли друг друга в стратегических и тактических ошибках. Расхождения формализовались лишь в августе 1917 г. на следующем, 6-м съезде. Меньшевики, выступавшие после российской революции 1905–1907 гг. за легальные формы политической борьбы, получили, как известно, название «ликвидаторов». К ним традиционно относят А.Н. Потресова, П.Б. Аксельрода, П.А. Гарви и ряд других деятелей. Началом раскола стали взаимные обвинения В.И. Ленина и Ю.О. Мартова в разжигании фракционной борьбы и саботаж членами меньшевистской фракции работы в Центральном комитете. Этому вопросу в своих работах много места посвятил В.И. Ленин. Проблема единства партии особенно остро назрела к осени 1909 г., но она не выходила еще за рамки дискуссий.

В январе 1910 г. на пленуме ЦК в Париже Ю.О. Мартов выступил с критикой раскольнического курса большевиков и призвал их прекратить фракционную борьбу в партии. После январского пленума ЦК Русское бюро составляли члены и кандидаты в члены ЦК: большевики И.П. Гольденберг (Мешковский), И.Ф. Дубровинский (Иннокентий), а после их ареста – В.П. Ногин (Макар) и Г.Д. Лейтейзен (Линдов) и меньшевики – члены и кандидаты в члены ЦК И.А. Исув (Михаил), П.А. Бронштейн (Юрий), а также К.М. Ермолаев (партийный псевдоним – Роман). Весной, в марте 1910 г. меньшевики-члены Центрального комитета отказались участвовать в работе избранного органа и заявили, что считают существование самого ЦК вредным. Члены и кандидаты в члены Центрального комитета от меньшевистской фракции саботировали участие в его работе, а затем и не явились на заседание по вопросу кооптации в состав ЦК вместо них других членов.

Дискуссия между Ю.О. Мартовым и В.И. Лениным развернулась на страницах двух парижских нелегальных газет: меньшевистского «Голос Социал-Демократа» и ленинского «Социал-Демократа». Манифест меньшевиков П.Б. Аксельрода, Ф.И. Дана, Ю.О. Мартова и А.С. Мартынова под названием «Письмо к товарищам», а затем «Открытое письмо» (так называемое «письмо 16-ти», в числе которых был и К.М. Ермолаев) вызвали острую реакцию В.И. Ленина. Он оценил

открытое выступление в партийной печати как раскольническую деятельность, как «бомбу для взрыва партии». В «Открытом письме» меньшевики-ликвидаторы, собственно, дискутировали с Г.В. Плехановым и объясняли необходимость обновления партии и методов ее борьбы с «общеизвестным явлением омертвлости партийных ячеек». Они вовсе не отрицали политической партии пролетариата. В статье «“Голос” ликвидаторов против партии» В.И. Ленин сравнивает славу 16-ти членов партии, подписавших открытое письмо, с «геростратовой славой» [6, т. 19, с. 202–210]. Статья В.И. Ленина датирована мартом 1910 г., и до лета 1912 г. он продолжал непрекращающиеся атаки на ликвидаторов в лице этих самых «16-ти». В его текстах данного периода вновь и вновь появляется упоминание об К.М. Ермолаеве. В 1910 г. В.И. Лениным написаны такие работы, как «Одно из препятствий партийному единству», «Заметки публициста», «О фракции «впередовцев», «Исторический смысл внутривластной борьбы в России». Последний заголовок теоретичен по форме, хотя сама статья носит полемический характер и является ответом на работы Ю. Мартова и Л. Троцкого.

В переписке 1910 г. с разными адресатами В.И. Ленин не церемонится в выражениях, оценивая открытое выступление меньшевиков-ликвидаторов. В письме А.М. Горькому от 11 апреля 1910 г. он пишет: «экий подлец этот Потресов!» [6, т. 47, с. 249], и прибавляет к нему целую группу, называя в т.ч. псевдоним К.М. Ермолаева – Роман. В письме к ЦК 2 мая 1910 г. Ленин вновь характеризует позицию меньшевиков, выявившуюся, как он полагает, окончательно, и в очередной раз называет партийные псевдонимы И.А. Исува, П.А. Бронштейна и К.М. Ермолаева [6, т. 47, с. 253].

Из соображений тактики борьбы позиции двух групп меньшевиков (одной во главе с Ю.О. Мартовым и другой – авторов «Открытого письма», которых В.И. Ленин олицетворяет то с А.Н. Потресовым персонально, то с группой трех – И.А. Исув, П.А. Бронштейн и К.М. Ермолаев) он в своей критике объединяет. Лишь спустя год, в марте 1911 г., когда авторы «Открытого письма» попытались еще раз обозначить свои принципиальные доводы в статье «Разрушенная легенда» на страницах все того же «Голоса Социал-Демократа», В.И. Ленин признал различие позиций этих двух меньшевистских групп. Характеризуя их, В.И. Ленин называет тактику Ю.О. Мар-

това более осторожной. Позиция А.Н. Потресова, а также И.А. Исува, П.А. Бронштейна и К.М. Ермолаева представлена В.И. Лениным в статье «Разрушители партии в роли разрушителей легенд» как саботаж, не имеющий под собой прочных теоретических оснований [6, т. 20, с. 181–185]. Ленин не соглашается с мыслью «трех» о том, что действия ЦК приводят к разрушению легальных рабочих организаций. Он преподносит аргументацию «трех» лишь как стремления оправдаться, используя излюбленную тактику навешивания ярлыков и извращения позиций своих политических оппонентов. Большевики попытались закрыть газету решением ЦК.

В работах В.И. Ленина 1911 и 1912 гг. его полемика с позицией «трех» продолжается. Наряду с прямым упоминанием, вождь большевиков постоянно обращается к аргументации своих политических оппонентов, дискутируя по вопросам стратегии и тактики (см.: 6, т. 20, 21). Отражением этой полемики стали документы Пражской конференции большевиков 1912 г.

С февраля 1911 г. Ленина беспокоит новая неблагоприятная диспозиция в ЦК, складывавшаяся не в пользу большевиков, и он ищет сторонников идеи того, чтобы не допустить перечисленных уже много раз членов ЦК-саботажников, все тех же Исува, Бронштейна и Ермолаева, к участию в предстоящем партийном пленуме. Об этом он пишет в письме А.И. Рыкову 17 февраля 1911 г. [6, т. 48, с. 17]. Перед пленумом в июне 1911 г. в Париже по инициативе В.И. Ленина состоялось совещание членов ЦК РСДРП, находившихся за границей. Непосредственная подготовка к совещанию началась в апреле. Переписка В.И. Ленина свидетельствует о том, что непримиримый вождь большевиков начал делать шаги в необходимом направлении еще раньше. Совещание должно было принять меры к созыву пленума ЦК, к ликвидации тяжелого кризиса, в котором находилась партия, оказавшаяся фактически без руководящих центральных учреждений. В.И. Ленин обвинил во всем этом меньшевиков-ликвидаторов. При обсуждении вопроса о персональном составе имеющих право участвовать в пленуме он заявил, что И.А. Исув, П.А. Бронштейн и К.М. Ермолаев не имеют такого права как разрушители партийной дисциплины. Это в очередной раз вызвало острую полемику и раскол. Реальный шаг к ликвидации партийного кризиса так и не был сделан. И хотя Ленин в

декабре 1911 г. написал заметку для газеты «Социал-Демократ» под красноречивым названием «Развязка партийного кризиса», подлинной развязки не произошло. Итогом стал скорее временный компромисс двух «сильных» фракций — большевиков и т.н. меньшевиков-партийцев во главе с Г.В. Плехановым — союз временный [6, т. 21, с. 1–10]. А.Н. Потресов и называвшаяся уже «группа трех» была объявлена «слабоголовыми» в стиле, ставшем у В.И. Ленина классическим.

В январе 1912 г. большевики вместе со своими союзниками меньшевиками-партийцами созвали в Праге конференцию, которая исключила из партии меньшевиков-ликвидаторов. В противовес пражской конференции они организовали в августе того же года конференцию в Вене. На ней Ю.О. Мартов вошел в Организационный комитет партии, противостоявший сепаратно избранному в январе того же года в Праге большевистскому ЦК.

Либерализм получил у Ленина оценку контрреволюционного движения. Ориентиры меньшевиков-практиков на реформизм и легальные формы партийной работы в условиях реакции охарактеризованы как столь же контрреволюционные. Оппонентами В.И. Ленина и группы профессиональных революционеров-эмигрантов, оторванных от народной массы, при этом нередко объявлялись деятели партии, которые жили и работали в это время в России в условиях послереволюционной столыпинской реакции и должны были искать формы практической работы в пролетарской среде. Таковым был К.М. Ермолаев. Партийцам-практикам противостояли «ленинцы», профессиональные революционеры-эмигранты, жившие в среде так ненавистного им европейского либерализма, вдали от российских реалий. Идеиные позиции этих групп оказались непримиримы, хотя В.И. Ленин в своих статьях постоянно делал попытки доказать отсутствие каких-либо серьезных идей у своих политических оппонентов. Здесь К.М. Ермолаев и его соратники имели крупное столкновение с большевистской, правильное сказать, ленинской позицией, но сохранили убеждения и авторитет в рабочей среде.

В последующие годы политическая борьба продолжала связывать К.М. Ермолаева с двумя участниками тройки, оппонентами В.И. Ленина — П.А. Бронштейном-Гарви (1881–1944) и И.А. Исувом (1878–1920). В.И. Ленин называл П.А. Бронштейна не иначе как ренегатом, который позднее, после ок-

тября 1917 г., выступил против создания коалиционного правительства с большевиками и был выслан из Советской России на знаменитом «философском пароходе» в 1922 г. Тем самым он сохранил жизнь. Судьба И.А. Исува, уроженца г. Витебска, видного лидера и талантливого оратора меньшевиков, удивительно похожа на судьбу К.М. Ермолаева. Он умер от дизентерии в 1920 г.

Практическая работа К.М. Ермолаева в годы послереволюционной реакции связана с петербургскими организациями меньшевиков. После смерти отца в 1911 г. он получил часть родительского состояния, которое было потрачено на партийную работу. В 1910–1912 гг. К.М. Ермолаев финансировал и редактировал партийную газету «Живое дело». В 1912 г. он был осужден и выслан в Иркутск, где прожил до февраля 1917 г. Но и в ссылке участвовал в издании газет «Минусинский край» (1914), «Сибирское обозрение», «Сибирского журнала» (1915–1916). В эти годы у него в Сибири бывала и подолгу жила сестра Вера.

Февральская революция 1917 г. дала свободу политическим заключенным и ссылкой, которые устремились в города центральной России, российскую столицу. В Петрограде оказалось много видных деятелей-меньшевиков, в т.ч. К.М. Ермолаев. В июне 1917 г. в столице состоялся Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Представителей популярных в народе партий эсеров и меньшевиков на нем было более половины. Хотя из 1090 делегатов о принадлежности к политическим партиям заявили не все, а только 777, но в их числе эсеров насчитывалось 285, меньшевиков – 248, а большевиков – 105. Был избран Центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов из 320 человек, в который вошло 123 меньшевика, 119 эсеров и 58 большевиков. К.М. Ермолаев был избран в ЦИК от фракции социал-демократов (меньшевиков) [7; 8].

В августе 1917 г. лишь формально сохранявшая единство с большевиками и другими группами фракция социал-демократов (меньшевиков) провела самостоятельный съезд и стала называться Российской социал-демократической рабочей партией. В состав Бюро ее ЦК был избран К.М. Ермолаев, где занял пост товарища председателя [9, с. 72–73].

Апрель–октябрь 1917 г. были временем, когда большевики во главе с В.И. Лениным неуклонно и всеми средствами рвались к вла-

сти. Меньшевики-социалисты, понимая это, вели себя непоследовательно. С одной стороны, они искали союза с другими революционными силами, с другой – для них существенными были настроения масс и не был праздным вопрос о выборе средств политической борьбы.

После Октябрьского переворота и сложения полномочий ЦИК, выбранного в июне Первым съездом советов, в новых условиях авторитет партии меньшевиков стал таять. ЦК принял резолюцию, объявляющую «захват власти большевиками путем военного заговора насилием над волей демократии и узурпацией прав народа» [10, с. 324]. 28 октября было принято решение о недопустимости каких-либо соглашений с большевиками относительно совместной с ними организации власти. Однако эти категоричные тактические решения вскоре были нарушены. Почти одновременно начались переговоры представителей общественных организаций и социалистических партий с большевистскими лидерами.

Захват власти большевиками вызвал протесты демократических сил. Ю.О. Мартов в письме П.Б. Аксельроду от 19 ноября 1917 г. сообщает об отсутствии даже в ЦК меньшевиков единого мнения по вопросу о возможности сотрудничества с большевиками при создании единого правительства. Он сообщает о выходе ввиду несогласия с решением о необходимости создания коалиционного правительства из состава ЦК 11 его членов, в т.ч. и К.М. Ермолаева [11]. Хотя путем уговоров и удалось достичь временного компромисса, но решено было организовать обсуждение этого вопроса на съезде.

В связи с большевистским переворотом РСДРП вновь созданная меньшевиками партия российской социал-демократии созвала чрезвычайный съезд в Петрограде 30 ноября – 7 декабря 1917 г. Съезд в отсутствие председателя ЦК партии П.Б. Аксельрода открыл товарищ председателя К.М. Ермолаев. Он заявил, что «объединительный съезд в августе не решил задачи создания нормально-функционирующей жизнеспособной партии... Партия в нынешнем виде не в состоянии решить выдвинутых событиями последних месяцев колоссальных задач. Поэтому и было решено взамен предполагавшейся ранее всероссийской конференции партии созвать экстренный всероссийский съезд» [11]. К.М. Ермолаев охарактеризовал исключительность переживаемого момента. На съезде оконча-

тельно обозначились различия позиций по отношению к вопросам о сотрудничестве с большевиками, необходимости вхождения социалистов в коалиционное правительство, призывам к саботажу мероприятий большевиков.

Меньшевизм всегда был умеренным крылом российской социал-демократии. Его лидеры ощущали себя ответственными перед обществом за политические решения и поступки. Они считали, что неразборчивость большевиков в выборе средств борьбы за власть неизбежно приведет к расколу общества и гражданской, братоубийственной войне. Но были и те, кто готов был признать захват власти большевиками как выражение настроений пролетариата. Они призывали к необходимости сотрудничества с новой большевистской властью.

Для многих подобная смена курса партии казалась неприемлемой. Все течения в партии сходились в оценке того, что, став органами диктатуры правящего меньшинства и выступая по отношению к рабочему классу в роли приказчиков мнимо-социалистического государства, советы начали вырождаться, по выражению К.М. Ермолаева, «в форменные живопырны» – бюрократические учреждения, захваченные партийными кликами и авантюристическими бандами, самовластно, безответственно и тиранически управляющими страной [10, с. 331].

При голосовании по основным вопросам съезд принял компромиссное решение, идя на соглашение с большевиками. 22 человека (среди них лидер оборонцев А.Н. Потресов и его сторонники) воздержались от голосования при выборах в ЦК [10, с. 328], объяснив, что делают это ввиду того, что основные резолюции, принятые съездом, находятся в резком противоречии со всей меньшевистской тактикой. К ним присоединился ряд видных деятелей партии, в т.ч. П.А. Гарви и К.М. Ермолаев. В состав нового ЦК партии К.М. Ермолаев не вошел. Выход его из состава ЦК РСДРП стал началом отхода от политики. В 1918 г., спасаясь от голода, К.М. Ермолаев уехал на родину в Саратовскую губернию. Отцовское имение было продано и уже давно семье не принадлежало. Там его застали события начала Гражданской войны, наступление войск Колчака. Об этом времени известно очень мало.

Смерть К.М. Ермолаева летом 1919 г. выглядит совершенно неожиданной. Обстоятельства последних месяцев его жизни известны не очень хорошо. Составитель био-

графической хроники художницы Веры Ермолаевой А. Заинчковская сообщает, что после амнистии политзаключенных К.М. Ермолаев жил в Витебске, куда и последовала художница для работы в художественном училище, организованном М.З. Шагалом. Выбор места жительства В.М. Ермолаевой, таким образом, по мнению автора, был продиктован этим обстоятельством [13, с. 272]. В этой же хронике сообщается о смерти брата. Однако мы уже знаем, что в действительности К.М. Ермолаев после амнистии летом и осенью 1917 г. принимал участие во всех драматических событиях в Петрограде, связанных с деятельностью в революции меньшевистского ЦК. Его отъезд из российской столицы на родину последовал после отхода от партийных дел, где он оказался на территории, захваченной войсками Колчака. И лишь потом состоялся его приезд в белорусский город Витебск. Поэтому, наоборот, его появление в городе связано с назначением сестры Веры Михайловны на работу в Витебское народное художественное училище в апреле 1919 г.

В письме Ю.О. Мартова П.Б. Аксельроду от 23 января 1920 г. мы находим строчки: «Сыпной тиф посетил многих товарищей, кое-кого унес... Не от тифа, но от дизентерии умер Роман (Конст[антин] Михаил[ович] Ермолаев) прошлым летом в Витебске – вскоре после возвращения из “Колчакии”, где он пробыл полгода» [11]. Эти строки дают основание утверждать, что, отказавшись от участия в активной политической деятельности, спрятаться от братоубийственной войны, которую предсказывали социал-демократы после захвата власти большевиками, не удалось и в провинции. Из захваченных А.В. Колчаком губерний пришлось бежать. В голодном и небезопасном Петрограде К.М. Ермолаев также пробыл недолго. С весны 1919 г. он попытался найти место рядом с сестрой в Витебске, где в один из летних месяцев неожиданно скончался. Смерть 35-летнего К.М. Ермолаева трагична.

Заключение. Основные этапы биографии Константина Михайловича Ермолаева, деятеля меньшевистской фракции Российской социал-демократической рабочей партии, члена ее Центрального комитета, избранного на 5-м Лондонском съезде, депутата Первого Всероссийского съезда Советов, члена ВЦИК первого состава прочно связаны с историей российской социал-демократии. Выходец из состоятельной дворянской семьи либераль-

ных взглядов, он был участником российского революционного движения, посвятившим себя непосредственной деятельности в рабочей среде. Он свято верил в идеалы свободы и демократии. Для него принципиальным был вопрос о методах политической борьбы. Для него неприемлемыми были неконституционные методы борьбы за власть, что неизбежно привело его к конфликту с практикой большевизма и отказу от политической деятельности. Ранняя смерть К.М. Ермолаева очевидно избавила его от судьбы многих, ставших позднее ее жертвами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фигнер, В.Н. Запечатленный труд / В.Н. Фигнер. – М.: Мысль, 1964. – Т. 1.
2. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Конференции РСДРП 1912 года. Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2008. – 1120 с.
3. Пятый съезд РСДРП. Май–июнь 1907 г.: протоколы / под ред. Ем. Ярославского. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. – XXXII + 878 с.
4. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1996. – 430 с.
5. Политические партии России: история и современность / под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН, 2000. – 631 с.; Тюкавкин, С.В. Большевизм: Страницы истории / С.В. Тюкавкин. – М.: РОССПЭН, 2002. – 560 с.
6. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. – М.: Изд-во политической литературы, 1967–1975.
7. Покровский, А.С. Первый рабоче-солдатский парламент России. I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (3–24 июня 1917 г.): опыт реконструкции списка участников; Контурь социального портрета / отв. ред. В.М. Лавров. – М.: Издат. центр ИРИ РАН, 2001. – 247 с.
8. Список членов ВЦИК, избранных на I-м Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов // Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. – М.–Л., 1931. – Т. 2. – С. 423–426. URL: http://mirslovarei.com/content_pol/pervyj-vserossijskij-sezd-sovetov-rabochix-i-soldatskix-deputatov-6691.html dsbHAy. – Дата обращения: 29.05.2014.
9. Большевики в 1917 году: в 3 т. / под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. – М.: Прогресс-Академия, РОССПЭН, 1995. – Т. 3. – С. 72–73.
10. Ненароков, А.П. Политическое поражение меньшевиков / А.П. Ненароков // Политические партии России: история и современность. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – С. 323–342.
11. Мартов, Ю.О. Письма и документы (1917–1922) / Ю.О. Мартов; сост. и вступ. ст. Ю.Г. Фельштинский. – Benson: Chalidze Publications, 2004. – 685 с. URL: <http://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/martov.txt>. – Дата обращения: 29.05.2014.
12. Полубояров, М.С. Ермолаев Константин Михайлович / М.С. Полубояров // Пензенская энциклопедия. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2001.
13. Вера Ермолаева. 1893–1937. Каталог выставки / текст и коммент. А. Заинчковской. – М.: Галерея Галеева, 2009. – 288 с.

Поступила в редакцию 10.06.2014 г.

Принята в печать 29.12.2014 г.

УДК 94(476.5)“18”:342.25

Отношение губернской администрации к органам городского самоуправления в 1870–1892 гг. (по материалам Витебской губернии)

Моторова Н.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машиерова», Витебск

Губернаторы, являясь представителями высшей власти на местах, обеспечивали связь между городскими думами и правительственными учреждениями, влияли на оформление официальной позиции в сфере городского самоуправления.

Цель данной статьи состоит в анализе отношения губернской администрации к городской реформе 1870 г. и системе городского самоуправления на примере отдельного региона – Витебской губернии.

Материал и методы. Статья подготовлена на основании архивных материалов из фондов Национального исторического архива Беларуси. Для достижения поставленной цели использовались такие специально-научные методы, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. На основании анализа записок, подготовленных витебскими губернаторами П.Я. Ростовцевым и В.М. Долгоруковым, были обозначены основные проблемы, которые возникали во взаимодействии губернских и городских властей, выявлены подходы губернской администрации к их решению.

Отношение правительства и местной губернской администрации к системе городского самоуправления трансформировалось на протяжении 1870–1892 гг. Если сначала введение нового Городового положения воспринималось как средство улучшения жизни городов, выхода из состояния застоя, то спустя некоторое время проявилось недовольство деятельностью новых городских дум, так как они оказались выведенными из-под контроля губернской администрации. Кроме того, на взаимоотношения органов городского самоуправления белорусско-литовских губерний и губернской администрации негативный отпечаток наложило настороженное отношение последней к еврейскому населению.

Заключение. Такая позиция губернаторов повлияла на изменение отношения правительства к городским общественным управлениям и способствовала проведению городской контрреформы 1892 г.

Ключевые слова: губернская администрация, Городовое положение, система городского самоуправления.

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 68–72)

Attitude Of Provincial Administration to the Bodies of Municipal Government in 1870–1892 (on Materials of Vitebsk Province)

Motorova N.S.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherova University”, Vitebsk

Governors were local representatives of higher government and provided a link between town councils and governmental institutions, influenced the official position in municipal government.

The purpose of this article is to analyze the attitude of the provincial administration to urban reform in 1870 and the system of municipal government on the example of a particular region – Vitebsk Province.

Material and methods. The article was prepared on the basis of archival materials from the collections of the National Historical Archives of Belarus. To achieve the purpose such special scientific methods were used as historical and genetic, historical and comparative, historical and systematic, historical and typological.

Findings and their discussion. The author analyzed notes prepared by the governors of Vitebsk Province P.Y. Rostovtsev and V.M. Dolgorukov and indicated the main problems encountered in the interaction of provincial and municipal governments, revealed approaches of provincial administration to solving them.

Attitude of the government and local provincial administration to the bodies of municipal government transformed over the years of 1870–1892. At first the introduction of new Municipal Statutes was perceived as a means of improving urban life, way out of the state of stagnation. Some time later dissatisfaction with the new city councils was manifested, as they were derived from the control of the provincial administration. In addition, a negative impression on the relationship between the

Адрес для корреспонденции: e-mail: n.s.motorova@yandex.ru – Н.С. Моторова

city administration of the Belarusian-Lithuanian provinces and provincial administration was left by the cautious attitude of the administration to the Jewish population.

Conclusion. This influenced the change in the government's attitude to the urban public administration and encouraged the urban counterreform of 1892.

Key words: Provincial administration, Municipal statutes, system of municipal government.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 68–72)

В 1870 г. в Российской империи было введено в действие новое Городовое положение. Это стало началом масштабной реформы системы городского самоуправления, которая ранее функционировала на основании «Жалованной грамоты городам» 1785 г. На территорию белорусско-литовских губерний Положение было распространено в 1875 г. При анализе этой реформы необходимо учитывать фактор взаимоотношений органов городского самоуправления с местной губернской администрацией, так как от ее позиции зависела реализация тех или иных инициатив городских дум. Губернаторы, являясь представителями высшей власти на местах, обеспечивали связь между органами самоуправления и правительственными учреждениями, влияли на оформление официальной позиции к системе городского общественного управления. Таким образом, цель данной статьи состоит в анализе отношения губернской администрации к городской реформе 1870 г. и системе местного городского самоуправления на примере отдельного региона – Витебской губернии.

В дореволюционный период проблема взаимоотношений губернской администрации и городских властей частично затрагивалась в исследованиях А.Г. Михайловского, К.А. Пажитнова, Д.Д. Семенова, посвященных анализу городских реформ и городского законодательства в целом. После 1917 г. исследователи практически не уделяли внимания этой тематике. Исключение составила работа бывшего гласного Санкт-Петербургской городской думы Л.А. Велихова «Основы городского хозяйства: общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства», изданная в 1928 г. и переизданная в 1996 г. Лишь с середины 1980-х гг. исследователи вновь заинтересовались проблемами, связанными с изучением городского законодательства в пореформенной Российской империи, деятельностью органов городского самоуправления и их взаимоотношений с губернской администрацией. Наиболее плодотворно данная тематика была разработана В.А. Нардовой. На современном этапе эту проблематику продолжают разрабатывать В.Д. Калинин, Л.Е. Лаптева, А.Ю. Шутов, М.А. Юрочкин и др.

Материал и методы. Статья подготовлена на основании архивных материалов из фондов Национального исторического архива Беларуси. Для достижения поставленной цели использовались такие специально-научные методы, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. В начале реализации городской реформы высшие правительственные учреждения Российской империи не имели четкой позиции по отношению к вопросу о времени и условиях ее проведения на территории белорусско-литовских губерний. Так, Городовое положение было утверждено 16 июня 1870 г., а 26 июля 1870 г. Хозяйственный департамент МВД разослал циркуляры губернаторам западных губерний с сообщением о новом Положении и просьбой высказать «ближайшие ваши соображения и заключения относительно применения оного в городах вверенной вам губернии» [1, л. 1].

Витебский губернатор П.Я. Ростовцев сообщил, что представит свое заключение после того, как по городам региона будут собраны все необходимые сведения о лицах, имевших право принять участие в выборах новых органов самоуправления на основании семнадцатой статьи Городового положения 1870 г. [1, л. 3]. Согласно этой статье в выборах могли участвовать городские обыватели старше 25 лет, которые являлись русскими подданными. Они должны были владеть недвижимым имуществом или содержать торговое или промышленное заведение в черте города, либо уплачивать в течение последних двух лет в пользу города сбор со свидетельств – купеческих, промысловых на мелочный торг, приказничьих первого разряда. Кроме того, на избирателях не должно было числиться недоимок по городским сборам [2, с. 825].

В декабре 1870 г. П.Я. Ростовцев на основании полученных данных подготовил и направил в МВД докладную записку. По его мнению, «настоящее состояние городов Витебской губернии крайне неудовлетворительно и, в сравнении с городами всероссийскими, крайне бедно. Все города губернии не в силах удовлетворить самым важным своим нуждам, чистые доходы их не покрывают даже неиз-

бежных расходов» [1, л. 31]. Даже на самых крупных городах региона – Витебске, Динабурге, Полоцке – числились значительные долги перед государственной казной. По мнению П.Я. Ростовцева, было несколько причин такого бедственного положения: застой в развитии ремесел и промышленности, что привело к сокращению городских доходов, малограмотность или даже безграмотность населения, несовершенство и архаичность законодательной базы. «Сами законы по этому предмету, отжившие свой век, если не благоприятствуют, то нисколько не устраняют настоящее положение. Выборные лица в городские должности из купцов и мещан по своему неразвитию думают только о своих интересах и не заботятся о пользе общественной, другие же городские сословия, более развитые, лишены выборного права и оттого не участвуют в обсуждении городских нужд и средств к удовлетворению их» [1, л. 31 об.]. Единственным выходом из «состояния полнейшей беззаботливости о нуждах и благоустройстве городов» могло стать введение нового Городового положения, которое должно было привлечь к выборам людей, более образованных и заинтересованных в улучшении городского хозяйства, так как они принимали участие в платеже городских повинностей. Настоящей проблемой при введении нового городского общественного управления могло стать преобладание евреев среди городского населения, но, по мнению П.Я. Ростовцева, «элемент этот не может иметь большого влияния на городские выборы, потому что по новому Положению из евреев может поступить в общественную службу не более одной трети выборных лиц, а быть городскими головами они вовсе не имеют права» [1, л. 32–32 об.]. В отношении поляков витебский губернатор был более категоричным: он предложил полностью запретить им занимать какие-либо выборные должности в органах городского самоуправления (такая позиция П.Я. Ростовцева понятна, ведь записка была подготовлена в конце 1870 г., когда были еще свежи воспоминания о восстании 1863–1864 гг.). В заключении отмечалось, что наиболее целесообразным было бы сначала ввести Городовое положение в губернском городе, а затем распространить его на другие города губернии без исключения [1, л. 33–33 об.].

Закон о распространении Городового положения на города западных губерний был принят 29 апреля 1875 г. Но в нем было сде-

лано следующее замечание: Положение должно «применяться постепенно, по ближайшим местным соображениям, с разрешения министра внутренних дел» [3, с. 462]. На территории Витебской губернии новое городское общественное управление начало функционировать в 1876 г. в Витебске и Динабурге, в 1879 г. – в Полоцке, в 1881 г. – в Невеле и Велиже, в 1883 г. – в Себеже [4, л. 6; 5, л. 135; 6, с. 8; 7, л. 25]. В остальных пяти уездных городах – Дриссе, Городке, Лепеле, Люцине, Режице и заштатном Сураже – вплоть до введения Городового положения 1892 г. продолжали действовать шестигласные городские думы, находившиеся под полным контролем Губернского правления [8, с. 25].

Постепенно отношение местной губернской администрации к новым органам городского самоуправления кардинально изменилось. В 1888 г. новый витебский губернатор В.М. Долгоруков подготовил «Записку... о мерах упорядочения нового городского общественного управления в городах Западного края». В этом документе он отметил, «что из всех учреждений Витебской губернии... самое низшее, по приносимой пользе, место занимает городское общественное управление, и притом не столько в городах, управляющихся по прежнему порядку, сколько в местностях, где введено Городовое положение 1870 г. Общий характер управления городских дум прежнего устройства заключается в их бездеятельности, находясь, однако, в непосредственном подчинении и под контролем губернского начальства, думы эти если и ведут городское хозяйство слабо и апатично, то без проявления особого самоуправления, какое постоянно обнаруживается в городах, где введено Городовое положение 1870 г. Городские думы старого устройства за всякое противозаконное действие, направленное не только в нарушение служебного долга, но и в малейший ущерб городской казне, преследуются со всюю строгостью, определенной в законе; новые же городские общественные управления, изъятые в хозяйственном отношении от какого бы то ни было контроля, всю свою деятельность направили для достижения личного обогащения и наживы на счет управляемых ими городов. Такое хозяйничанье повело к тому, что городские налоги, тяжесть которых особенно чувствительно ложится на бедное население, увеличиваются, городские земли распродаются, а вырученные за их деньги расходуются непроизводительно» [9, л. 80]. В.М. Долгоруков

видел причину этих негативных явлений в огромном влиянии евреев совместно с поляками на органы городского самоуправления: «Отличаясь неразборчивостью в средствах для достижения своих стремлений к наживе, они успевают разными темными способами проводить в гласные думы, а затем в члены городской управы и различных исполнительных комиссий таких лиц-христиан..., которые заранее склоняются действовать в направлении, отвечающем корыстным целям своих избирателей, сулящим при этом выгоды и самим избираемым...» [9, л. 80 об.]. Критикуя деятельность органов городского самоуправления, витебский губернатор подчеркивал, что Городовое положение само по себе не могло стать причиной злоупотреблений и беспорядков, все дело «в той особенности здешних городов, что преобладающее в них население составляется из еврейско-польского элемента, который по своему складу мыслей и по направлению является противником общего государственного гражданского строя и всегда норовит стать в обособленное положение, обуславливающееся видами исключительного господства для личного материального обогащения на счет прочих народностей не без расовых своих целей» [9, л. 81]. Чтобы исправить сложившуюся ситуацию, В.М. Долгоруков предлагал ввести в число избирателей представителей от всех правительственных учреждений, которые функционировали в городах, увеличить в два раза число гласных, а также усилить контроль со стороны местной администрации за всеми действиями органов городского самоуправления [9, л. 81–81 об.].

Эти настроения местной администрации вполне соответствовали настроениям, царившим в высших правительственных учреждениях, в том числе и в МВД. Уже в 1890 г. Хозяйственный департамент Министерства разослал циркуляры, в которых предложил губернаторам высказать свое мнение по поводу изменений и дополнений существовавшего Городового положения в связи с введением нового Земского положения. Среди основных недостатков городского общественного управления были отмечены следующие: преобладание в избирательных собраниях торгово-промышленного класса (а в городах бело-русско-литовских губерний – евреев и христиан, выступающих на их стороне), частые собрания городских дум при необязательной явке гласных на заседания, участие в решении

дел заинтересованных гласных, отсутствие ответственности для членов исполнительных и подготовительных комиссий, замедленное и небрежное исполнение дел, многочисленные нарушения и злоупотребления в распоряжении городскими капиталами и имуществами и т.п. [10, л. 1–2 об.].

Новое Городовое положение было утверждено 11 июня 1892 г. В целом структура и полномочия органов городского самоуправления остались прежними, но в законе были учтены пожелания местной губернской администрации. В частности, губернатор должен был осуществлять надзор за законностью действий городских общественных управлений, а их постановления и распоряжения подлежали обсуждению Губернского по городским делам присутствия (в тех регионах, где не была проведена земская реформа) либо Губернского по земским и городским делам присутствия. Таким образом, местная губернская администрация получила право полностью контролировать деятельность органов самоуправления в городах. Число евреев в органах городского самоуправления было законодательно ограничено: не более одной десятой части от общего состава городской думы или собрания уполномоченных. Иудеи не допускались к исполнению обязанностей городских голов, к заведованию отдельными отраслями городского хозяйства и т.п. [11, л. 432–435, 439].

На местах новое Городовое положение было введено к 1895 г., причем во всех городах без исключения. На территории Витебской губернии в Витебске, Двинске, Невеле, Велиже и Полоцке городские думы были просто реформированы на началах нового законодательства, а в Городке, Дриссе, Лепеле, Люцине, Режице, Себеже, Сураже вводилось упрощенное городское общественное управление, создавались собрания уполномоченных [8, с. 25]. Введение нового Положения породило ряд недоразумений. Например, в одном из официальных отчетов отмечалось, что городские думы не могли уяснить, что отныне являются лишь совещательными органами, полностью подотчетными губернской администрации, и что заведывание городским хозяйством полностью возложено на городские управы [12, л. 2–4].

Таким образом, отношение со стороны правительства и местной губернской администрации к системе городского самоуправления трансформировалось на протяжении 1870–1892 гг. Если сначала введение нового городского общественного управления вос-

принималось как средство улучшения жизни городов, выхода из состояния застоя и апатии, то спустя некоторое время проявилось недовольство деятельностью новых городских дум, так как они оказались выведенными из-под контроля губернской администрации. Кроме того, на взаимоотношения органов городского самоуправления белорусско-литовских губерний и губернской администрации определенным отпечаток наложило определенное недоверие последней и настороженное отношение к еврейскому населению, часто не имевшее под собой достаточных оснований. Такая позиция губернаторов повлияла на изменение отношения правительства к городским общественным управлениям, во многом способствовала проведению городской контрреформы 1892 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Фонд 1416 (Витебское губернское правление). – Оп. 4. – Д. 14189. Дело по предписанию начальника губернии о введении в Витебской губернии нового Городового положения.
2. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). – Собрание 2. – СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1884. – Т. 45: 1870. Отд-ние 1. От № 47862–48529. – 1874. – 896 с.
3. ПСЗ РИ. – Собрание 2. – СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1884. – Т. 50: 1875. Отд-ние 1. От № 54241–54878. – 1877. – 720 с.
4. НИАБ. – Фонд 1430 (Канцелярия витебского гражданского губернатора). – Оп. 1. – Д. 35981.
5. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 36682. Дело о введении в г. Невеле нового Городового положения.
6. Обзор Витебской губернии за 1881 год. – Витебск: Губернская типография, б/г. – 25 с., 8 табл.
7. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 37214. Дело о введении в г. Себеже нового Городового положения.
8. Обзор Витебской губернии за 1892 год. – Витебск: Губ. тип., 1893. – 125 с., 10 табл.
9. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 39458. Дело по предложению Хозяйственного департамента МВД о мерах упорядочения нового городского общественного управления в городах Западного края.
10. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 40346. Дело по циркуляру Хозяйственного департамента витебскому губернатору о предоставлении сведений об изменении и дополнении Городового положения 1870 г.
11. ПСЗ РИ. – Собрание 3. – СПб.: Гос. тип., 1885–1917. – Т. 12: 1892. От № 8215–9216. – 1895. – 1353 с.
12. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 42396. Записка и отчет о деятельности городского общественного управления. Ведомость о состоянии хлебов и других продовольственных запасов; о ходе всех казенных взысканий; о ходе азиатской холеры и пр.

Поступила в редакцию 08.12.2014 г.

Принята в печать 29.12.2014 г.

УДК 94(476)“1945/1956”:364.694

Пасляваенная штодзённасць інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны

Марцынкевіч І.А.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ордэна Дружбы народаў
медыцынскі ўніверсітэт”, Віцебск

Узрастанне даследчай цікавасці да сацыяльнай гісторыі вызначае актуальнасць аналізу штодзённасці інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны ў першыя пасляваенныя гады.

Мэта працы – паказаць асноўныя праблемы паўсядзённасці інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны БССР.

Матэрыял і метады. Даследаванне ажыццяўлялася на аснове інфармацыйнай і справаздачнай дакументацыі камітэтаў, мясцовых партыйных органаў, а таксама Міністэрства дзяржаўнага кантролю БССР, якая знаходзіцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь.

Вынікі і іх абмеркаванне. Аналіз архіўных крыніц сведчыць, што існавалі істотныя хібы ў выплаце пенсій і матэрыяльных дапамог, працаўладкаванні і навучанні інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны, іх медыцынска-бытавым абслугоўванні, арганізацыі працы дамоў інвалідаў. Найбольш частымі парушэннямі, з якімі сутыкаліся дэмабілізаваныя ў адносінах да сябе, з’яўляліся няправільнае размеркаванне грашовых выплат і іншых дапамог, а таксама працаўладкаванне інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны.

Заклучэнне. Пасляваенная штодзённасць інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны была супярэчлівай і неадназначнай. Меры, што прымаліся органамі ўлады для палепшэння матэрыяльна-бытавых умоў фронтавікоў, прыносілі пэўныя вынікі. Аднак працэс укаранення ў практыку рашэнняў заставаўся недасканалым. На месцах да інвалідаў вайны было таксама неадназначнае стаўленне. Асабліва востра гэта праблема адчувалася ў плане працоўнага забеспячэння.

Ключавыя словы: пасляваенная штодзённасць, аднаўленне, інваліды Вялікай Айчыннай вайны, дэмабілізаваныя, сацыяльнае забеспячэнне, дамы інвалідаў, працаўладкаванне.

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 73–81)

Postwar Daily Life of the Disabled and Participants of the Great Patriotic War

Martsynkevich I.A.

Educational establishment “Vitebsk State Order of Peoples’ Friendship
Medical University”, Vitebsk

The increase of research interest in social history determines the relevance of the analysis of everyday life of the disabled and participants of the Great Patriotic War in the early postwar years. The aim of the study is to show the main problems of everyday life of the disabled and participants of the Great Patriotic War of the BSSR.

Material and methods. The study was carried out on the basis of information and reports of documentation of committees, local party organs, as well as the Ministry of state control of BSSR, which is contained in the National Archives of the Republic of Belarus.

Findings and their discussion. The analysis of archival sources indicates that the inspections conducted by the Ministry of state control of the BSSR pointed out significant deficiencies in the pension payment of and cash benefits, resettlement and training of disabled persons and participants of the Great Patriotic War, medical care and domestic services, the organization of nursing homes for persons with disabilities. The most frequent violations which the demobilized faced appeared to be incorrect distribution of cash payments and other benefits; acute and controversial issue was the resettlement of disabled persons and participants of the Great Patriotic War.

Conclusion. Post-war daily life of the disabled and participants of the Great Patriotic War was controversial and ambiguous. Measures taken by the authorities to improve living conditions of soldiers brought some results. However, the process of implementation of decisions remained imperfect. At the local level the attitude to disabled war veterans was also ambiguous. This problem was particularly acute regarding employment security.

Key words: post-war life, restoration, the disabled of the Great Patriotic War, demobilized, social security, nursing homes for disabled, employment.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 73–81)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: janka.m@mail.ru – І.А. Марцынкевіч

Найбольш складанай катэгорыяй грамадзян з пункту гледжання абароны іх інтарэсаў застаюцца інваліды. Вывучэнне і асэнсаванне пасляваеннай штодзённасці інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны дае магчымасць выявіць памылкі і дасягненні ў справе сацыяльнага забеспячэння, што мае вялікае тэарэтычнае і практычнае значэнне. Не ўлічваючы гэты вопыт у сённяшніх умовах – значыць ігнараваць той назапашаны патэнцыял, які быў распрацаваны і правяраны на практыцы.

Мэта артыкула – паказаць асноўныя праблемы паўсядзённасці інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны БССР у першыя пасляваенныя гады.

Матэрыял і метады. Даследаванне ажыццяўлялася на аснове інфармацыйнай і справаздачнай дакументацыі камітэтаў, мясцовых партыйных органаў, а таксама Міністэрства дзяржаўнага кантролю БССР, якія знаходзяцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь.

Метадалагічнай базай даследавання з’яўляюцца асноватворныя прынцыпы гістарычнай навукі – гістарызм, аб’ектыўнасць, навуковасць. Акрамя агульных метадалагічных прынцыпаў пры правядзенні даследавання выкарыстаны спецыяльна-гістарычныя метады. З дапамогай гісторыка-генетычнага метаду аналізавалі сацыяльныя адносіны з інвалідамі і ўдзельнікамі Вялікай Айчыннай вайны і ўнутраныя працэсы, абумоўленыя гэтымі ўзаемаадносінамі, разглядаліся ў развіцці. Гісторыка-генетычны метада дазваляў вылучыць фактары, пад уплывам якіх змяняліся адносіны да таго ці іншага напрамку сацыяльнага забеспячэння дэмабілізаваных у БССР і як гэта ўплывала на змены ў жыцці саміх былых абаронцаў Радзімы ў дадзены перыяд. Гісторыка-параўнальны метада дазваляў суаднесці падыходы да інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны ў розныя перыяды даследуемага часу. Гісторыка-сістэмны метада даў магчымасць комплексна разгледзець пытанні пасляваеннай штодзённасці інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны на фоне сацыяльных і палітычных працэсаў, якія мелі месца ў вывучаемы перыяд.

Вынікі і іх абмеркаванне. Пасляваеннае савецкае грамадства ўяўляла сабой складаны сацыяльна-псіхалагічны феномен. Вайна змяніла яго склад і дэмаграфічны баланс, унесла карэктывы ў нормы жыцця і каштоўнасці людзей. Праблема пераходу ад

вайны да міру стаяла перад усім пасляваенным грамадствам. Аднак у найбольшай ступені яна закранула франтавікоў, якія на працягу вайны былі “адарваны” ад мірных абставін. Перажытыя падчас вайны страты, а потым матэрыяльна-бытавая незабяспечанасць, з якой прыйшлося сутыкнуцца асабліва ў першыя пасляваенныя гады многім інвалідам і ўдзельнікам Вялікай Айчыннай вайны, паглыбляліся дадатковымі цяжкасцямі псіхалагічнага характару, звязанымі з пераключэннем на новыя задачы мірнага ўладкавання [1]. Асаблівую разгубленасць перад дэмабілізацыяй адчувалі маладыя ўдзельнікі і інваліды вайны 1923–1927 гг. на радзэння, тыя, хто пайшоў на фронт адразу пасля школы, не атрымаўшы пэўнай прафесійнай адукацыі, і быў, такім чынам, не прыстасаваны да мірнага жыцця [2, с. 28–29].

Пасляваеннае жыццё ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны было цяжкім. Праверкі, якія праводзіліся Міністэрствам дзяржаўнага кантролю БССР, паказвалі істотныя хібы ў выплаце пенсій і матэрыяльных дапамог, працаўладкаванні і навучанні дэмабілізаваных, іх медыцынска-бытавым абслугоўванні, арганізацыі працы дамоў інвалідаў. Толькі за чацвёрты квартал 1945 г. і першы квартал 1946 г. было праведзена 2953 праверак, звязаных з выкананнем законаў, якія абаранялі правы інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны. Іх вынікі паказвалі, што ў паўсядзённым жыцці былыя абаронцы Радзімы сутыкаліся з тыповымі праблемамі, якія былі абумоўлены як недасканаласцю самой сістэмы сацыяльнага забеспячэння, так і чалавечым фактарам на месцах [3, арк. 126].

Найбольш частым парушэннем, з якім мелі справу інваліды і ўдзельнікі вайны ў адносінах да сябе, з’яўлялася няправільнае размеркаванне грашовых выплат і іншых дапамог. Так, у канцы 1945 – пачатку 1946 г. пракуратурай Краснапольскага раёна Магілёўскай вобласці было выяўлена, што для дэмабілізаваных у раённы спажывецкі саюз паступілі прамысловыя і харчовыя тавары, але па прызначэнні яны так і не былі рэалізаваны, а былі раскрадзены [3, арк. 126].

Падчас праверкі высветлілася, што загадчык базы райспажыўсаюза Тураўскага раёна Палескай вобласці Тарасюк сумесна з загадчыкам магазіна № 1 гарадскога пасёлка Тураў В. Лазута прысвоілі 32 кг цукру, 40 кг цукерак, 9 кг пячэння, якія былі прызначаны для дзяцей, дэмабілізаваных з Чырвонай Арміі.

Пры складанні спісаў на выдачу харчовых прадуктаў дэмабілізаваным у іх уносіліся розныя асобы, якія не мелі ніякага дачынення да дэмабілізаваных [3, арк. 126].

У Мазырскім гарсабесе Палескай вобласці загадчык аддзела Раманоўскі пры размеркаванні святочных падарункаў, прызначаных для інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, уключыў у спісы сваю жонку Бандарэнка, якой было выдадзена 4 пайкі. Акрамя таго, разам з галоўным бухгалтарам Сіўчанка і інструктарам Сазыкінай, Раманоўскі пры складанні на атрыманне інвалідамі вайны пайкоў уключыў у спіс тых, хто выбыў з горада, і такім чынам прысвоіў пэўную колькасць пайкоў.

Пры праверцы Талачынскага аддзела сацыяльнага забеспячэння было выяўлена, што з прынятых на ўлік 1010 інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны 460 атрымлівалі пенсіі без адпаведных дакументаў аб яе прызначэнні. У Смалевічах інваліды вайны не забяспечваліся прадуктамі харчавання. Па гэтай прычыне на працягу 3 месяцаў яны не атрымлівалі належнай нормы тлушчоў [3, арк. 126].

Абьякавыя адносіны да патрэб дэмабілізаваных і інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны з боку органаў сацыяльнага забеспячэння прыводзілі да абуральных выпадкаў. Да прыкладу, рашэннем Старабінскага райвыканкама Бабруйскай вобласці была прынята пастанова аб выдачы каровы пацярпеламу ў перыяд акупацыі інваліду Вялікай Айчыннай вайны Яновічу. Аднак пасля праведзенай праверкі высветлілася, што ён не толькі не з'яўляўся інвалідам вайны, а быў падчас акупацыі старастам на службе ў немцаў.

Прадстаўнікі ўлады на месцах не заўсёды належна сачылі за надзённымі патрэбамі былых абаронцаў Радзімы. Злоўжыванне ўладай і імкненне да ўласнага ўзбагачэння за кошт дэмабілізаваных стала адной з негатыўных праяў пасляваеннай штодзённасці. У калгасе імя Кірава Рудакоўскага сельскага савета Віцебскай вобласці замест аказання дапамогі па будаўніцтве жылля дэмабілізаваным створаны для гэтага брыгады працавалі там, дзе калгаснікі маглі заплаціць рабочым большую суму грошай. Старшыня калгаса Царкоўскі ведаў пра гэта, але ніякіх мер не прымаў. У калгасе Чапаева Віцебскай вобласці старшыня калгаса на працягу года не пабудоваў ніводнага дома для дэмабілізаваных і ваеннаслужачых, хоць некаторыя з іх пражывалі ў зямлянках. Арганізаваныя брыгады не

працавалі на працягу года, акрамя таго, што адбудаваў некалькі гаспадарчых пабудоў асабіста старшыні калгаса Жураву [3, арк. 138].

Праверкай у аддзеле дзяржазбеспячэння Тураўскага раёна Палескай вобласці было ўстаноўлена, што пры складанні спісаў на выдачу харчовых прадуктаў дэмабілізаваным у яго ўносіліся розныя асобы, якія не мелі ніякага дачынення да дэмабілізаваных. Пракурорам Тураўскага раёна было ўстаноўлена, што старшыня Беляцкага сельсавета Барысаўскага раёна Мінскай вобласці Грук не аказаў дапамогі дэмабілізаваным пры пабудове жылля, у набыцці паліва, прадуктаў харчавання і гаспадарчага інвентару.

Пасляваенная рэчаіснасць найбольш складана ўспрымалася тымі, хто страціў здароўе на фронце і застаўся без сям'і. Для інвалідаў вайны, што былі вымушаны жыць у інтэрнатах, мірнае жыццё стала сапраўдным выпрабаваннем. Яшчэ больш ускладняла сітуацыю тое, што ў працоўных інтэрнатах інваліды фактычна былі прадстаўлены самі сабе, цэлымі днямі туляліся па тэрыторыі без усялякіх заняткаў ці працы. Гэта згубна адбівалася на іх псіхалагічным і маральным стане. П'янства, бойкі, самавольныя сыходы з тэрыторыі інтэрната, выпадкі крадзяжу былі звычайнай з'явай для жыхароў інтэрната. Ацяжараны сваім становішчам, яны знаходзіліся ў падаўленым стане і выказвалі “нездаровыя думкі” пра самагубства, скардзіліся на жыццё і ўмовы, у якіх вымушаны былі жыць. Складанасць сітуацыі заключалася ў тым, што большасць з іх не мела родных і блізкіх, што фактычна пазбаўляла магчымасці змяніць месца пражывання.

Мэтай адной з прававерак, арганізаванай Міністэрствам дзяржаўнага кантролю, стала абследаванне стану Хойніцкага працоўнага інтэрната інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, які быў арганізаваны па рашэнні СНК БССР у 1944 годзе на базе былога лесапільнага завода на станцыі Аўрамаўская Палескай вобласці. Будынак знаходзіўся ў 18 км ад раённага цэнтру Хойнікі, да абласнога цэнтру было 90 км. Працоўны інтэрнат меў 5 памяшканняў, 2 з якіх былі прызначаны для размяшчэння інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, якія прыбывалі туды па накіраванні Міністэрства сацыяльнага забеспячэння БССР. Для прыёму інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны было падрыхтавана толькі адно памяшканне барачнага тыпу. Другое патрабавала капітальнага рамонту і не выкарыстоўвалася. Жылы дом

інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны быў не пабелены, з пацямнелымі ад часу сценамі і незашклёнымі вокнамі. Падлога знаходзілася ў брудным стане. У палатах не выконваліся самыя элементарныя правілы санітарыі і гігіены: падлога мылася вельмі рэдка, сцены, столь і вокны не праціраліся, адсутнічалі сметніцы. Гарчай вады не было. Інваліды, у сваёй большасці, хадзілі ў бруднай і абарванай вопратцы, без асаблівага дагляду персоналу. З-за антысанітарных умоў развівалася многа мух, а размяшчэнне інтэрната ў лясной мясцовасці паміж балотамі абумовіла з'яўленне вялікай колькасці камароў, якія моцна заядалі жыхароў.

Нярэдкімі з'яўляліся выпадкі, калі з багны ў памяшканне запаўзалі змеі. Побач з інтэрнатам не было ніякай ракі ці іншага маляўнічага месца, дзе можна было б адпачыць і не думаць пра свой горкі лёс. Тое, што ўстанова размяшчалася далёка ад горада, а ў распараджэнні была толькі адна машына, часта з'яўлялася прычынай несвоечасовага забеспячэння інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны прадуктамі харчавання. Гэта прыводзіла да росту незадаволенасці сярод іх. За час існавання інтэрната з яго збегла 25 інвалідаў, а колькасць склад інтэрната ніколі не перавышаў 60 чалавек, хаця быў разлічаны ўтрымліваць да 200 інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны [4, арк. 89].

Пасля арганізацыі інтэрната ў 1944 годзе Наркамсабес накіраваў туды 63 інвалідаў I і II групы, з якіх на працягу года 9 выбыла самавольна, 5 – на працаўладкаванне і 2 – на радзіму. Такім чынам, да канца 1944 г. у інтэрнаце знаходзілася толькі 47 чалавек. У 1945 г. на пражыванне было накіравана 19 чалавек, а да канца 1945 года іх было ўжо 52. Прычым самавольна выбыла 7 чалавек, на працаўладкаванне накіравана 4, а на радзіму, па месцы ранейшага жыхарства, выехалі 3 чалавекі [4, арк. 91].

Інваліды Вялікай Айчыннай вайны больш чым іншыя былыя франтавікі мелі патрэбу не толькі ў хірургічным і тэрапеўтычным лячэнні, але і ў псіхалагічнай падтрымцы. У Хойніцкім інтэрнаце знаходзіліся толькі медсястра і адзін урач, які працаваў па сумяшчальніцтве. У выніку медагляд быў наладжаны нерэгулярна, медыцынскія кансультацыі не праводзіліся, а хуткая дапамога аказвалася несвоечасова. Так, інвалід Вялікай Айчыннай вайны Н.С. Барадзін, які захварэў малярыйяй, на працягу 4 дзён не мог атрымаць ніякай медыцынскай дапамогі,

паколькі адсутнічалі элементарныя медыкаменты для лячэння. Да канца вайны толькі трэцяя частка інтэрнатаў мела ўрача, не кажучы пра якаснае медыцынскае абслугоўванне [2, с. 29].

Хойніцкі інтэрнат лічыўся працоўным інтэрнатам, аднак за час яго існавання ніводным з пражываючых у ім інвалідам не было набыта ніякай спецыяльнасці. Нягледзячы на наяўнасць абсталявання па вытворчасці абутку і шыцця, курсы па атрыманні прафесіі так і не былі наладжаны, паколькі адсутнічалі як спецыялісты па навучанні, так і неабходная сыравінная база [4, арк. 91].

Харчаванне ў інтэрнаце таксама забяспечвалася дрэнна. Кваліфікаваны повар адсутнічаў, меню было бедным. Сутачны рацыён інвалідаў складаў 500 г хлеба, 20 г тлушчоў, 70 г мяса, 20 г цукру, 60 г крупы. Велімі часта выкарыстоўваліся замяняльнікі (кансервы, сушаная бульба, лярд), што значна паніжала каларыйнасць харчавання. Прадукты выдаваліся несвоечасова.

Апісанае вышэй становішча неадпаведнага ўтрымання інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны мела пад сабой цэлы шэраг падстаў. Паколькі інтэрнат з'яўляўся рэспубліканскім, то Хойніцкая раённая партыйная арганізацыя надавала вельмі мала ўвагі яго забеспячэнню. У выніку ў адміністрацыі інтэрната заўсёды ўзнікала цяжкасць з атрыманнем у райспажыўсаюзе прадуктаў харчавання. Міністэрства сацыяльнага забеспячэння таксама слаба цікавілася ўстановай, якая знаходзілася ў яго падведанстве. За ўвесь 1946 год інтэрнат для інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны не наведаў ніводны прадстаўнік з міністэрства. Словам, аб сапраўдным становішчы, у якім знаходзіўся інтэрнат і пражываючыя ў ім былыя франтавікі, проста ніхто не ведаў [4, арк. 91].

Падобная сітуацыя была хоць і не характэрнай для ўсіх інтэрнатаў, але дастаткова распаўсюджанай па рэспубліцы. Так, вынікі праверкі забеспячэння Слуцкага дому інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, якая была праведзена 9 лютага 1950 г., паказалі, што будынак, дзе жылі інваліды, знаходзіўся ў закінутым стане. У палатах было брудна і холадна. Палівам інтэрнат не забяспечваўся, з-за чаго інваліды вымушаны былі спаць у верхняй вопратцы. Некаторыя жыхары хварэлі на педыкулёз. Прадукты харчавання, якія прызначаліся для інвалідаў, расходваліся не па прызначэнні. Напрыклад, дырэктар дома А.Я. Белаконеў, выкарыстоўваючы сваё

службовае становішча, прадаў кабана па заніжаным кошце, яшчэ аднаго па такім жа нізкім кошце забраў сабе [5, арк. 41].

Калі для дэмабілізаваных франтавікоў пераход да мірнага жыцця мог выклікаць складанасці толькі пры пошуку працы, то для інвалідаў вайны сітуацыя ўскладнялася цэлым шэрагам фактараў фізічнага і псіхалагічнага характару. Вострым і неадназначным пытаннем з’яўлялася працаўладкаванне інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны. Першыя пасляваенныя гады былі часам станаўлення і фарміравання сістэмы сацыяльнага забеспячэння ў краіне. Зразумела, што ў гэты перыяд аказаць паўнацэнную дапамогу ўсім інвалідам было немагчыма па прычыне недахопу матэрыяльных сродкаў і недасканаласці самой сістэмы сацыяльнага забеспячэння. Нярэдка прычынай маруднага вырашэння праблем дэмабілізаваных па стане здароўя франтавікоў з’яўляліся чалавечая абывакавасць і неахайныя адносіны да сваіх абавязкаў на месцах. Усё гэта ў сукупнасці ўскладняла штодзённае жыццё інвалідаў вайны. Нягледзячы на захад з боку Урада па навучанні і перанавучанні іх новым прафесіям і спецыяльнасцям, а таксама шэраг загадаў і пастановаў аб прадастаўленні працоўных месц у першую чаргу інвалідам Вялікай Айчыннай вайны, на справе ўсё было інакш. Часта інваліды, якія вярнуліся на вытворчасць, былі прадастаўлены самі сабе. Нярэдка інваліды былі вымушаны згаджацца на любую прапанаваную ім працу. Ні шматлікія дрэнна абсталяваныя (ва ўмовах пасляваеннага часу) навучальныя ўстановы сабесаў, ні прадпрыемствы, якія знаходзіліся пад прэсам выканання плану, не былі ў стане ці ўвогуле не імкнуліся забяспечыць перакваліфікацыю інвалідаў у поўнай меры. У выніку значная іх колькасць вымушана была задаволіцца некваліфікаванай працай, аплата за якую нярэдка складала ўсяго трэцюю частку ад звычайнага заробку. Акрамя таго, праца вяртаўніка ці вахцёра не прадугледжвала ніякіх даплат. Сітуацыя пагаршалася слабай арганізацыяй працы не толькі на месцах, але нават у Міністэрстве сацыяльнага забеспячэння. Найбольш востра гэта праявілася ў першыя гады пасля вайны, калі пры выкананнях, і нават у міністэрстве, адсутнічалі звесткі пра месцазнаходжанне створаных камісій па прадастаўленні рабочых месц інвалідам Вялікай Айчыннай вайны [4, арк. 2].

У многіх сабесах не прымалася элементарных мер па арганізацыі ўліку з наступным працаўладкаваннем франтавікоў-інвалідаў. Так,

па Мінскай вобласці аблвыканкам не праводзіў ніякага ўліку дэмабілізаваных з Чырвонай Арміі. Па горадзе Барысаве і Барысаўскім раёне, а таксама па Сталінскім раёне горада Мінска не вёўся ўлік спецыяльнасцей дэмабілізаваных франтавікоў. Па Кагановічскім раёне ўвогуле не праводзіўся ніякі ўлік. Па Гомельскай вобласці на 20 верасня 1945 года так і не мелася звестак аб колькасці прынятых на працу дэмабілізаваных і аб памерах прадастаўленай ім дапамогі [6, арк. 25]. Планы працаўладкавання інвалідаў на 1946 год таксама не былі складзены як у міністэрстве, так і ў арганізацыях сацыяльнага забеспячэння на месцах. Як вынік – за 1946 год з агульнай колькасці дэмабілізаваных па стане здароўя франтавікоў не было працаўладкавана 15814 чалавек з 38851, што складала 39%. На працягу 9 месяцаў 1946 года па пытанні працаўладкавання інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны Міністэрствам сацыяльнага забеспячэння былі правераны толькі 2 аблсабесы: Мінскі і Бабруйскі [7, арк. 2].

Пасля заканчэння вайны мільёны дэмабілізаваных былі заняты пошукамі працы. Гэта істотна паўплывала на павелічэнне выпадкаў звальнення інвалідаў, прымусова прынятых на працу падчас вайны. Нават у кааператывах была занята практычна такая ж колькасць інвалідаў, як і ў сярэднім на іншых савецкіх прадпрыемствах. Напрыклад, у арцелях Белкаапсавета з 6176 чалавек, якія працавалі, інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны налічвалася толькі 959 чалавек, ці 15,5%, а здаровых працоўных 2384, ці 37,6%. У Баранавіцкай, Брэсцкай, Бабруйскай і Маладзечанскай абласцях працэнт здаровых працоўных перавышаў 60% [7, арк. 3].

Некаторыя старшыні калгасаў, спрабуючы пазбавіцца ад малапрадуктыўных інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, даносілі на іх, як на “туняядцаў”, у кантралюючыя органы. Нават генеральны пракурор СССР у сваім дакладзе Вярхоўнаму Савету адзначаў рост у канцы 1940-х гадоў дыскрымінацыі інвалідаў вайны. Аднак ніякіх станоўчых зрухаў пасля выступлення па гэтай праблеме не было [8, с. 295–296].

Надзвычай актуальным было і жыллёвае пытанне. Частка дэмабілізаваных і інвалідаў па-ранейшаму жыла ў зямлянках. Асабліва цяжка было забяспечыць жыллём дэмабілізаваных у г. Мінску. Раённымі гарадскімі камісіямі выканкамаў прымаліся меры па задавальненні іх жыллём, аднак пытанне доўгі час не страчвала сваёй актуальнасці [6, арк. 17–19].

Нізкае становішча інвалідаў вайны ў працоўнай іерархіі азначала абмежаваны доступ да рэсурсаў сацыяльнага забеспячэння на прадпрыемствах. Асабліва выразна гэта назіралася пры размеркаванні жылплошчы, якая ў гады вайны набыла асаблівую каштоўнасць. Згодна з пастановамі ўрада інваліды Вялікай Айчыннай вайны павінны былі забяспечвацца жыллём у першую чаргу. Аднак нярэдка прадпрыемствы клапаціліся перш за ўсё аб здаровых кваліфікаваных працоўных кадрах, у якіх мелі вострую патрэбу. Для інвалідаў вайны заставаліся баракі без вады, электрычнасці і ацяплення. Звольненыя ў запас абаронцы Радзімы, якія не мелі сваёй жылплошчы, былі вымушаны жыць на падсяленні ў чужых кватэрах або разам з сем'ямі родных ці сваякоў [6, с. 295].

Аднак не ўсе былія франтавікі маглі разлічваць на дапамогу родных: у некаторых пасля вайны нікога не засталася, другія дэбрахвотна адмаўляліся ад дапамогі сваякоў, бо не хацелі іх турбаваць. Значнай колькасці дэмабілізаваных франтавікоў-інвалідаў прыйшлося самастойна вырашаць свае праблемы. Па гэтай прычыне многія з іх аказваліся ў вельмі складаных матэрыяльных і псіхалагічных умовах.

У шэрагу гарадоў, каб нейкім чынам зменшыць патрэбу ў прадуктах першай неабходнасці, інвалідам Вялікай Айчыннай вайны выдаваліся аднаразовыя грашовыя і матэрыяльныя дапамогі. Аднак вёска, у якой пражывала больш за палову ўсіх дэмабілізаваных інвалідаў, заставалася практычна ні з чым. Для забеспячэння патрэб вясцоўцаў існавалі толькі калгасныя касы ўзаемадапамогі. Але іх арганізацыя ішла маруднымі тэмпамі, а там, дзе касы былі створаны, іх дзейнасць была малаэфектыўнай, бо залежала ад работы саміх калгасаў [9, с. 295]. Частымі былі выпадкі, калі касы існавалі толькі на паперы і не аказвалі ніякай дзейснай дапамогі франтавікам-інвалідам, якія пражывалі ў вёсцы [9, арк. 8–11].

Адной з самых істотных форм забеспячэння інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны з'яўлялася выплата пенсій. З боку ўрада быў наладжаны пільны кантроль за выплатамі, доказам чаго стала асабістая адказнасць, ускладзеная на загадчыкаў аблсабесамі за арганізацыю і правядзенне своєчасовага кантролю за ўсімі зноў прызначанымі райгарсабесамі пенсійнымі справамі і пераразлікамі. Для эфектыўнасці і мэтаваасці

выплат пенсій прадпісвалася праводзіць дакладны ўлік правяраемых пенсійных спраў і штоквартальна паведамляць у міністэрства аб іх колькасці, а ўсе сумы пераплач спяганяць з вінаватых [10, арк. 8].

Нягледзячы на сур'ёзнасць прыведзеных вышэй мер, поўнасцю пазбавіць пенсійную сістэму істотных хібаў не атрымлівалася. Вялікая колькасць спрэчных пытанняў узнікала ў першыя гады пасля вайны, калі з-за недахопу кадраў і арганізацыйных праблем налічэнне і падлік пенсій былі недакладнымі, а іх выдача – нерэгулярнай. Скаргі і заявы, якія ў першы раз паступалі ў аддзел прызначэння пенсій, часцей за ўсё перасылаліся на разгляд у ніжэйшыя органы ўлады – аблсабесы і райсабесы. У выніку міністэрства з'яўлялася як бы перасыльным пунктам першасных скарг і заяў інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны. Па гэтай прычыне часта паступалі паўторныя скаргі, якія разглядаліся фармальна, няўважліва, потым пачыналася бясконцая перапіска. Арганізацыйныя праблемы былі актуальнымі і праз дзесяць год пасля вайны [10, арк. 8].

Да прыкладу, І.А. Апанасевічу, які страціў на вайне руку і ў 1945 годзе дэмабілізаваўся, Крычаўскім райсабесам як інваліду вайны II групы была прызначана пенсія ў памеры 96 рублёў, якая выплочвалася з 1945 па 1948 год. У 1948 годзе райсабес папрасіў прадаставіць інваліда вайны арыгінал пасведчання аб хваробе, які быў згублены. Пасля чаго райсабес запатрабаваў архіўныя звесткі аб раненні і спыніў выплату пенсіі. І.А. Апанасевіч пісаў: “Я паўсюль, дзе было толькі можна, скардзіўся і нідзе канцоў не дабіваўся”. Ён звяртаўся ў райсабес у 1948, 1953, 1954 гадах, пісаў Варашылаву, Молатаву, Булганіну, – усе заявы накіроўваліся і разглядаліся Міністэрствам сацыяльнага забеспячэння БССР. Крычаўскім райсабесам была запатрабавана даведка аб раненні І.А. Апанасевіча з ваенна-медыцынскага музея. Па ўстанаўленні УПЭК група інваліднасці яму была прызначана толькі з 15 верасня 1954 года, а не з дня яе прыпынення, у сувязі з чым ён напісаў яшчэ 4 скаргі аб выплаце яму пенсій за мінулы час [10, арк. 16].

Толькі пасля трэцяй скаргі, якая была надрукавана ў газеце “Праўда”, Міністэрства сацыяльнага забеспячэння зрабіла запыт з Крычаўскага райсабеса аб пенсійнай справе Апанасевіча. Высветлілася, што былая перапіска з Маладзечанскім аблсабесам прывяла да блытаніны, паколькі паведамляліся недак-

ладныя дадзеныя. Напрыклад, у адказ на адну са скаргаў, у лютым 1955 года загадчык Маладзечанскім аблсабесам пісаў, што Апанасевічу Крычаўскім раённым аддзелам сацыяльнага забеспячэння выплочвалася пенсія і пры адсутнасці дакументаў. 12 мая 1955 года супрацоўнікамі Крычаўскага райсабесу паведамлялася, што ў 1948 годзе Апанасевіч звяртаўся за пенсіяй, але яна не была яму прызначана па прычыне таго, што інвалідам вайны не было прадастаўлена пасведчанне аб хваробе, якое ён катэгарычна адмовіўся прадаставіць, матывуючы гэта тым, што дастаткова і копіі, зацверджанай натарыусам.

26 мая 1955 года выконваючы абавязкі загадчыка Маладзечанскім аблсабесам Ю. Яблакава паведамляла, што пенсія І.А. Апанасевічу была прызначана Крычаўскім райсабесам 9 лютага 1948 года па копіі пасведчання аб хваробе, зацверджанай райвыканкамам, у адсутнасці заключэння ваенна-ўрачэбнай камісіі, у гэтым жа годзе выплата Апанасевічу была спынена.

Толькі 13 ліпеня 1955 года з Маладзечанскага аблсабеса і Крывіцкага райсабеса быў атрыманы адказ, што пенсія Апанасевічу з 15 верасня 1954 года была ўстаноўлена правільна. Такая блытаніна і недакладнасці прыводзілі да валакіты ў разглядзе скарг і заяў, значна ўскладнялі і без таго цяжкае паўсядзённае жыццё інвалідаў.

Прыведзены вышэй прыклад няўважлівых адносін улады да праблем інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны быў не адзінакавы. Так, 16 сакавіка 1955 года ў прыёмную Міністра абароны СССР паступіла пісьмо ад інваліда Вялікай Айчыннай вайны І.А. Кухарчука, які пражываў у Жабінкаўскім раёне Брэсцкай вобласці. Пенсіянер цікавіўся, чаму яму спынілі выдачу пенсіі як інваліду III групы. Гэта заява была не зарэгістравана і разгледжана, а проста падшыта разам з перапіскай інваліда Вялікай Айчыннай вайны Апанасевіча з Магілёўскай вобласці. У выніку Кухарчук другі раз 2 ліпеня 1955 года звярнуўся са скаргай у прыёмную Міністра абароны СССР, дзе прасіў даць адказ на яго папярэднюю скаргу аб нявыплаце пенсіі [11, арк. 17].

Памер пенсій залежаў ад воінскага звання і ад групы інваліднасці, а тым, хто быў прызваны на ваенную службу адразу пасля школы і не мог прадаставіць даведкаў аб сваіх даходах да мабілізацыі, выплочвалася аднолькавая, невялікая па памеры грашовая дапамога. Нягледзячы на ўсе хібы ў арганізацыі, выплата пенсій была адзінай дзейснай мерай у арсенале

дзяржаўнай палітыкі сацыяльнага забеспячэння інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны. Аднак у адрозненні ад іншых аспектаў гэтай палітыкі, пенсіі практычна ніяк не выкарыстоўваліся дзяржавай у прапагандысцкіх мэтах. Лічылася, што празмернае завастрэнне ўвагі да дзяржаўнага пенсійнага забеспячэння будзе садзейнічаць распаўсюджванню “спажывецкай свядомасці” [8, с. 291–292].

Неад’емнай часткай пасляваеннай штодзённасці інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны з’яўлялася медыцынская дапамога. Стомленасць і псіхалагічная напружанасць, што накапіліся за час знаходжання на фронце, нагадвалі пра сябе і пасля дэмабілізацыі. Многія франтавікі са здзіўленнем адзначалі, што на вайне, пастаянна знаходзячыся паміж жыццём і смерцю, людзі амаль не хварэлі “мірнымі” хваробамі. Але пасля заканчэння вайны хваробы адразу нагадалі пра сябе. Узнікла патрэба ў лячэнні не толькі франтавых раненняў, але і іншых захворванняў. Разам з тым існуючая сістэма медыцынскага забеспячэння была далёкай ад ідэалу і не магла задавальняць патрэбы дэмабілізаваных і інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны. Інваліды, якія былі выпісаны са шпітала, часта траплялі ў значна горшыя ўмовы. Яны былі вымушаны сядзець у чэргах, каб атрымаць рэнтгенаўскую ці тэрапеўтычную дапамогу.

У адпаведнасці з прынятымі правіламі, інваліды Вялікай Айчыннай вайны раз у год павінны былі для пацвярджэння інваліднасці праходзіць медыцынскае перасведчанне. Гэтай працэдуры падлягалі нават тыя, хто страціў на фронце руку ці нагу. У асноўным гэта была моладзь. Усведамленне сваёй непатрэбнасці ў пасляваенным грамадстве, дзеля якога яны ахвяравалі сабой, было надта балючым. Перажытая імі душэўная траўма часта мела нават больш глыбокія наступствы, чым фізічная знявечанасць. Але атрымаць якасную псіхалагічную дапамогу ў інвалідаў не было магчымасці па прычыне адсутнасці спецыялістаў [2, с. 30].

Ва ўмовах пасляваеннай разрухі лякарні і паліклінікі працавалі з вялікай напружанасцю, паколькі большасць з неабходных медыцынскіх кадраў (хірургі, артапеды) былі задзейнічаны на фронце, а пасля заканчэння вайны – у шпітальнай сетцы. Умовы лячэння і праходжання медыцынскага агляду таксама не заўсёды адпавядалі нават мінімальным санітарным нормам.

Так, 25 сакавіка 1947 г. у Маладзечанскім райсабесе павінны былі прайсці пераасведчанне 46 з 201 інваліда Вялікай Айчыннай вайны. Парушаючы ўсе санітарна-гігіенічныя нормы і “Палажэнне Аб УПЭК” ад 5 снежня 1942 г., пераасведчанне праводзілі не амбулаторна ў паліклініках, а ў памяшканні Вялікасельскага сельскага савета. Спецыяльнага памяшкання не было адведзена, і агляд праводзіўся ў канцылярыі. У такіх антысанітарных умовах інваліды з адкрытымі ранами маглі лёгка захварэць [10, арк. 8].

Надзённым заставалася пытанне забяспечанасці пратэзамі. З-за недастатковага кантролю за вытворчым працэсам і неахайнага выканання заказаў, якасць пратэзаў доўгі час заставалася нізкай. Пратэзныя прадпрыемствы гатовыя вырабы не сартавалі і не маркіравалі. Брак і сапсаваныя матэрыялы не ўлічваліся і не адлюстроўваліся ў балансах прадпрыемстваў. Тэрміны вырабу пратэзаў таксама парушаліся. На Мінскім пратэзным заводзе ў 1946 годзе выраб пратэзаў зацягваўся ад 2 да 4 месяцаў. У Гомельскай пратэзнай майстэрні за 11 месяцаў 1946 года з 1347 пратэзаў са спазненнем было выраблена 1009 ці 74,9% [12, арк. 8].

Праблема забеспячэння якаснымі пратэзамі інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны заставалася адной з самых вострых і праз дзесяць год пасля вайны. Між тым для былых франтавікоў, якія фізічна былі абмежаваны ў выбары працы, якасць пратэзаў з’яўлялася жыццёва важным пытаннем. Ад гэтага залежала магчымасць іх працаўладкавання і проста паляпшэнне жыцця. Аднак справа на прадпрыемствах у гэтым кірунку ішла вельмі марудна. Дэфекты ў вытворчасці пратэзных вырабаў не вывучаліся мэтанакіравана, і, адпаведна, ніякіх захадаў па ліквідацыі прычын браку не прымалася. Няякасныя пратэзныя вырабы выпускаліся вельмі часта, што выклікала абурэнне і справядлівыя нараканні сярод франтавікоў, страціўшых здароўе. У прыватнасці, інвалід Вялікай Айчыннай вайны К.А. Тусікаў з Чачэрскага раёна ў сваёй скарзе заяўляў, што абодва пратэзы, вырабленыя для яго ў Гомельскай майстэрні, былі нізкай якасці, бо хутка ламаліся металічныя часткі, сістэматычна зрываліся балты, якія прымацоўвалі сцягно да карсета. У выніку хадзіць у іх было вельмі складана і балюча. Інвалід В.М. Тарасенка заяўляў, што выраблены ў верасні 1955 года пратэз нагі за 11 месяцаў носкі рамантаваўся двойчы. Сам

пратэз быў зроблены дрэнна: няякасныя заклёпкі хутка зношваліся, ламаліся і выпадалі з гнязда. З-за гэтага сядзенне адставала ад шыны, ламалася і замінала хадзьбе, паколькі не трымала нагу.

Інвалід Вялікай Айчыннай вайны Л.І. Драбышэўскі з Чачэрска скардзіўся на тое, што ў атрыманым у лістападзе 1955 года пратэзе нагі хутка лопнуў абадок сядзення, скура на пратэзе была нетрывалая, выкручвалася, пробкі знасіліся, не давалі амартызацыі і пераламаліся, стрыжні лопнулі на выгібах. І.Н. Ганчароў (з таго ж раёна) скардзіўся на тое, што ў пратэзе, які ён атрымаў у кастрычніку 1955 года, расхісталася ступня, не трымалі вінты, хутка вынасілася падложка і голы метал рэзаў цела да ран. Пратэз рамантаваўся ўжо двойчы за год. Аб няякаснасці пратэзных вырабаў Гомельскай майстэрні заяўлялі інваліды Брагінскага раёна Д.Т. Рабчанка, Н.Н. Сыцёнак, А.В. Шкляр, Х.А. Радчанка і іншыя [13, арк. 29–30].

Паколькі сістэма апавяшчэння аб гатоўнасці заказаў таксама працавала дрэнна, некаторыя інваліды вымушаны былі прыязджаць за вырабамі па некалькі разоў. Для таго каб атрымаць гатовы пратэз, А.А. Шарлоўскі з г.п. Беразіно, які знаходзіўся за 45 км ад бліжэйшай чыгуначнай станцыі і 112 км ад Мінска, ездзіў 5 разоў на Мінскі пратэзны завод. Столькі ж разоў ездзіў па пратэзы і інвалід П.Е. Пячута са Стаўбцоў. З 460 заказаў, прынятых у чэрвені–ліпені 1956 года, у 189 выпадках тэрміны на выраб пратэзнага і артапедычнага абутку былі парушаны. Пры тым, што ў 31 выпадку абутак не быў выраблены на працягу 60–95 дзён. За ўзгаданыя два месяцы 1956 г. з 422 заказаў, прынятых на выраб пратэзаў, тэрміны былі парушаны ў 117 выпадках [13, арк. 30].

На прыёмцы заказаў інвалідам ніколі не прызначаліся тэрміны прымеркі і вырабу пратэзаў, а пасля таго як пратэз быў выраблены, інваліды атрымлівалі апавяшчэнне па пошце, што таксама істотна зацягвала працэс. У майстэрні дрэнна быў скаардынаваны выраб адным і тым жа інвалідам пратэзаў ног і пратэзнага абутку. Частымі былі выпадкі, калі пратэзы былі выраблены, а абутак не.

Дрэнная каардынацыя справы прывяла да таго, што на складзе назапашвалася вялікая колькасць вырабленай прадукцыі, прычым складзена яна была навалом і таму дэфармавалася. Яшчэ адной прычынай парушэння тэрмінаў было тое, што ў некаторых майстэр-

нях вырабляўся абутак без адпаведных дакументаў органаў сацыяльнага забеспячэння для сваіх супрацоўнікаў, а таксама асоб, якім можна было вырабіць пратэзы ў іншых майстэрнях. Так, у парушэнне інструкцыі ў 1955 – 1-м квартале 1956 года ў Магілёўскай майстэрні без дазволу органаў сацыяльнага забеспячэння было выраблена 48 пар абутку для сваіх супрацоўнікаў. Пры гэтым некаторым з іх было выраблена па чатыры пары. Здараліся выпадкі, калі асобам, якія не мелі ў сям’і дзяцей, вырабляўся дзіцячы абутак. Нярэдка па дакументах інваліда вырабляўся абутак не інваліду [13, арк. 9–11].

На першы квартал 1956 года ў рэспубліцы 959 інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны карысталіся мотакаляскамі, галоўным чынам маркі СІ-Лі Серпухаўскага мотавелазавода. Але патрэба ў мотакалясках была істотнай. У сувязі з гэтым з 1 верасня 1956 г. Магілёўская пратэзная майстэрня стала іх выпускаць. Аднак і тут не абыйшлося без праблем. Інваліды, якія карысталіся мотакаляскамі, дрэнна забяспечваліся запаснымі часткамі да іх. Арганізаванага рамонт мотакалясак у горадзе Магілёве і вобласці наладжана не было. Велакалясак для інвалідаў не хапала [13, арк. 20]. Якасць калясак таксама заставалася нізкай: інваліды Вялікай Айчыннай вайны І групы М.Г. Мядзведзеў (Полацк), А.І. Мальцаў (Новабеліца), П.Е. Сялюк (Гомель) скардзіліся на нізкія магутнасць матара каляскі і пасадку кузава, нетрываласць задняга маста, малы дыяметр калёс. У выніку ў калясак была нізкая праходнасць, асабліва па пясчаных і заснежаных дарогах. Хутка ламаліся дзверкі, адбывалася самаадвольнае выключэнне хуткасці пры руху. Часта сустракаліся дрэнная зварка швоў кузава, а таксама няспраўнасць заваднага механізма [13, арк. 31].

Заклучэнне. Такім чынам, пасляваенная штодзённасць інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны была супярэчлівай і неадназначнай. Усе захады, якія прымаліся органамі ўлады для паляпшэння матэрыяльна-бытавых умоў франтавікоў, прыносілі пэўныя вынікі. Аднак працэс укаранення ў практыку рашэнняў быў недасканалым. На месцах да інвалідаў вайны было таксама неадназначнае стаўленне. Асабліва востра гэта праблема адчувалася ў плане працоўнага забеспячэння, дзе эканамічныя рэаліі прадпрыемстваў супярэчылі

таму, каб прымаць на працу інвалідаў вайны, паколькі гэта патрабавала стварэння адпаведных для іх умоў і адмоўна ўплывала на вытворчыя паказчыкі прадпрыемства.

Складана вырашалася праблема пратэзавання скалечаных на вайне франтавікоў. Калі пытанне забяспечанасці пратэзамі ў асноўным было вырашана, то якасць пратэзаў заставалася вельмі нізкай і праз дзесяць год пасля вайны. Гэта не толькі выклікала справядлівыя нараканні з боку франтавікоў-інвалідаў, але і адмоўна адбівалася на іх псіхалагічным стане. Так як тагачасная сістэма сацыяльнага забеспячэння не займалася праблемамі псіхалагічнага характару, дэмабілізаваныя абаронцы Радзімы былі вымушаны самастойна прызвычайвацца да новай, пасляваеннай рэчаіснасці. Адаптацыя да мірнага жыцця ў былых франтавікоў праходзіла па-рознаму. Адны з іх імкнуліся па меры сваёй магчымасці пераадолець цяжкасці і вярнуцца да нармальнага жыцця, другім гэта давалася значна цяжэй. На светабачанне інвалідаў вайны ўплывалі не толькі іх асабістыя якасці, але і тыя ўмовы, у якіх апынуліся франтавікі пасля дэмабілізацыі. Вялікую ролю адыгрывала і тое, як пасля вяртання ўспрымала скалечанага вайной чалавека яго сям’я. Таму, хто пасля вайны застаўся адзін, значна цяжэй было ўсведамляць раўнадушша чыноўнікаў на месцах. Нярэдка такія франтавікі не маглі прыстасавацца да абставін і адчувалі сябе значна горш, чым у вайны час.

ЛІТАРАТУРА

1. Ковалева, А.И. Адаптация социальная / А.И. Ковалева // Социологическая энциклопедия: в 2 т. – М., 2003. – Т. 1.
2. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е.Ю. Зубкова – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 229 с.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Фонд 4п. – Воп. 51. – Спр. 10.
4. НАРБ. – Фонд 690. – Воп. 3. – Спр. 308.
5. НАРБ. – Фонд 4п. – Воп. 53. – Спр. 19.
6. НАРБ. – Фонд 690. – Воп. 3. – Спр. 308.
7. НАРБ. – Фонд 690. – Воп. 2. – Спр. 54.
8. НАРБ. – Фонд 690. – Воп. 3. – Спр. 317.
9. НАРБ. – Фонд 690. – Воп. 12. – Спр. 235.
10. НАРБ. – Фонд 690. – Воп. 4. – Спр. 327.
11. НАРБ. – Фонд 690. – Воп. 13. – Спр. 208.
12. НАРБ. – Фонд 690. – Воп. 1. – Спр. 302.
13. НАРБ. – Фонд 690. – Воп. 13. – Спр. 201.

Паступіў у рэдакцыю 11.12.2014 г.

Прыняты ў друк 29.12.2014 г.

УДК 94(477.4)“18”:355.11(470+571)

Репрессивные меры российских органов власти в отношении солдат-дезертиров и населения Правобережной Украины в первой половине XIX ст.

Скрипник А.Ю.

*Учреждение образования «Каменец-Подольский национальный университет
имени Ивана Огиенко», Каменец-Подольский, Украина*

В контексте объективного изучения современными украинскими историками многовекторной политики российского самодержавия на Правобережной Украине в XIX в. одним из актуальных направлений являются исследования социальных взаимоотношений между органами власти на местах, военнослужащими российской армии и гражданским населением.

Цель работы – объективная оценка деятельности губернских полицейских и судебных органов власти на местах в деле обнаружения, ареста и проведения следственных мероприятий в отношении военных дезертиров и их укрывателей.

Материал и методы. *В статье на основании источников из государственных архивов Украины и Российской Федерации изучены и проанализированы причины дезертирства солдат из частей регулярной армии империи. Приводятся научные трактовки и оценки этого явления в трудах историков и юристов второй половины XIX – начала XXI столетия. В хронологическом порядке представлена эволюция законодательной базы, созданная с целью тотального подавления как стремления солдат покинуть военную службу, так и сочувствия местного населения в виде укрывательства и помощи беглецам, возведенным к тому времени государством в статус преступников.*

Результаты и их обсуждение. *Доказан репрессивный характер действий чиновников уездных силовых учреждений, представлены основные стадии проведения следственных мероприятий, как правило, приводящие к жестким приговорам. С помощью архивной и законодательной базы показаны социальные противоречия и конфликты между представителями разных слоев тогдашнего социума на Правобережной Украине, в центре которого оказались беглецы из армии, а именно – мотивации к доносительству, охоте на людей за денежное вознаграждение, сведение счетов сельского начальства с односельчанами.*

Заключение. *Научно аргументировано, что дезертирство было одним из социально-политических изъянов в крепостническом механизме военной машины российского государства. Как следствие, отношение местных органов власти и населения Правобережной Украины к солдатам-беглецам было диаметрально противоположным и часто в таких случаях приводило к конфликтам между их представителями.*

Ключевые слова: *Российская империя, регулярная армия, дезертирство, укрывательство, законодательство, местные органы власти, следствие, население.*

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 82–91)

Repressive Measures of the Russian Authorities Concerning Soldiers Deserters and the Population of the Right-Bank Ukraine in the First Half of the 19th Century

Skrypnyk A.Yu.

*Educational establishment “Kamianets-Podilsky Ivan Ogienko National University”,
Kamianets-Podilsky, Ukraine*

In the context of objective study of multi-vector policy of the Russian autocracy in Right-Bank Ukraine in the 19th century by contemporary Ukrainian historians, one of topical domains includes studies of social relationships between local authorities, soldiers of the Russian army and the civilian population.

The purpose is to present an objective evaluation of the provincial police and judiciary authorities in the detection, arrest and investigation of military deserters and those who covered them up.

Material and methods. *The sources from the state archives of Ukraine and the Russian Federation served the background for the analysis of the reasons for the desertion of soldiers from the regular army of the Empire. Scientific interpretation and evaluation of this phenomenon in the works by historians and lawyers of the late 19th – early 21st centuries are presented.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: skranat@yandex.ru – А.Ю. Скрипник

The paper suggests the chronological order of the legislative basis evolution created to serve the purpose of total suppression of both the soldiers' desire to quit the military service and the sympathy of local population in the form of covering up and assistance to refugees, who were termed criminals by that time.

Findings and their discussion. *Functions of local authorities are proved to be repressive, the main stages of the investigation are indicated as those resulting in strict verdicts. The author reveals social contradictions and conflicts between representatives of different strata of the contemporary society on the Right-Bank Ukraine, centered round the fugitives from the army, namely round motivation to denounce, hunt people for money, revenge of the rural authorities upon the fellow-villagers.*

Conclusion. *There is scientific argumentation that desertion was one of the socio-political flaws in the feudal military mechanism of the Russian state. As a result, the attitude of local authorities and population of Right-Bank Ukraine to the deserters was diametrically opposite and often caused conflicts between their representatives.*

Key words: *Russian Empire, regular army, desertion, covering up, legislation, local authorities, investigation, population.*

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 82–91)

Дезертирство существовало в вооруженных силах разных стран с давних времен, и отношение к таким воинам со стороны власти тоже было всегда достаточно жестким. Древние египтяне беглецам из войска отрезали язык. Греки лишали дезертиров почетных должностей, одевали в позорные одежды, брили им половину головы и в таком виде выставляли в течение трех дней на торговой площади; за беглого спартанца как бесчестного человека не могла выйти замуж ни одна девушка. В Риме за дезертирство полагались конфискация имущества и смертная казнь или продажа в рабство. Древние германцы вешали дезертиров на деревьях как предателей; иногда полководцы ограничивались обрезанием носа, ушей, языка или выкалыванием глаз. Если речь идет о таком явлении в армии Российской империи, то его начало следует искать в московском войске еще при царе Алексее Михайловиче, а среди главных причин его распространения в течение последующих веков оставались тяжелые, порой невыносимые для обычного человека, условия службы [1, с. 50–71].

Сам термин взят из французского языка: *deserter* – беглый или побег, или самовольное без разрешения начальства покидание своего подразделения офицерами и солдатами. Дезертирство, особенно в военное время, считалось тяжким преступлением и каралось весьма сурово [2, с. 8–10].

Цель данной статьи – при помощи доступного архивного массива и объективного анализа его информативного содержания проанализировать сложные, иногда противоречивые аспекты государственной политики Российской империи в отношении лиц, сознательно нарушивших военное законодательство, и дать объективную оценку работе силовых уездных органов власти в плане борьбы с дезертирами.

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе и при помощи храня-

щейся в государственных архивах Украины и Российской Федерации информационной и отчетной документации канцелярии киевского генерал-губернатора, уездных и губернских судов, полицейских учреждений и воинских частей, которая освещает различные аспекты социально-политических взаимоотношений в регионе. В работе использовались историко-описательный, историко-системный, историко-сравнительный и статистический методы, которые позволили достаточно полно представить особенности взаимоотношений между официальными властями и населением края в вопросе военных дезертиров как противозаконного явления в тогдашнем крепостническом государстве.

Результаты и их обсуждение. Наше исследование акцентирует внимание на дезертирстве как явлении, существовавшем на территории Правобережной Украины, где находились российские военные формирования, с одной стороны, и системную работу судебных и исполнительных органов губернской и уездной власти в направлении осуществления следственно-репрессивных мер в отношении солдат-беглецов в рамках законодательной юрисдикции империи – с другой. Иными словами, именно тогда, когда эти беглецы оказывались на их территории и в правовом поле гражданских учреждений. Потому что в случае проведения следствия военными судами при дивизиях и корпусах армии разговор был короткий, а приговоры – довольно жесткими, как то: «бить плетью, вырезать ноздри или сослать пожизненно на галеры» согласно «Уставу полевому сухопутному» и «Полевому уголовному уложению для большой действующей армии 1812 г.».

Историки и юристы конца XIX – первой половины XX в. в своих трудах вполне однозначно определяли причины такого явления, как дезертирство или сознательное бегство из подразделений вооруженных сил империи:

муштра, издевательства офицеров и жестокие наказания за малейшую провинность, плохое питание. Однако они имеют несколько важных особенностей и различий относительно места и региона, откуда бежали солдаты из своих полков, психологические предпосылки и мотивация таких действий.

Известно, что статистика побегов в корпусах и дивизиях, находящихся в западных приграничных губерниях и областях, считалась несколько выше, чем на внутренних территориях. Хотя мотивация была примерно одинакова. Главное отличие состояло в том, что на Кавказе, в Сибири или Оренбургской степи шансов было немного. Не было куда бежать, а в большинстве случаев дезертиров все равно находили и возвращали. Когда же полк находился в нескольких десятках верст от границы, в пограничной губернии, у беглеца подсознательно появлялась надежда на спасение. По мнению тогдашнего военного начальства, именно такие индивиды составляли одну из проблемных категорий солдат, периодически уменьшавших количество личного состава, что негативно сказывалось на дисциплине и боеспособности подразделений [3, с. 65].

Оправдывая состояние дел в армии того времени, ученые и военные периода конца XIX в. отмечали: «Причины побегов из армии таились в низком культурном развитии населения, связанные с особо тяжелыми условиями военной службы и несовершенством закона о комплектовании армии» [4, с. 472–473]. В то же время в российском обществе возобладало сознание того, что главным инструментом борьбы с этим явлением в армии является не жестокость наказаний, а ликвидация причин, порождающих его. Вместе с тем, тогдашние исследователи пытались найти другие мотивы, подталкивающие солдат к побегам. Так, немецкий писатель Эрих Штир в своей работе пришел к выводам, что большинство побегов совершается из местностей, прилегающих к границам государств, с которыми не подписаны конвенции об обмене дезертирами. Он считал, что «наибольшую группу беглецов составляют лица, находящиеся в плену какой-либо страсти или навязчивой идеи. Например, бегство под влиянием полового влечения бывает чаще весной». Распространенными причинами побегов он также считал «...истерию, алкоголизм и общую психическую дегенерацию или эпилепсию» [5, с. 47–49].

На самом деле все было намного прозаичнее. Военный министр М. Барклай де Толли

по результатам инспектирования войск делился в письмах своими впечатлениями и пожеланиями с генералами о необходимости улучшения содержания солдат, о плохом состоянии их здоровья. «По моему мнению, главной причиной увеличения больных и умерших есть жестокость наказаний, истощение в учениях и отсутствие качественной пищи. Из питания, кроме хлеба, солдатам ничего не дают, надеясь на приварок, на их лицах не видно здоровья и живости, а по цвету и похудению к числу больных можно отнести целые роты и батальоны» [6, с. 53–54]. Такие условия службы влияли на поведение солдат, их видение своего места в тогдашнем российском социуме, которое, как правило, было отрицательным и граничило с безысходностью и деградацией личности. Полковник О. Карпов писал в своих воспоминаниях: «Во время квартирования войск в мирное время в России много солдат были пьяницами, ворами, буянами и различными дебоширами, довольно много было и беглецов из полков» [7, с. 222].

Солдаты бежали, спасая свою жизнь и здоровье, подсознательно понимая, что постоянно находятся на грани физического и психологического истощения, приводящего к самоубийству. Единственным выходом они считали побег, если не за границу, то в привычную для себя крестьянскую среду, стремясь спрятаться в ней и дальше жить нормальной, по их пониманию, жизнью. Армия же им не оставляла альтернативы. Тяжелые условия службы, боевые потери в бесконечных войнах приводили к тому, что до 25 лет мало кто дослуживал. В конце первого десятилетия XIX в., согласно статистическим данным, «выслуживших установленный срок нижних чинов» приходилось на дивизию (17–20 тысяч солдат) в среднем всего 200–300 человек. По отчетам Инспекторского департамента Военного министерства, на 1820 год с 826,1 тыс. солдат 25-летний срок выслужили не более чем 3,5 тысячи: в кавалерии это составило 1:380, в пехоте – 1:210, в артиллерии – 1:564 чел [8, с. 8–24]. Причин для побегов было более чем достаточно.

Интересен тот факт, что современные российские историки не хотят или не желают исследовать истинные причины этого явления и давать ему надлежащую объективную оценку, а ограничиваются общими, не слишком научными выводами вроде: «Среди причин дезертирства можно выделить корыстные мотивы:

необустроенность в армии, бесперспективность службы, страх и поиски лучшей жизни, национальные и религиозные мотивы» [9, с. 178–181].

В те времена тяжело было переносить каждый день сурового солдатского быта и еще более тяжело, если он искусственно создавался самими командирами. К сожалению, такая ментальность дошла и до наших дней, когда трудности на военной службе кто-то сначала умышленно создает, а потом солдаты упорно их преодолевают. Так, в июне 1806 года по рапорту М. Кутузова к Александру I, шеф Конно-Татарского полка Улан-Полянский со своими офицерами, разворовывая средства и материальные ценности, довел подчиненных до крайней нищеты и недоедания, что повлекло за собой не только массовый падеж лошадей, но и массовое дезертирство [10, л. 540–542 об.].

Подавляющее большинство офицеров российской армии в первой половине XIX в. вообще не воспринимали солдат как нормальных, самодостаточных людей, видя в них живые бездумные механизмы. Так, на строевом смотре роты проверяющий посоветовал командиру: «Для улучшения стойки и выправки прикажите им сжимать задние щеки на лице». Другая рота ему совсем не понравилась, когда она стояла на месте, он закричал: «Заметно дыхание солдат, видно, что они дышат!». Часами солдатам приходилось носить на себе неудобную униформу образцов XIX века. Мундир плотно стягивал талию и грудь; узкие панталоны прикрывались крагами из твердой как дерево кожи; краги пристегивались к панталонам целым рядом крючков; высокий кивер фиксировался на голове при помощи ремней, затянутых на подбородке. Вся эта амуниция была тяжелая и сковывала движения. Мало того, требовалась идеальная чистота костюма, в некоторых полках панталоны натирали мелом. Туалет солдата требовал много времени и навыков, он должен был представлять собой картинку, абсолютно похожую на своего товарища. Были случаи, когда полковые командиры требовали, чтобы безусые молодые солдаты наклеивали себе усы.

Военные учения и маневры сопровождались нечеловеческими пытками. Один из молодых офицеров вспоминал: «Несложная солдатская наука дорого доставалась бедным солдатам. С началом учений начинались немилосердные порки и зубодробление за любое неверное движение. Били розгами, палками,

шомполами, тесаками. Давали по тысяче и полторы тысячи ударов. Были командиры, которые славились тем, что в их частях из каждого учения выносили по несколько солдат на носилках. Били и гоняли солдат все, начиная с ефрейтора, а в саперных батальонах были солдаты, которые получили по зубам из рук, которые затем держали государственный скипетр (автор имел в виду Николая I. – А.С.). Казалось, что наказания можно облегчить, но нужно учитывать общую дикость мировоззрения и жестокость того времени». По уставам, для офицеров не существовало никаких ограничений при определении меры наказания подчиненных [11, с. 303].

Рекруты и солдаты, которых набирали в левобережных украинских губерниях, зная или подозревая, что их ждет на российской военной службе, убегали из своих полков за границу, преимущественно на территорию Речи Посполитой, где большинство становились простыми крестьянами, записанными в оклад, кто-то вступал в ряды польского войска или «французской службы» на добровольных началах. В 1798 г. Каменец-Подольский военный губернатор в своем рапорте сообщал генерал-инспектору о том, что на границе с Волынской губернией стоит уланский полк австрийских войск, почти полностью укомплектованный из русских дезертиров на добровольных началах.

После полного включения Правобережной Украины в состав Российской империи вопрос дезертиров решался быстро и решительно, в стиле политики императора Павла I. Впервые, по приказу царя в июле 1798 года русское командование запрещало пропускать через границу тех, кто решил вернуться и снова попасть в свои полки с надеждой на прощение. Их считали предателями и шпионами и отправляли в остроги Сибири. Вторых – новые хозяева края обнаружили, что в Киевском, Черкасском, Васильковском и Богуславском уездах на Киевщине в крестьянском статусе больше 10 лет живут «беглые рекруты, солдаты и военные дезертиры». Решили тех, кто сбежал еще до присоединения этих территорий к России, оставить крестьянами, а кто это сделал после аннексии и объявления манифеста – наказать и вернуть в свои полки [12, с. 330, 573].

Немедленно был приведен в действие указ от 15 ноября 1797 года «О штрафах за укрывательство военных дезертиров», посредством которого власти пригрозили большими штра-

фами и судебными делами уездным чиновникам за бездействие и помещикам, укрывавшим у себя дезертиров. Пытаясь искоренить это явление, россияне прибегли к методам круговой поруки и ответственности. Через широкое оповещение населения западных, юго-западных и прибалтийских губерний уездными учреждениями и церковными структурами в местах массового скопления людей о дезертирах и их приметах, власть пыталась получить финансово мотивированных помощников и запугать наказаниями непокорных [13, л. 1–3; 4–7]. Так, старосту села, где дали приют солдату, штрафовали на 100 рублей, крестьян и корчмарей подвергали телесному наказанию, а помещики и управители, в чьих селах дезертир жил более 6 дней и о нем не донесли, уплачивали пеню в 25 рублей. Если беглец оставался в поместье, с помещика брали без очереди рекрута; владельцы лодок должны были держать их на надежных замках, а в случае использования дезертирами без их ведома – платили пеню в 5 рублей. За поимку дезертира или рекрута обещали награду в 10 рублей [14, с. 799].

Пытаясь выполнить все распоряжения начальства и избежать наказания, полицейские и судебные чиновники часто превышали свои полномочия. В январе 1800 года генерал-прокурор А. Беклешов в своих предложениях Сенату отмечал, что в «Киевской и Малороссийской губерниях дела подозреваемых в укрывательстве дезертиров не рассматривали на местах, а сразу же передавали в Нижние Земские, а далее в Главные Губернские Суды». В большинстве своем это были крестьяне, которых содержали в тюрьмах незаконно, нанося вред их здоровью и отвлекая от сельскохозяйственных работ. Так, житель с. Киенки Новоград-Волынского уезда Волынской губернии И. Муляр три месяца прятал у себя беглого солдата, выдавая его за своего племянника, но у старосты села возникли подозрения и он написал донос в уезд. Через два дня солдата вернули в полк, а крестьянина кроме штрафа два месяца продержали в уездной тюрьме [15, л. 1–6].

А. Беклешов рекомендовал избегать лишней бюрократической волокиты и повысить оперативность местной полиции и судов. По закону от 15 ноября 1797 года, после поимки беглеца и его допроса, подозреваемые в укрывательстве должны были немедленно получить свое телесное или денежное наказание, а дезертира отправляли в его воинскую часть. Кроме того, из уездных тюрем всех солдат,

находившихся под следствием, кроме дел об убийствах и краже казенных вещей, освободили и отправили в полки [16, с. 3–4; л. 1–9].

Накануне войны 1812 года, по представлению Государственного совета, наказания за укрывательство дезертиров стали более жесткими. Если крестьян и в дальнейшем штрафовали и пороли плетью, то на помещиков отныне налагался штраф в размере 2000 рублей ассигнациями, а в случае невозможности или отказа от уплаты их забирали на военную службу, а признанных не способными к ней могли выслать в Сибирь. Подобная же участь ожидала старост сел и городков. Уездным нижним земским судам юго-западных губерний приказали такие дела рассматривать быстро и без очереди, а сам закон был переведен на немецкий и польский языки и разослан по дворянским собраниям, чтобы никто из шляхты не смог сказать, что не был проинформирован [17, с. 217–218].

Новые законы были настолько жесткими, что и представителям духовного ведомства власть не делала никаких послаблений. По доносу в Киевскую духовную династерию стало известно, что в Михайловском мужском монастыре на Чигиринщине Киевской губернии прячут дезертира. Как свидетельствует настоятель, «мы не знали, что Тарас Шамненко убежал из войска, а сам он объяснил свое появление в монастыре желанием стать монахом». Чигиринский нижний земский суд, проводя следствие, не обращал внимания на просьбы братии оставить у них «хорошего послушника». Земский исправник М. Попов ответил письменным отказом, мотивируя это тем, что молодого солдата подозревают в убийстве. В конце концов следствие и суд, не найдя доказательств, постановили вернуть беглеца в полк, а монахов предупредили о своевременном информировании относительно чужаков [18, л. 1–2 об., 3–5, 8–9].

В декабре 1798 года по рапорту начальника пехоты Смоленской инспекции генерала от инфантерии Б. Ласси вышло распоряжение об усилении мер по предотвращению «дезерций». На примере своих подчиненных он предлагал в полках несколько раз в сутки проводить переключку солдат, и в случае отсутствия кого-то «...сразу же сообщать Земскому Начальству и Пограничной страже», которые должны были немедленно приступить к поискам. Одновременно усиливались посты и караулы на границе, конные разъезды у мест расположения армейских подразделе-

ний. С целью поощрения местных жителей приграничных населенных пунктов к охоте на беглых для них вводилось специальное денежное вознаграждение. Правда, по решению Сената с февраля 1800 года существовало два варианта выплаты такого вознаграждения за поимку дезертиров: первый – если его ловили пограничники или обыватели и приводили в полк или к военному начальству, им в качестве вознаграждения должны были заплатить 6 рублей серебром в том же полку или батальоне, откуда сбежал солдат, а должен был это сделать командир роты беглеца; второй – если поймали солдата или рекрута, который прятался в населенном пункте, и привели к земскому начальству, то получали 10 рублей серебром за счет того, кто его укрывал [19, с. 33–35, 484–485].

Солдаты начали охотиться за солдатами за деньги, которые власть презентовала как дополнительный источник доходов за надлежащее выполнение служебного долга. Подобная практика была распространена и на территории Киевского генерал-губернаторства. Военнослужащим, при наличии должного внимания и бдительности, было нетрудно распознать в толпе и задержать беглеца в приграничных населенных пунктах, как правило, в местах скопления людей. Например, в г. Ратно Волынской губернии фельдфебель Й. Ковалев и рядовой И. Татарчук на базаре поймали дезертира Семена Прокофьева, сбежавшего из 27 Егерского полка в городе Бельцы и по ночам, иногда заходя в села и городки за хлебом, пробиравшегося в Австрию. Ковельский земский суд присудил ему наказание в арестантских ротах, а солдаты получили обещанное вознаграждение [20, л. 1–2 об.]. Не отставали от военных и гражданские, зная, как можно при случае подзаработать. Ямщик Острожской почтовой станции Сильвестр Семашкевич на дороге в город поймал неизвестного в солдатской шинели и привез в Острожский земский суд. Вскоре получил обещанное законом вознаграждение, а суду «подарил» еще одно длинное дело, где оказалось, что это беглый военный арестант Максим Антонов [21, л. 3–4 об., 18–25].

Часть боевых генералов считала скрупулезное расследование причин побегов формальностью и пустой тратой времени и всячески способствовала более быстрому отправлению солдат в полки. Так, М. Кутузов, командуя Молдавской армией, приказывал кривсехтам (военным судам. – А.С.) «...не

обременять свою работу собиранием различных мелких справок, тем самым не давая возможности попасть человеку на службу...». Главной задачей этих судов он считал выявление тех беглецов, которые совершили за это время уголовные преступления и были потенциально опасными в солдатской среде [22, л. 153–153 об.].

На середину 20-х гг. XIX в. дезертирство как явление в российской армии стало не только распространенным, но и приобрело определенную системность среди отдельных солдат, убежавших по несколько раз, но их ловили и возвращали в полки. Приказом начальника Главного штаба от 11 июля 1826 года устанавливалась определенная критическая черта: «...принимая во внимание пользу, которую может принести удаление из армии порочных людей, какие не дают надежды на исправление, приказываю всех нижних чинов, отданных в Военный Суд за четвертый побег, после оглашения приговора отправлять в арестантские роты в крепостях». Единственным условием освобождения и возвращения в ряды армии было примерное поведение, убеждение начальства в полной благонадежности и его ходатайство перед вышестоящими инстанциями. Таким образом, в частях избавлялись от тех солдат, которые были источником разрушения дисциплины, монолитности коллектива и авторитета командиров [23, с. 686].

В сентябре 1830 года было отменено положение от 20 декабря 1821 года, коим солдата, совершившего первый побег, отправляли служить во внутренние гарнизонные батальоны, что оказалось, во-первых, не слишком суровым наказанием, а во-вторых, постепенно снижало количество опытных солдат в регулярных частях. Отныне Инспекторский департамент Главного штаба требовал отправлять таких солдат в ближайшие полки по роду военной специальности. Такая возможность получения не слишком строгого наказания поощряла беглецов давать неверную информацию о своем прежнем месте службы и настоящем количестве побегов. Поэтому командиров батальонов корпуса Внутренней стражи и следователей уездных земских судов обязали над пойманными или добровольно вернувшимися совершать основательный допрос и обязательно давать запрос в тот полк, где, по словам беглеца, он служил. И только после письменного подтверждения правдивости слов солдата отправлять дальше на службу [24, с. 45, 757–758].

На практике это выглядело намного сложнее и дольше, особенно если беглец был пойман представителями гражданской власти. Например, задержанного полицией в г. Остроге Волынской губернии дезертира Якутского пехотного полка Петра Жоновола, пока длилось следствие, содержали в уездной тюрьме. После первых допросов следователю, чтобы выяснить личность задержанного и проверить правдивость изложения биографии, потребовалось время. Он направлял многочисленные запросы по месту рождения, по месту рекрутирования, в полки, где тот служил, в госпиталь, где лечился. Если ответы подтверждали показания и совпадали во времени, то такой нижний чин отправляли после экзекуции обратно к месту службы, если нет – то допросы возобновлялись и направлялись дополнительные запросы до тех пор, пока не устанавливалась истина. Таких беглецов ждали арестантские роты. Часто подобные дела длились по нескольку лет, постепенно накапливаясь в уездных учреждениях, и требовали дополнительных средств на содержание заключенных и канцелярские расходы [25, л. 1–4, 17–43]. Единственным путем уменьшения их количества была предусмотренная законодательством передача дела в другой суд, по месту службы беглеца. Так Староконстантиновский земский суд Волынской губернии сообщал Литинскому земскому суду Подольской губернии, что «...в селе Демковцы пойман военный дезертир из Литинской инвалидной команды Полищук Корней». Следствие шло по стандартной схеме: делались запросы на места проживания и службы, вызывали свидетелей, которые показали, что солдата прятал мещанин Корниловский. Потому следователь, чтобы уменьшить количество дел в своем суде, нашел законные основания для передачи материалов дела и арестанта в Литинский суд на доследование. Оно продолжалось еще три года, и беглец оказался в житомирском штрафном батальоне, а мещанин получил штраф за укрывательство [26, л. 1-1 об., 5–14, 45].

Чаще всего пойманные без документов дезертиры на допросах пытались выдавать себя за «не помнящих родства» бродяг, поселенцев, беглых от помещика или с каторжных работ крестьян. В таком случае, согласно Своду законов «О паспортах и беглых», они проходили по судебной системе гражданского ведомства, и после наказания плетью наилучшее, что их ожидало, – ссылка в Сибирь на

поселение. Денежные дезертиры стремились купить фальшивые документы и оказаться как бы в «подвешенном состоянии»: с одного полка будто бы выбыл, а к другому еще не дошел. Солдаты Луцкой инвалидной команды поймали Михаила Васильева, всячески пытавшегося запутать следствие. Сначала говорил, что якобы сбежал из Украинского егерского полка, затем – что лечился во Владимир-Волынской градской больнице и по приказу направлялся в г. Торчин на службу. Следствие выявило, что он купил у какого-то еврея в Ковеле фальшивые документы, и тот помог еще добыть медицинскую справку в больнице. С этими бумагами он путешествовал по западным губерниям больше года, не привлекая внимания полиции [27, л. 11–12, 14–21]. Иногда дезертиров удавалось разоблачить случайно. Так, в Новоград-Волынском земском суде находилось на расследовании дело двух казенных крестьян-беглецов, пойманных без документов. Они уже два месяца сидели в уездной тюрьме, и их за недостатком улик собирались отпустить. Случайно один из солдат местной инвалидной команды, охранявшей тюрьму, узнал в них своих бывших сослуживцев, коих искали уже четыре года. Этот факт вызвал большое недовольство Волынского губернского правления, которое объявило выговор следователю за плохое ведение дела и назначило нового; тот довел расследование до конца должным образом [28, л. 3–8, 13–15 об.]. Страх человека перед возвращением в армию был намного больше, чем все остальные наказания, поэтому признавали свою вину только перед бесспорными доказательствами. Если местная полиция в военное время выясняла, что поймала военнослужащего, то его немедленно передавали военному суду и уже судили по военным законам: главными пунктами обвинения были побег со службы и сокрытие своего воинского звания [29, с. 334–335].

Под репрессии попадали все возрастные категории военнослужащих. Понимая перспективу пожизненного пребывания в рядах армии, родители военных кантонистов хитростями пытались спасти своих детей. Становой пристав 3-го стана Ковельского уезда в июне 1838 года рапортовал в земский суд: «Пять дней разыскиваю пропавшего кантониста улан Власа Кожучука, который ушел из дома и не вернулся. На берегу реки возле села Соловьевка найдены одежда и вещи, но самого тела нет». У следователя появились подозре-

ния относительно инсценировки утопления сына Иваном Кожучуком, отцом, но доказательств не было. Окончательно дело закрыли лишь в 1846 году [30, л. 1–4, 13–14, 111]. Родительская любовь и стремление спасти своих детей толкали родственников на сознательное нарушение законов и правил. По доносу чиновник Ковельского нижнего земского суда Раковский приехал в с. Раково к Демиду Коту с целью найти его сына, беглого солдата. Вместе с экономом села и сотенным он пытался устроить обыск, но хозяин сопротивлялся и не пускал в дом, а потом ударил «опасным орудием» сотенного в бок, чем причинил ему несколько ран. Не выдержав шума и психологического напряжения, мать беглеца показала место в сарае, где прятался сын. Его немедленно арестовали и под конвоем повезли в уездный суд. На допросах он рассказал, что бежало их двое, но его сообщник не захотел остаться в селе и пошел к границе. Месяц родители и два брата прятали его в лесу и носили еду, а когда стало холодно, вырыли тайник. Волынский губернатор приказал Волынскому главному суду «наказать отца и сыновей в соответствии с законами». Часто родственники пытались надежно спрятать своих беглых солдат, рассчитывая на то, что скоро перестанут искать, а потом за взятки чиновникам смогут записать их в ревизские сказки у своих дальних родственников в соседних селах [31, л. 1–14, 17–20 об., 30].

В это же время власть продолжала идти путем запугивания населения еще более жестокими наказаниями за укрывательство солдат. По инициативе Государственного Совета в ноябре 1827 года были приняты изменения в предыдущих законах о наказании за подобные действия. Прежде всего, дезертирство как явление объявлялось «вредным для общества злом», с которым необходима системная борьба через наказания. Новые положения базировались на наказаниях в зависимости от времени: чем дольше беглец находился в доме, тем жестче было наказание; дававший ночлег военному дезертиру или прятавший его в течение 6 дней был обязан уплатить штраф в сто рублей за каждого; от 6 дней до 6 месяцев – кроме штрафа – телесное наказание; кто был не в состоянии уплатить штраф, того забирали в рабочие дома; срок больше 6 месяцев признавался сознательным укрывательством и за это хозяина отдавали в военную службу без зачисления помещику или общине как планового рекрута [32, с. 984–985].

С декабря 1832 года, по инициативе министерств внутренних дел и юстиции, нормы наказаний стали еще жестче. В свете событий польского восстания 1830–1831 гг. объявление территорий Правобережной Украины на военном положении и введение прямого военного управления стало удобным поводом к их изменениям. Теперь сознательное укрывание солдата-беглеца жителями, знающими, кто это, меньше 6 дней и без донесения властям наказывалось рекрутом. Если дезертир пребывал на одном месте или у одного человека, не знавшего, кто он, более 3 месяцев, то этого человека также забирали в армию. Если уездные суды и полицейские чиновники в результате проведения следственных действий доказывали вину того, кто прятал беглых, то гражданским губернаторам оставалось только утвердить решение о рекрутировании [33, с. 916–917]. Одновременно наблюдалось увеличение беглецов из пограничных полков солдат польского происхождения. В августе 1832 года командир 2-й гренадерской роты Охотского пехотного полка обратился за помощью к Ровенскому уездному земскому суду относительно побега четверых солдат-поляков. Следователь выяснил, что они хорошо знали здешнюю местность, поскольку были родом из этих краев и убежать в Австрию им было несложно. Допросы однополчан не дали никакой дополнительной информации, единственное, что удалось выяснить, – это то, что дезертирам помогал местный шляхтич Яков Тернавский, которого на месте проживания также не оказалось [34, л. 1–3, 15–19].

В январе 1834 года вышел указ «О мерах по искоренению бродяжничества и укрывательства беглых в Западных Губерниях», касающийся и территории Киевского генерал-губернаторства. Генерал-губернатор В. Левашов приказал гражданским губернаторам и полиции усилить поиск беглых и дезертиров путем широкого оповещения всех уездных учреждений без исключения. В частности, священников и монахов обязали произнести его во всех церквях, на площадях, базарах, сельских сходах. С гражданских чиновников и священников брали письменную подписку о неукрывательстве беглецов [35, л. 4–6, 10–21]. Власть обязала представителей всех слоев населения в течение 6 недель подать в полицию списки тех, кто поселился в городах и поместьях «без паспортов или с просроченными документами». Пойманных бродяг и беглецов, годных к военной службе, сразу же

отдавали в войска, негодных – в военно-арестантские роты, детей – в кантонисты, женщин и девушек – на фабрики или на поселение [36, с. 56]. Всячески поощрялись и освобождались от ответственности те, кто добровольно сообщал о военных дезертирах, а у кого находили – тех ожидало суровое наказание без ограничения срока давности в 10 лет [37, л. 22].

Окончанием первого этапа системной политики преследования и репрессий военных беглецов со стороны государства стал Манифест Николая I от 16 апреля 1841 года по случаю женитьбы его сына Александра Николаевича. В пункте V обещано прощение за дезертирство, которое учинили «военные люди». Они могли как можно быстрее вернуться в свои полки и подразделения или явиться к командирам батальонов Внутренней стражи в губерниях. Те, кто скрывался в пределах империи, должны были это сделать в течение полугода, пребывающим же за границей давался год с момента объявления манифеста. Исключение составляли военнотружущие, участвовавшие в течение последних десятилетий в мятежах и заговорах против существующего строя и после убежавшие за границу [38, с. 308–313, 787–788].

Заключение. На протяжении конца XVIII – первой половины XIX в. российская власть целенаправленно и системно боролась с дезертирством как социально-политическим явлением в армии и обществе исключительно репрессивными методами и средствами. Сама система построения государственного механизма Российской империи и тогдашнее видение обустройства вооруженных сил высшими чиновническими эшелонами власти предусматривала широкий арсенал методов принуждения и запугивания в комплексе с насаждением в общественном сознании идеи ничтожности простого человека, его неполноценности и слепого служения самодержавной государственной машине.

Именно невыносимые условия службы в крепостнической армии империи, иногда сходные с условиями жизни в тюрьме или на каторге, высокая смертность среди военнотружущих становились главной причиной возникновения и распространения дезертирства, в основном среди рекрутов и молодых солдат. С течением времени в войсках появилась целая прослойка «отпетых дезертиров», что свидетельствовало об укоренении этого

явления и несостоятельности военного командования с ним справиться.

Одним из основных направлений деятельности местных гражданских органов исполнительной власти, полиции и судов был усиленный розыск солдат-беглецов, а в случае поимки – жестокие приговоры и телесные наказания. Что касается местных жителей, которые решались помогать дезертирам и прятать их у себя, то власти четко понимали, что без уничтожения или подкупа этой социальной базы борьба по искоренению «придержательства» будет безуспешной.

Законодательно была создана и всячески поощрялась система денежных вознаграждений за поимку военных, создание круговой поруки в различных слоях общества на Правобережной Украине и стимулирование и поощрение доносов и клеветы со стороны властей.

Статья выполнена в рамках НИР «Российское военное присутствие как фактор социально-экономического и политического состояния Правобережной Украины (1793–1865 гг.)» на кафедре истории Украины Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобровский, П.О. Военное право в России при Петре Великом / П.О. Бобровский. – М.: Книга по требованию, 2011. – Ч. 2: Артикул воинский по русским и иностранным источникам. – Вып. 3. – 465 с.
2. Военный энциклопедический лексикон. Издаваемый обществом военных и литераторов, и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу Великому Князю Александру Николаевичу. – Издание второе. – СПб.: В типографии штаба военнотружущих заведений, 1854. – Т. V. – 673 с.
3. Богданов, Л. Русская армия в 1812 году. Организация, управление, вооружение / Л.П. Богданов. – М.: Воениздат, 1979. – 192 с.
4. Военная энциклопедия / под ред. К. Величко. – Паукер-Порт-Артур. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, Пятницкая улица, с.д., 1915. – Т. XVIII. – 358 с.
5. Stier, E. Fahnenflucht und unerlaubte entfernung / E. Stier. – Halle, 1905. – 139 s.
6. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). ВУА. Отечественная война 1812 года. – СПб., 1900. – Т. 1, ч. 1, отд. 1. – 577 с.
7. Из «Записок» полковника А.К. Карпова // Двенадцатый год. В воспоминаниях и переписке современников. С иллюстрациями /

- сб. сост. В.В. Каллаш. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, Пятницкая улица, с.д., 1912. – 279 с.
8. Корнилов, В.А. Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века / В.А. Корнилов // Вестн. МГПУ. Сер. «Исторические науки». – 2008. – № 1(22). – 141 с.
 9. Назарян, Е.А. Дезертирство в русской армии: мотивы и обстоятельства. Отечественная война 1812 года / Е.А. Назарян // Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVII Междунар. науч. конф. – Можайск, 2012. – 432 с.
 10. РГВИА. – Фонд 26. – Оп. 152. – Д. 313.
 11. Довнар-Запольский, М.В. Обзор новейшей русской истории / М.В. Довнар-Запольский. – К.: Тип-я И.И. Чоколова. Б. Житомирская № 20, с.д., 1912. – Т. 1. – 427 с.
 12. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ). – Собр. 1. – Т. XXV. – № 18608; № 18870.
 13. Государственный архив Черкасской области (далее – Госархив Черкасской области). – Фонд 660. – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 166.
 14. ПСЗ. – Собр. 1. – Т. XXIV. – № 18244.
 15. Государственный архив Житомирской области (далее – Госархив Житомирской области). – Фонд 16. – Оп. 4. – Д. 117.
 16. ПСЗ. – Собр. 1. – Т. XXVI. – № 19241; Госархив Житомирской области. – Фонд 324. – Оп. 1. – Д. 17.
 17. ПСЗ. – Собр. 1. – Т. XXXII. – № 25029.
 18. Госархив Черкасской области. – Фонд 660. – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 228.
 19. ПСЗ. – Собр. 1. – Т. XXV. – № 18784; т. XXVI. – № 19270.
 20. Государственный архив Волынской области (далее – Госархив Волынской области). – Фонд 363. – Оп. 1. – Д. 426.
 21. Государственный архив Ровенской области (далее – Госархив Ровенской области). – Фонд 22. – Оп. 2. – Д. 207.
 22. РГВИА. – Фонд 9190. – Оп. 165. – Св. 53. – Д. 2.
 23. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. I. – № 459.
 24. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. V. – Отд. 2. – № 3926; т. VI. – Отд. 1. – № 4757.
 25. Госархив Ровенской области. – Фонд 22. – Оп. 1. – Д. 84.
 26. Государственный архив Винницкой области. – Фонд 222. – Оп. 1. – Д. 275.
 27. Госархив Волынской области. – Фонд 363. – Оп. 1. – Д. 1346.
 28. Госархив Житомирской области. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 12.
 29. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. XIII. – Отд. 2. – № 11769.
 30. Госархив Волынской области. – Фонд 363. – Оп. 1. – Д. 458.
 31. Госархив Житомирской области. – Фонд 16. – Оп. 4. – Д. 349.
 32. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. II. – № 1540.
 33. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. VII. – № 5843.
 34. Госархив Ровенской области. – Фонд 384. – Оп. 5. – Д. 994.
 35. Госархив Черкасской области. – Фонд 660. – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 1171.
 36. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. IX. – Отд. 1. – № 6733.
 37. Госархив Волынской области. – Фонд 229. – Д. 44.
 38. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. XVI. – Отд. 1. – № 14460; № 14874.

Поступила в редакцию 15.12.2014 г.

Принята в печать 29.12.2014 г.

УДК 13:165.74+348.41+37.017.92

Гуманизм как фактор воспитания национальной и общечеловеческой духовности

Будз В.П., Гоян И.Н.

*Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника,
Ивано-Франковск, Украина*

Соотношение национальной и общечеловеческой духовности, по нашему мнению, является актуальной проблемой психологии, философии и педагогики. Национальная и общечеловеческая духовность имеют важную роль в жизни человека и общества.

Цель нашего исследования – проанализировать особенности формирования национальной и общечеловеческой духовности под влиянием фактора гуманизма, который мы рассматриваем как почву для развития общечеловеческих ценностей и интегральной общечеловеческой духовности.

Материал и методы. *Объектом исследования выступают процессы воспитания и формирования духовности человека и общества. Предметом исследования являются особенности дискурса гуманистических ценностей. Данное исследование основано на трудах Б. Андерсона, И. Гердера, М. Грушевского, Т. Зиньковского, Т. Масарыка. В нем использованы методы аксиологического и системно-структурного анализа, которые нацелены на исследование особенностей феномена гуманизма и его роли в системе воспитания.*

Результаты и их обсуждение. *Гуманизм, гуманистическое отношение человека к человеку, к социальной и естественной среде может претендовать на роль общепризнанной философии или идеологии воспитания без риска нивелиации национальных особенностей культур, которые имеют свою историческую континуальность, без риска раздвоения индивида, его воли и чувств, без риска возникновения тоталитаризма во всемирном масштабе. Гуманизм может формировать духовность как отдельной нации, так и общечеловеческую культуру. Он не находится в конфронтации с другими идентификациями человека. В основе гуманизма, по нашему мнению, находится система чувств человека, в частности уважения одного человека к другому, солидарность, толерантность, любовь к человеку. Гуманизм – это философия человеколюбия, где в качестве ведущей идеи выступает отношение к другому человеку как к наивысшей ценности. Именно эта идея, на наш взгляд, должна быть основой воспитания человека будущего и его общечеловеческой духовности.*

Заключение. *В решении проблемы соотношения национальных и общечеловеческих ценностей гуманизм, на наш взгляд, может выступать в качестве фактора воспитания в человеке тенденций и чувств интеграции, толерантности и солидарности на национальном и общечеловеческом уровне, в малых и больших социальных группах, быть фактором формирования интегральной общечеловеческой духовности.*

Ключевые слова: *гуманизм, фактор воспитания, национальная духовность, общечеловеческая духовность, духовные ценности, общество, процесс воспитания, фактор созидания общества.*

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 93–100)

Humanism as a Factor of Education of National and All Mankind Spirituality

Budz W.P., Goyan I.N.

Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, Ivano-Frankivsk, Ukraine

Correlation of national and common to all mankind spirituality, to our opinion, is the actual issue of the psychology, philosophy and pedagogics. National and common to all mankind spirituality have an important role in lives of man and societies.

The aim of our research is to analyze the features of shaping national and common to all mankind spirituality under the influence of humanism factor, which we examine as a background for development of all mankind values and integral all mankind spirituality.

Material and methods. *The processes of education and shaping the spirituality of a man and society come forward as a research object. The features of the discourse of humanistic values are the issue of the research. This research is based on works of B. Anderson, I. Herder, M. Hrushevskii, T. Zinkivskii, T. Masaryk. The methods of axiological and system-structural analysis are used here, which are made to research the features of the phenomenon of humanism and its role in the system of education.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: budzwol@mail.ru – В.П. Будз

Findings and their discussion. Humanism, humanistic relation of man to the man, to the social and natural environment can apply for the role of confessedly philosophy, or ideologies of education without the risk of eliminations of national features of cultures which have their historical continuity, without the risk of split of the individual, his will and feelings, without the risk of occurrence of totalitarianism in a world scale. Humanism can form spirituality, to both separate nation and common to all mankind culture. It is not in confrontation with other authentications of man. To our opinion, the basis of humanism is the system of feelings of people, in particular respects of one man to another, solidarity, tolerance, love to the man. Humanism is philosophy of philanthropy, where the leading idea is an attitude of one man to another, as the greatest value. Exactly this idea, in our view, must be the basis of education of man of the future and his common to all mankind spirituality.

Conclusion. In solving the problem of correlation of national and all mankind values, humanism can come forward as a factor of educating the tendencies and feelings of integration in the man; as a tolerance and solidarity at national and all mankind level, in small and large social groups, be the factor of forming integral all mankind spirituality.

Key words: humanism, factor of education, national spirituality all mankind spirituality, spiritual values, society, process of education, factor of creation of society.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 93–100)

Соотношение национальной и общечеловеческой духовности, по нашему мнению, является актуальной проблемой психологии, философии и педагогики. Национальная и общечеловеческая духовность имеет важную роль в жизни человека и общества.

Цель нашего исследования – проанализировать особенности формирования национальной и общечеловеческой духовности под влиянием фактора гуманизма, который мы рассматриваем как почву для развития общечеловеческих ценностей и интегральной общечеловеческой духовности.

Материал и методы. Объектом исследования выступают процессы воспитания и формирования духовности человека и общества. Предметом исследования являются особенности дискурса гуманистических ценностей. Данное исследование основано на трудах Б. Андерсона, И. Гердера, М. Грушевского, Т. Зиньковского, Т. Масарыка. В нем использованы методы аксиологического и системно-структурного анализа, которые нацелены на исследование особенностей феномена гуманизма и его роли в системе воспитания.

Результаты и их обсуждение. В бытии существует два вида объектов: естественные и социальные. Естественные объекты основываются на физических и химических связях и типах отношений. Социальные объекты имеют более сложные типы связи, поскольку включают в себя естественные. Они имеют в большей мере гносеологическое происхождение, то есть связи между элементами социальных объектов формируются средствами сознания, собственно средствами духа, а отношения в социуме имеют духовное измерение.

На наш взгляд, рассматривая проблему соотношения национальной и общечеловеческой духовности в контексте воспитания человека, нужно различать два аспекта нации

как социального явления. Нация может анализироваться как «генетический феномен», как биологический объект, который развивается в естественных условиях. В этом аспекте нация получает онтологический статус в силу своей биологической природы. Другой аспект, в котором следует рассматривать нацию, – это политический, то есть нация – это социальное объединение, которое возникает в результате духовных факторов. В этом аспекте нация, скорее всего, – это не генетический, а политический феномен.

«Генетическая нация» не требует никакого идеологического вмешательства в отличие от «политической нации». Однако «генетическая нация» не может стать политической без национального духа, национального сознания. К тому же, по нашему убеждению, к «политической нации» могут восходить генетически отличные объекты, которые в политическом (духовном смысле) идентифицируют себя с ценностями и историей той или другой нации. «Политическая нация» имеет гносеологическую (духовную) почву, то есть она рождается (получает свою онтологическую основу) в сфере человеческого сознания, в сфере духа, в сфере ценностей, в сфере идеологии. Поэтому воспитание нового человека, человека будущего должно ориентироваться на аксиологический аспект, на общечеловеческие ценности.

Нация – сложное социальное образование, которое имеет естественные и политические факторы, это совокупность людей, которые идентифицируют себя с определенным культурным типом по ряду признаков: историческому прошлому, ментальности, быту, языку, территории. Однако уже сам процесс идентификации принадлежности к нации имеет духовный характер.

На наш взгляд, ни нации, ни человечество, ни общества не существуют в бытии как зара-

нее заданные онтологические явления, поскольку для их возникновения и существования недостаточно только естественных факторов. Нация имеет в онтологическом аспекте дискретный характер, она может «исчезнуть», если исчезнут носители «духа нации». Общество, нация, человечество имеют духовную почву, то есть их возникновение и существование в большей мере обосновывается в сфере сознания (духа), хотя не следует исключать полностью также и объективных факторов, которые формируют нацию, но этот фактор становится все менее заметным. В социальном бытии сознание (дух) человека является решающим фактором социальных отношений в отличие от естественных феноменов.

Нации не существуют как априорные социальные явления. Если бы это были априорные образования, то для их существования было бы достаточно только генетического корня. Поэтому если мы ведем речь о нации, то мы должны иметь в виду «политическую нацию» и «генетическую». Человек и разрозненные социальные группы, которые находятся в объективных естественных условиях, объединяются в сфере сознания (духа). В качестве критерия единства в социальных группах выступает их групповое сознание, через которое человек себя идентифицирует. Собственно в социальном бытии, на наш взгляд, в отличие от естественного, возможен солипсизм, который основывается на сознании человека. В таком контексте можно согласиться с рассуждением Б. Андерсона, что «любое сообщество, больше первобытного поселения с непосредственными контактами между жителями... является мнимым» [1, с. 23]. В этом контексте можно даже «создать» нацию заново и воспитать ее верных адептов.

Однако, на наш взгляд, «мнимость» сообществ еще не свидетельствует о их фиктивности, отсутствии в бытии. Мнимость сообщества выражается в том, что оно основывается на средствах сознания. Большие сообщества, в отличие от малых, требуют больше рационального (идеологического) обоснования их единства и рационального (морального и правового) способа взаимоотношений, чем малые, которые могут основываться на чувствах и эмоциях, или других иррациональных факторах: чувствах симпатии, любви, верности.

Солипсизм, на наш взгляд, присущий социальному измерению существования человека, то есть человек и общество являются таковыми, какими они представляются в сознании

конкретных индивидов, в их мировоззрении, традициях, обычаях социальных групп.

Сообщества и формы отношений в сообществах строятся средствами сознания. Сознание выступает в качестве средства структуризации и построения социальной жизни. Поэтому воспитание человека в контексте тех или иных ценностей непосредственно влияет на качество того или иного общества. Конечно, из факторов социального бытия не стоит исключать естественные силы, однако такие внешние влияния в социальном бытии нивелируются через технику.

Природа в своей сути не зависит от человеческого сознания. От сознания человека зависит только бытие общества. Общество, социальные группы в онтологическом понимании формируются не под влиянием внешних факторов, а в человеческом сознании. Поэтому источники социальной гармонии находятся в самосознании субъектов социальных отношений, в их мировоззрении и ценностях. Поэтому воспитание человека зависит также не от внешних факторов, а от духовных, в частности аксиологических. В этом аспекте сущность общества есть аксиологическая. В таком контексте суждений построение любого общества требует идеологической (рациональной) почвы, которая определяет приоритетные общественные ценности и ориентиры.

На наш взгляд, проблемы, которые возникают в общественно-политических отношениях, межнациональные, межэтнические, межконфессиональные конфликты – это конфликты, которые, прежде всего, возникают в индивидуальном самосознании индивидов, а затем экстраполируются на общество.

Проблема соотношения национального и общечеловеческого сознания, а также национальных и общечеловеческих ценностей, на наш взгляд, является в большей мере искусственной, поскольку в онтологическом аспекте возникает вопрос об их носителях, то есть о тех, кто может в действительности представлять национальный и общечеловеческий субъект. В действительности существует проблема соотношения индивидуальных сознаний, а отсюда индивидуальных ценностей. Именно индивидуальное самосознание является причиной и источником конфликтов, как в личной, так и в общественно-политической жизни.

В процессе возникновения «политической нации» важную роль играет национальная идея, которая консолидирует и теоретически обосновывает нацию. Национальная идея является со-

ставляющей национального самосознания, но последнее не существует вне воли и сознания конкретных индивидов. На наш взгляд, именно в сознании индивидуальных субъектов может реализоваться нация и ее история, потому что именно человек имеет способность помнить и передавать информацию, в которой зафиксированы исторические события. Отсюда историческая континуальность нации является возможной только через сознание (дух). Нация не может существовать также без национальной идеи. Поэтому в воспитании человека того или иного общества важную роль играет акцент на национальной идее, которую, на наш взгляд, можно считать важным структурным фактором созидания общества.

Нация утверждается в сфере сознания субъектов общественных отношений. Нация обусловлена не только генетически, но и идеологически (политически). Если бы нация имела только объективные начала, была следствием природы и творением истории, тогда возникновение нации – это эволюционный, спонтанный процесс, где от выбора человека, его воли и духа ничего не зависит. Но для самоутверждения нации важное значение имеет ее дух. Дух нации (в понимании основных идей и ценностей) имеет тенденцию ускорения общественных отношений. Непосредственным отображением истинности этого положения являются события, которые разворачиваются на данное время в Украине, поскольку 2014 год для Украины за его аксиологическим значением относительно будущего заложил основы, по крайней мере, для следующих 20–50 лет ее будущей истории.

Как общественный феномен «политическая нация» не существует вне сознания человека, а консолидация нации происходит в сфере самосознания индивидов. «Политическая нация» возникает в человеческом сознании. Гносеологическое измерение (измерение духа) для «политической нации» имеет приоритетное значение. Онтологический статус она получает через человеческое сознание. Поэтому самосознание человека является онтологическим основанием существования нации и других социальных образований.

Б. Андерсон предлагает такое определение нации, утверждая, что в антропологическом смысле нация – «это вообразимое политическое сообщество – при этом вообразимое как генетически ограниченное и суверенное» [1, с. 22]. Нация, действительно, «вообразимое» политическое сообщество. Но, на наш взгляд,

не мнимое (фиктивное) сообщество. Нация – это онтологическое явление, хотя и реализуется средствами сознания (воображения).

С другой стороны, нация и ее свобода не рождается раз и навсегда. Они требуют постоянной актуализации в сфере человеческого духа. Носители идеи нации не живут вечно, они, к сожалению, умирают, а с ними исчезают и все характеристики их сознания, его ценностные ориентации, мировоззрение, убеждения, чувства, эмоции. Новые поколения вынуждены актуализировать постоянно идею нации, идею ее свободы, а отсюда и саму нацию в собственном сознании, актуализировать дух нации, потому что индивидуальное сознание дискретно и динамично. В этом контексте нужно постоянно воспитывать граждан в контексте национального единства и солидарности, иначе социальные связи ослабляются.

Дух, духовность – самые важные категории социального и естественного бытия человека, которые структурно влияют на качество общественных отношений. В качестве составляющих духа, духовности, на наш взгляд, выступают социальные чувства человека, его мышление и воля, которые воплощаются в интересах и ценностях, при этом реализация ценностей в социальном бытии имеет своим основанием сферу сознания.

Ценности – это следствие работы духа, поскольку они есть показатели самосознания человека, общественной группы, индикаторы направленности человеческой воли на добро или зло. Но ценности не выступают как независимые общественные феномены. Они не существуют автономно, независимо от человека, но непосредственно связаны с сознанием каждого конкретного индивида и его волевым выбором.

Ценности, на наш взгляд, являют собой материализованное воплощение духа человека, его чувств, мышления, воли, желаний и стремлений, мировоззрения. Однако ценности общественного бытия разных регионов планеты находятся в противоречии. Вследствие этого возникает конфликт национальных культур, или же, на наш взгляд, скорее конфликт ценностей, который обоснован мировоззренческими идеями.

Конфликт национального и общечеловеческого – это конфликт человеческого духа, человеческого самосознания и мышления, чувств и желаний. Соответственно, для того, чтобы избежать или ослабить конфликты в обществе нужно влиять на дух человека, его мировоззрение, осмысление действительно-

сти, которое происходит на уровне философских обобщений. Философия как способ осмысления мира и способ отношения к нему в таком контексте является действенным средством социальных изменений.

Процессы социализации и воспитания человека, на наш взгляд, играют заметную роль в формировании общественных отношений. Общество формируется в человеческом сознании, поэтому на основе каких идей будет воспитываться человек, таким в целом будет общество и его приоритетные ценности, характер социальных взаимодействий в нем. Общество формируется в сознании, но также средствами сознания. Поэтому в обществе всегда будет актуальным выбор между позитивным и негативным устремлением человеческой воли на утверждение или отрицание ценностей, который происходит в идеологической сфере.

В качестве основы единства, солидарности национальных и общечеловеческих ценностей может выступать, на наш взгляд, общепринятая общественная идеология или философские концепты. Однако, какие ценности, какая идеология или философия могут стать общепризнанными в планетарном масштабе и быть почвой национальной и общечеловеческой солидарности? Какая философия сможет примирить «национальное» и «универсальное», интересы человека и нации, национальные интересы и интересы человечества?

В таком контексте также возникает вопрос о возможных последствиях сочетания национальных и общечеловеческих ценностей в воспитании человека. Не станет ли такой симбиоз основой раздвоения индивида, который не сможет себя идентифицировать с определенной социальной группой, нацией, народом. Не будет ли в такой общепринятой философии (и ее ценностях) путь к космополитизму, духовному тоталитаризму, где нивелируются национальные особенности мировоззрения и бытия?

На роль такой общепризнанной философии или же идеологии без риска нивелиации национальных особенностей культур, которые имеют свою историческую континуальность, без риска раздвоения индивида, его воли и чувств, без риска возникновения тоталитаризма во всемирном масштабе, на наш взгляд, может претендовать гуманизм, гуманистическое отношение человека к человеку, к социальной и естественной среде. Здесь мы соглашаемся с мнением Т. Масарыка, который

подчеркивает, что преимущественно люди «при всем разнообразии взглядов соглашаются... относительно определенных идеалов гуманности» [2, с. 79]. Это свидетельствует об универсальном потенциале гуманизма в отношении процессов воспитания человека.

Гуманизм может формировать духовность как отдельной нации, так и общечеловеческую культуру. Он не находится в конфронтации с другими идентификациями человека. Мы соглашаемся с мнением Т. Зиньковского, что «в чистом, благородном понимании национализм, как чувство естественное должно быть под контролем идей гуманизма... Национализм... мы понимаем как практическое выполнение в жизни космополитических гуманитарных желаний и идей, тем самым космополитизм и национализм соотносятся как целое и часть, как понятие родовое и видовое...» [3, с. 106–107].

Гуманизм может стать почвой и фактором солидарности и интеграции национальных интересов и ценностей с общечеловеческими, стать основой единства национального и общечеловеческого. Но что такое гуманизм? Это общественное чувство или идеология, философия или направленность нашей воли? Какое чувство находится в основе гуманизма, какая «формула» гуманизма, система каких идей представляет сущность гуманизма?

В основе гуманизма, по нашему мнению, находится система чувств человека, в частности уважения одного человека к другому, солидарность, толерантность, любовь к человеку. Гуманизм – это философия или же идеология человеколюбия, где в качестве ведущей идеи выступает отношение к другому человеку как к наивысшей ценности. Именно эта идея, на наш взгляд, должна быть основой воспитания человека будущего и его общечеловеческой духовности.

Гуманистическая философия создает почву для отождествления субъекта и объекта общественных отношений. На наш взгляд, в качестве объекта общественных отношений выступают ценности, к которым направлены активность человека и его деятельность во всех измерениях. Человек как один из субъектов социальных отношений в гуманистической философии совпадает с объектом общественных отношений. То есть гуманизм предусматривает, что субъекты общественных отношений являются основными ценностями (объектами) социальных взаимодействий. В этом смысле, если человек – это наивысшая цен-

ность, то вряд ли будут вообще возможны какие-нибудь конфликты или боевые действия. Война – это прямое свидетельство того, что человек обесценился, что он не является основной ценностью, поскольку никто не считается с его жизнью. Поэтому нужно воспитывать человека будущего в контексте гуманизма.

В философии гуманизма основным объектом (ценностью), вокруг которого формируются отношения субъектов общественных отношений, есть человек. В таком контексте в качестве формулы гуманизма выступает правило, которое предусматривает отношение одного человека к другому как к основной ценности социального бытия.

В этом смысле духовность человека, его дух должны интерпретировать самих себя наивысшими ценностями, потому что сущностью человека, на наш взгляд, является его дух. Поэтому философия гуманизма – это самореализация духа человека, когда дух обосновывает самого себя как ценность для самого себя в своей собственной стихии. Гуманизм создает основания для самореализации всех измерений человеческой сущности.

Однако здесь возникает вопрос о пути социализации и воспитания человека в контексте гуманизма. Через какие социальные институты должно пройти человеческое самосознание для его ориентации на гуманистические идеалы и принципы социального взаимодействия? Какой из социальных институтов является наиболее действенным и влиятельным в процессе формирования и воспитания человека? Какими методами можно «научить» человека гуманизму и воспитать в нем гуманные качества и ценности?

Вопросы о социальных институтах, которые бы формировали «гуманного человека», являются чрезвычайно сложными. Ведь человек не является автоматом, механизмом, которым можно управлять и программировать на гуманизм и его ценности. Сущностью человека является свобода. Поэтому человека не следует заставлять выполнять даже гуманистические предписания поведения, поскольку сам гуманизм предусматривает добровольный выбор.

Анализируя имеющиеся социальные институты, следует отметить, что мораль и право в целом направлены на формирование гуманистического сознания. Однако гуманистическая философия и гуманистическое мировоззрение должны строиться не на основе социальных институтов, а на основе воли чело-

века, которая всегда должна выбирать среди других ценностей, которые являются мотивами человеческой деятельности, самого человека и его свободу. Здесь мы соглашаемся с мнением И. Гердера, который утверждает, что «...человек создан, чтобы усвоить дух гуманности и религии» [4, с. 107], а все, что окружает человека, «пронизанное духом гуманности, вечно неизменным» [4, с. 111]. Гуманистические чувства должны быть направлены на признание человека, его свободы основными ценностями воспитания и социализации.

Гуманизм – это совокупность воли, мышления, чувств человека, которые признают самих себя и свою свободу в качестве основной ценности. Он возможен только там, где присутствует самоуважение человека к самому себе, а отсюда и уважение к другим, а в целом общественное взаимоуважение.

Гуманистическое поведение возможно только в той культуре, в том мировоззрении, где человек уважает сам себя, где он видит сам себя и другого человека основной ценностью. Собственно дух и сознание становятся в гуманизме причиной самих себя, своего собственного гуманистического отношения к себе.

Наиболее действенным институтом гуманизма является, на наш взгляд, добрая воля человека, которая означает одновременно свободу выбора и ориентацию воли на добро, на ценности добра. Но такая ориентация невозможна вне пределов сознания человека, вне его сознательного выбора. Следовательно, основным институтом, через который может реализоваться гуманизм, есть сфера человеческого сознания, а шире – сфера духа, чувств и воли отдельного человека.

Духовность, на наш взгляд, – это единство позитивной направленности воли и чувств человека на добро. Гуманные чувства основываются на человеколюбии, солидарности, любви, взаимном уважении, взаимодоверии. Однако гуманизму нельзя «научить» на основе идеологии. Его необходимо воплощать постоянно через свою деятельность, переживание, свой постоянный экзистенциальный выбор.

В свою очередь, гуманизм как общественная идеология предусматривает рост оптимистичного отношения человека к миру и социальной гармонии, которую можно построить именно на основе гуманистической философии. Гуманизм должен находиться в основе как национальной идеи, так и общечеловеческой идеологии, если сообщества стремятся

достичь бесконфликтного взаимодействия в пределах отдельного общества и в измерениях мировой цивилизации. Здесь мы соглашаемся с взглядом Т. Масарыка, что идея гуманности может проявиться в «форме идеи национальности» [2, с. 7].

Мы рассматриваем гуманизм как фактор воспитания национальной и общечеловеческой духовности, потому что дух, духовность связаны с добровольной ориентацией человека на добро, собственно на гуманистические ценности. Бездуховность в таком контексте – это отсутствие гуманизма, гуманных чувств. Бездуховность связана с отсутствием уважения к духу, чувствам, воле, самосознанию человека, а следовательно, к самому человеку. Поэтому если происходит война, то она свидетельствует о кризисе духовности общества.

Духовность (сфера сознательного выбора воли и духа человека) может иметь, на наш взгляд, бинарный характер. Она может быть «позитивной» и «негативной». Критерием «позитивной духовности» выступает творческая работа духа, гуманистические ценности, ценности добра, солидарности, альтруизма, которые утверждают человека и его свободу. «Позитивная духовность» формирует консолидирующие психические чувства и эмоции, а «негативная духовность», наоборот, агрессивные. Собственно «негативная духовность» – это бездуховность, потому что гуманизм – путь к воспитанию у человека «позитивной духовности».

На наш взгляд, гуманизм выступает в качестве основного фактора солидарности людей в культуре, то есть в способах отношения человека к миру, фактором солидарности больших и малых социальных групп. Однако гуманистическая философия и идеология требуют не просто провозглашения идей, а реального социального действия. Представители разных культур, языковой и религиозной среды могут достичь взаимопонимания, прийти к солидарным взаимодействиям из-за реальных действий, которые имеют гуманистический характер. Поступки, направленные на добро, гуманистическое отношение, становятся понятными для каждого человека.

Гуманизм требует реального действия, сосредоточенного на добре. Он может стать основой солидарности нации на основе действий, которые направлены на добро, уважение друг друга. По нашему мнению, только жизнеутверждающие, солидарные ценности и действия, к которым призывает гуманизм, могут стать основой солидарности между раз-

ными нациями, основой построения национальной и общечеловеческой духовности. Мы соглашаемся с рассуждениями М. Грушевского, что для «...реализации демократических и гуманистических ценностей необходимо «отказаться от формулы *homo homini lupus* (человек человеку волк)... в пользу формулы *homo homini res sacra* (человек человеку святая вещь), которой двигалось и добывалось все лучшее на земле» [5, с. 70].

Путь к социальной гармонии общества и человечества в целом лежит через гуманизм, вернее через воспитание гуманизмом. Однако такая социальная гармония на основе гуманизма требует, чтобы большинство людей в отдельном обществе и большинство народов планеты были сориентированы на гуманистические ценности, ставя их в иерархии общественных ценностей на наивысший уровень.

В таком контексте можно вести речь о гуманизме как факторе воспитания национальной и общечеловеческой духовности, поскольку гуманистические ценности могут служить почвой интеграции и консолидации всех социальных групп. Гуманизм – это концепция, которая может быть взаимно признана носителями разных культур независимо от их других идентификаций. Он присущ всем моральным и правовым нормам цивилизованного мира.

Можно критиковать гуманизм как утопическую идеологию или философию. Но он не требует от человека чрезвычайных усилий его духа. Нужно только, чтобы дух человека был нацелен на выбор позитивных ценностей, среди которых можно выделить альтруизм, солидарность, взаимоуважение, свободу, толерантность.

Выбор норм и правил социального взаимодействия остается за человеком. Такой выбор осуществляется в пределах сознательного обоснования значимости ценностей в структуре мировоззрения. Общественное взаимодействие в таком контексте является таким, каким является иерархия общественных ценностей и способ ее обоснования. Человек усваивает ценности в процессе воспитания, однако процесс воспитания не осуществляет абсолютного влияния на него, не формирует раз и навсегда его мировоззрение и поведение. Мировоззрение и его основные ценности могут изменяться в зависимости от сознательного выбора, от ориентации воли человека. То есть выбор ценностей осуществляется в сфере духа постоянно.

Заключение. Гуманизм – это позитивный выбор человеческого духа, который должен всегда быть актуальным, поскольку явления духа, в отличие от явлений природы, характеризуются дискретностью и динамикой, могут исчезать и возникать снова, изменяться на полностью противоположные измерения через самосознание человека. Поэтому в решении проблемы соотношения национальных и общечеловеческих ценностей гуманизм, на наш взгляд, может выступать в качестве фактора воспитания в человеке тенденций и чувств интеграции, толерантности и солидарности на национальном и общечеловеческом уровне, в малых и больших социальных группах, быть фактором формирования интегральной общечеловеческой духовности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон, Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму / Б. Андерсон; пер. з англ. В. Морозова. – Друге вид., перероб. – Київ: Критика, 2001. – 271 с.
2. Масарик, Т. Идеали гуманности / Т. Масарик. – Львів: БВ, 1902. – 96 с.
3. Зіньківський, Т. Молода Україна, її становище і шлях / Т. Зіньківський // Писання Трохима Зіньківського. – Львів: БВ, 1896. – Кн. 2. – С. 81–119.
4. Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер; пер. с нем. и прим. А.В. Михайлова; отв. ред. А.В. Гулыга. – М.: Наука, 1977. – 703 с. – (Памятники исторической мысли).
5. Грушевський, М.С. Історія й її соціально-виховуюче значіння / М.С. Грушевський // На порозі нової України. Гадки і мрії. – Київ: БВ, 1918. – С. 55–70.

Поступила в редакцію 30.10.2014 г.

Принята в печать 29.12.2014 г.

УДК 316.356.2:316.75

Национализм в современном мире: идеология и политическая практика

Кривоносова Е.Э.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машиерова», Витебск*

В последнее время идеология и практика национализма получила значительное распространение в разных регионах планеты. В этой связи возрастает научный интерес к данной проблеме: определению смысла, функциональной нагрузки, факторов, способов преодоления национализма.

Цель исследования – проанализировать основные теоретические подходы к толкованию сущности и роли национализма, выявить благоприятные предпосылки, способствующие зарождению и росту националистических настроений и течений.

Материал и методы. *Цель работы предопределила использование автором преимущественно общелогических методов (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, обобщение) и методов теоретического исследования (идеализация, единство исторического и логического анализа, восхождение от абстрактного к конкретному). Материалом исследования является теория и практика современного национализма.*

Результаты и их обсуждение. *Единой теории национализма не существует. Дискуссии вокруг интерпретации понятия «национализм» варьируются от искусственности термина до полярности функциональной нагрузки данного феномена. Национализм – ответ на финансово-экономические и политические кризисы, масштабную трансграничную миграцию, вызовы глобализации, деидеологизации, либерализации. Не последнюю роль здесь играют политико-электоральные технологии, основанные на манипуляциях эмоционально окрашенными популистскими лозунгами, оперировании предрассудками на уровне обыденного сознания, рассчитанными на маргинальные слои и молодежь.*

Заключение. *Важнейшим средством поддержания единства в обществе является создание политических, идеологических, правовых, экономических и социально-культурных гарантий на уровне государства; формирование зрелой национально-культурной идентичности в сочетании с воспитанием уважения к другим народам и культурам.*

Ключевые слова: *национализм, факторы национализма, патриотизм.*

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 101–106)

Nationalism in the Contemporary World: Ideology and Political Practice

Krivonosova E.E.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The ideology and practice of nationalism received a significant spread in different regions of the world. In this regard, scientific interest increases to defining the meaning, functional load, factors, ways of overcoming nationalism.

The purpose of the study is to analyze the main theoretical approaches to the interpretation of the nature and role of nationalism, to identify favorable conditions conducive to the emergence and the growth of nationalist sentiments and movements.

Material and methods. *The aim of the work determined using by the author mainly logical methods (analysis, synthesis, induction, deduction, analogy, generalization) and methods of theoretical research (idealization, the unity of the historical and logical analysis, the ascent from the abstract to the concrete). The theory and practice of modern nationalism is the material of research.*

Findings and their discussion. *A unified theory of nationalism does not exist. Discussions around the interpretation of the concept of “nationalism” range from the artificiality of the term to the polarity of the functional load of this phenomenon. Nationalism is a response to the financial, economic and political crises, large-scale cross-border migration, the challenges of globalization, deideologization, liberalization. The political and electoral technologies play not the last role here. They base on the manipulation of emotional coloured populist slogans, the operation of prejudices on the level of everyday consciousness, designed for a marginal layers and youth.*

Conclusion. *The most important means of maintaining unity in the society is the creation of a political, ideological, legal, economic and socio and cultural safeguards at the state level; the formation of a Mature national and cultural identity in conjunction with the development of respect for other peoples and cultures.*

Key words: *nationalism, factors of nationalism, patriotism.*

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 101–106)

Адрес для корреспонденции: e-mail: crielena@yandex.ru – Е.Э. Кривоносова

«Экспансия этнического», националистическая риторика в последнее время заметно усложнили ситуацию в сфере как политических, так и межнациональных отношений в разных регионах планеты. В связи с чем возрос научный интерес к проблеме национализма: определению его смысла, функциональной нагрузки, факторов, способов преодоления.

Цель нашего исследования – проанализировать основные теоретические подходы к толкованию сущности и роли национализма, выявить благоприятные предпосылки, способствующие зарождению и росту националистических настроений и течений.

Материал и методы. Цель работы предопределила использование автором преимущественно общелогических методов (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, обобщение) и методов теоретического исследования (идеализация, единство исторического и логического анализа, восхождение от абстрактного к конкретному). Материалом исследования является теория и практика современного национализма.

Результаты и их обсуждение. Многолетние дискуссии исследователей по проблеме уточнения содержания данного понятия можно, на наш взгляд, свести к следующим основным позициям.

1. Конструктивизм (в отличие от примордиализма, который объявляет нации объективно существующими социобиологическими, эволюционно-историческими общностями, обладающими своим жизненным циклом) отвергает объективную данность этничности, рассматривая ее как эфемерное понятие, конструкт сознания, созданный интеллектуалами. Неопределенность и эмоциональная нагруженность этого понятия требуют его изъятия из обращения – «забыть о нации» (В. Тишков). Соответственно, и национализм – это *мираж, миф, искусственный термин*. Необъективность конструктивистских построений доказана жизнью, практикой национального строительства в разных странах мира. Попробуйте, к примеру, убедить белоруса, что он русский, – и увидите тщетность пропаганды, т.к. агитация не соответствует реальности, интересам тех, кому адресована.

Еще одним доводом сторонников неактуальности категории «национализм» стала глобализация современного мира, в основе которой лежит принцип универсализма, космополитизма, что, по их мнению, отбросило национальное начало (вместе с национализмом, партикуляризмом), сделав его пережитком прошлого (У. Бек), результатом чего стал воображаемый

постэтнический мир (К. Калхун), единый континуум (Ю. Хабермас).

2. *Апологеты* национализма видят в нем «любовь к своей нации, ее истории и культуре, чувства национального самосохранения и достоинства, деятельность во благо нации. Истинный национализм лишен всякого национального тщеславия, принципиально миролюбив и терпим к другим народам» [1]. «Национализм – идеология, основанная на убеждении в том, что народ, обладающий общими чертами, такими, как общий язык, религия или этническая принадлежность, составляет отдельную политическую общность. Националисты стремятся к сохранению этой отличительности для защиты социальных преимуществ, являющихся следствием национальной идентичности и принадлежности» [2]. Следовательно, негативное содержание национализма стирается.

Отказ от однозначно негативного понимания зачастую объясняется тем, что понятие «нация» на Западе нередко употребляется как синоним государства. С данной точки зрения, национализм предстает как комплекс идеологических представлений и политической практики, где приоритет отдается интересам нации над групповыми (классовыми). При этом подчеркивается мощный позитивный заряд и охранительная функция национализма как государствообразующего фактора, например, в период борьбы народов против национального угнетения, колониальной зависимости и различных форм дискриминации. С этим трудно не согласиться, но национализм способствует развитию культурной и общественно-политической жизни нации, служит объединяющей силой лишь на первоначальном этапе создания государства, а далее замкнутый на смаковании национальной особенности, примате этнической идентичности, он выступает в качестве угрозы разрушения того, что было создано. И потом функция национализма как интегрирующей на уровне всего общества силы проявляет себя прежде всего в мононациональных государствах.

Авторы, усматривающие в национализме норму общественного сознания, зачастую отождествляют национализм с патриотизмом, национальным самосознанием, проецируя тем самым положительную окраску последних на рассматриваемое явление. Но нам это представляется манипуляцией смысловым содержанием понятий, некорректным использованием терминов, поскольку национализм по отношению к патриотизму выступает как конкурентная идея. Данные понятия достаточно четко и, на наш

взгляд, верно разведены в научной литературе [3–6]: национализм – это идентификация на уровне нации, патриотизм – на уровне государства; в национализме преобладает этнокультурная составляющая, в патриотизме – институциональная; национализм объединяет людей «против» (чужих), патриотизм – «за» (Родину, государство); национализм негибок, смотрит в «зеркало заднего вида», романтизируя до пределов нарциссизма историческое прошлое, национальные символы и национальных героев, уводя общественное сознание от реальных проблем, патриотизм сочетает здоровый пиетет к исторической памяти с адаптацией к меняющимся обстоятельствам; в национализме нет места личности, поскольку сокращается объем гражданских прав и свобод членов общества, это идеология толпы, патриотизм, опираясь на принцип уважения прав человека, возвышает личность; национализм не приемлет интернационализма, подогревая межнациональное недоверие и дистанцирование, абсолютизирует этническую замкнутость как фактор политической целостности, патриотизм, напротив, ищет баланс между национальной гордостью и толерантностью, открытостью в отношении чужих традиций и нравов, этнической множественностью и политическим единством, философия патриотизма, в отличие от национализма, отражает диалектику национального и общечеловеческого.

3. Большинство ученых высказывают негативную коннотацию применительно к национализму. Национализм – «идеология, политика и социальная практика противопоставления различных наций по принципу «свой–чужие», исходя из чувства собственного превосходства, из приоритета национальной общности в сравнении с другими интересами и ценностями. Национализм, безусловно, есть форма деградации, извращения национального в сознании и подсознании индивида, ... в котором нормальные и неискоренимые национальные чувства гордости гипертрофируются и деформируются» [4, с. 34]. Национализм в данном прочтении трактуется как этноцентризм, национальный эгоизм, искажение национальной идеи, ксенофобия, шовинизм, мировоззренческая патология, тотальная оппозиция негативно значимым «другим», болезненное явление, создающее атмосферу войны (Н. Бердяев), слепая страсть (Н. Карамзин), пережиток варварского времени (Л. Толстой), дурное направление народного духа (В. Со-

ловьев). В национализме, «который уже ничего общего со справедливостью не имеет», как указывал В. Соловьев, «народность, отвлеченная от своих живых сил, заостренная в сознательную исключительность и этим острием обращенная ко всему другому», из здоровой, положительной силы превращается в болезненное, отрицательное усилие. «Доведенный до крайнего напряжения, национализм губит впавший в него народ, делая его врагом человечества...». «Национальное самосознание есть великое дело; но когда самосознание народа переходит в самодовольство, а самодовольство доходит до самообожания, тогда естественный конец для него есть самоуничтожение...» [5]. Именно данная дефиниция близка автору.

4. Еще один подход к анализу национализма заключается в его трактовке в качестве *нейтрального* феномена, который выступает в качестве своеобразной оболочки для всевозможных интересов и мотивов. «Национализм становится тактическим инструментом, лишенным своего собственного идеологического наполнения, т.е. превращается в политическую технологию», и «тем самым лишается имманентно отрицательной нагрузки» [6, с. 72], ибо может быть использован как в созидательных, так и в деструктивных целях [7]. Подобная позиция сравнима с желанием усидеть на двух стульях и, по нашему мнению, ведет к терминологической путанице.

Поскольку, с нашей точки зрения, национализм имеет ярко выраженный негативный оттенок, практический и теоретический интерес представляет выявление факторов, благоприятных предпосылок, способствующих зарождению и росту националистических настроений и течений в определенных общественных условиях. Они разнообразны. Остановимся на некоторых из них.

Замечено, что национализм при стабильном развитии общества существует в неявной форме и переходит в активную фазу, *когда нарушена устойчивость функционирования социальной системы*, – тогда нация становится последним прибежищем, островком чего-то незыблемого. Волна мирового финансово-экономического кризиса сильнее ударила по государствам со слабой экономикой и небольшим городам. Именно на местном уровне праворадикальные националисты сумели быстро добиться представительства в органах самоуправления, а затем и в национальных парламентах.

Своим успехом праворадикалы обязаны эксплуатации негативных настроений в обществе и лозунгам защиты рядового гражданина от кризисных явлений в постиндустриальном обществе, благодаря чему они обрели свой постоянный протестный электорат.

Не последнюю роль здесь играет и *фактор иммиграции*, когда страны «золотого миллиарда» приобрели образ Земли обетованной, где можно получить материальный достаток и социальные гарантии. В этой ситуации праворадикальные националисты, используя манипуляцию массовым сознанием, объявляют иммигрантов виновниками обострения проблем с безработицей и преступностью; направляют энергию общественного недовольства бюрократизацией государственного аппарата, его неспособностью эффективно разрешать назревшие противоречия в русло этнической неприязни. По мнению праворадикалов, достичь благоденствия можно лишь в этнически однородном обществе, поэтому они настаивают на форсированной ассимиляции или депортации иммигрантов.

Одной из причин распространения указанного феномена является попытка отдельных акторов политической жизни разыграть национальную карту ради достижения власти. Националистическая идеология создает себе политический капитал за счет популистских, понятных обывателям *лозунгов, которые формулируются предельно просто, коротко, емко*, представляя ситуацию не объективно, но остро и максимально доступно. Все это при отсутствии четко сформулированной программы конкретных мер и реформ по ключевым направлениям. Националисты привлекают дополнительный электорат за счет постоянного дискредитирования оппонентов, оперирования предрассудками на уровне обывденного сознания, *апелляции к маргинальным слоям, молодежи*. Это так называемый «бунт простоты» против сложности и противоречивости социальной жизни. Националистическая риторика уводит общественное сознание от объективных причин реальных проблем. Порой во главе многих праворадикальных партий оказываются яркие политические лидеры с выдающимися актерскими и ораторскими качествами. Такая популистская тактика оказывается весьма действенной и приносит этим движениям ощутимые политические дивиденды. Мы становимся свидетелями роста популярности радикальных партий в европейских государствах: Всеукраинского объе-

динения «Свобода», партии «Истинные финны», Датской народной партии, голландского Списка Пима Фортайна, греческой расистской партии «Золотая заря», британской Партии независимости Соединенного Королевства, французского Национального фронта, партии «Альтернатива для Германии», австрийской Партии свободы и т.п. Результаты последних выборов в европарламент в мае 2014 г. шокировали европейских политиков тем, что в парламент прошло большое количество (пятая часть мандатов) леворадикалов и ультраправых сил.

Рост влияния в обществе националистических настроений неотделим от *процессов глобализации, наднациональной интеграции*, которые ставят под вопрос национальную идентичность. Как отмечал М. Хайдеггер, бездомность становится судьбой мира. Стандартизация сферы товаров, услуг, вкусов и оценок, меркантильность мировоззренческих ориентаций, примитивизм псевдокультуры, эфемерность новых принципов, определяющих моральные устои людей, транснациональная идентичность не обладают той притягательностью, которой обладает этнотожественность. Другое дело, что, прикрываясь справедливыми требованиями возрождения, сохранения национальной самобытности народа, националистические движения стремятся размыть границу между патриотизмом и национализмом, национальным и националистическим, стараются обратить себе на пользу рост национального самосознания, спекулируя на национальном чувстве и способствуя объединению против «иных» по национально-культурному признаку. Они позиционируют себя как охранительную силу, препятствующую форсированной глобализации, которая в своих негативных проявлениях неокOLONиализма и унификации, распространения массовой культуры, несет угрозу национальной идентичности, языку, культуре, традиционным способам социальной организации. Защитники национализма обращают внимание и на то, что в условиях негативных последствий процессов глобализации, бросающих вызовы национальной идентичности и суверенности, национализм является способом возвращения власти национальным элитам, локализуя суверенитет в пределах государства.

Националистические течения заявили о себе как о значимом политическом акторе также вследствие массовой потери ориентиров, которая происходит в условиях изменения соци-

ально-политической системы, сопровождаемого, как правило, процессами *деидеологизации/либерализации*. Деидеологизация отнимает защитные иллюзии, надежду, картину мира, благодаря которым человек ощущает себя причастным к чему-то значимому, долговечному, определяющему смысл, содержание и фундамент жизнедеятельности. Мы живем в эпоху неопределенности, безверия, разочарований и крушения иллюзий. Старые боги низвергнуты с пьедесталов, идейно-политические конструкции и утопии либо исчерпали себя, либо существенно ослабли. Но взамен не всегда предлагаются масштабные позитивные идеи, которые могли бы служить в качестве объединяющих и мобилизующих людей идеалов.

Либерализм, как известно, не держится за прошлое, признает реальностью лишь индивидуалистическое начало, эгоизм интересов, скептически относясь к любой системе коллективных идеалов. Но человек боится «потеряться» в жизни, он отчаянно ищет идиллический образ будущего, который будет вселять уверенность и придавать значение жизни. Националистическая идеология порой и является ответом на такую естественную и понятную потребность людей. Заполняя собой вакуум в идейной сфере, она предлагает искать опору в «корнях» – национальной идентичности и солидарности, очаровывает «сказкой рода».

Итак, национализм можно преподнести как способ самозащиты от кризисов, усиления миграционных процессов, глобализации, деидеологизации, либерализации. К слову, можем ли мы найти названные предпосылки в Беларуси?

На 97% славянский состав населения республики не способствует созданию соответствующей повестки дня. Миграционный прирост за 2013 год, по данным Белстата, составил 11643 человека, в I полугодии 2014 г. – 5189 человек, что, естественно, не может рассматриваться как угрожающая цифра.

Не наблюдается перспектив развития агрессивного национализма в обществе, где граждане, обладая природной спокойной рассудительностью, терпимо относятся к людям иной национальности и иного вероисповедания, что обусловлено историческими условиями формирования белорусского этноса.

Благодаря продуманной социально-экономической политике государства последствия кризиса не так остро отражаются на уровне жизни населения.

Национальная политика как целенаправленная деятельность государственных структур по регулированию взаимоотношений между нациями и народностями направлена на обеспечение равенства прав и свобод граждан вне зависимости от национальной принадлежности; создание условий для свободного развития национальных культур, языков, традиций; воспитание уважения к другим народам и культурам; инициирование цивилизованных форм межнационального общения; запрещение деятельности, направленной на разжигание национальной розни, недопущение политизации этнических процессов. Беларусь вступает в противостояние с транскультурной идентичностью не обезоруженной: государство активно поддерживает проведение культурно-просветительных мероприятий и деятельность учреждений культуры. «Национальные идеи в многонациональном государстве не исчезают, но они теряют свой политический характер, трансформируются в идеи сохранения культурного своеобразия существующих этнических общностей» [7, с. 139].

Выстраивание идеологического фундамента белорусского общества происходит, по признанию Президента республики, на сочетании положений социалистической, консервативной и, в меньшей степени, либеральной идеологий [8].

Таким образом, руководство страны понимает, что единственным средством поддержания целостности, национального единства в обществе остается создание политических, идеологических, правовых, экономических и социокультурных гарантий на уровне государства. Именно поэтому на текущий момент в Беларуси национализму нечем «питаться», не существует ни одной достаточно весомой политической силы, группировки с националистической ориентацией.

Заключение. Анализ многообразных исследовательских позиций позволяет сделать вывод, что ввиду сложности и противоречивости рассматриваемого понятия единой теории национализма не существует. Разброс мнений авторов весьма значителен: от характеристики национализма как искусственного термина до полярности функциональной нагрузки данного феномена в триаде «плохой–нейтральный–хороший». Мы разделяем точку зрения, согласно которой национализм – это паразитическая доктрина и политическая практика, гипертрофирующая значение на-

циональных различий, достоинств собственной нации, пренебрежительно относящаяся к национальным чувствам, интересам, культуре, правам других этнических групп, приводящая часто к обострению этнонациональной напряженности, возникновению межнациональных конфликтов. Национализм выступает как идеология и социально-психологический стереотип, политическая технология, обнаруживая себя в мировоззренческих, идейных аберрациях, которыми руководствуются отдельные индивиды и политические институты в межнациональных отношениях, в методах достижения политической власти.

Учитывая тот факт, что моноэтнических государств нет, зато есть разные виды межгосударственных политических и экономических союзов, и при этом «лишь малая часть населения интегрирующихся государств приемлет «космополитические ценности», тогда как подавляющее большинство (более 85%) идентифицирует себя с локально-региональными национальными ценностями и ориентирами», данная проблема и для ученых, и для политиков будет сохранять особое значение [9, с. 38]. Последние события во многих странах ближнего и дальнего зарубежья все больше подводят к выводу, что панэтнические идеи недопустимы. Для недопущения роста националистических настроений задача любого государства – создать цельную, сильную идеологию, укрепляющую у населения чувство единой судьбы и стремление к взаимопониманию, формирующую зрелую национально-культурную идентичность, сознание подлинной национальной гордости за великие свершения прошлого и настоящего, стимулирующую рост мотивации граждан к труду ради укрепления государства, возвращающую традиционный смысл понятиям «родина», «нация», «вера». Такая политика и будет подлинным национальным строительством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национализм // Терминологический ювенологический словарь [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/913/word/nacionalizm>. – Дата доступа: 01.02.2014.
2. Национализм // Аберкромби, Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Ю. Тернер [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/874/word/nacionalizm>. – Дата доступа: 01.02.2014.
3. Селиванова, В. Национализм – патриотизм: попытка переосмысления понятий / В. Селиванова // Вестн. МГУ. Сер. 18. – 2003. – № 1. – С. 88–95.
4. Мнацаканян, М.О. Национализм: идеальный тип и формы проявлений / М.О. Мнацаканян // Полис. – 2007. – № 6. – С. 24–35.
5. Соловьев, В. Национальный вопрос в России / В. Соловьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/solovev_vladimir_rudolfovich/nacionalniy_vopros_v_rossii/read. – Дата доступа: 01.06.2014.
6. Аргучинцева, Д.Г. Национализм: теоретико-методологический аспект проблемы / Д.Г. Аргучинцева // Весн. БДУ. Сер. 3. – 2005. – № 1. – С. 68–72.
7. Мартынов, М.Ю. Заметки о понятиях «национализм» и «патриотизм» / М.Ю. Мартынов // Социс. – 2009. – № 11. – С. 138–141.
8. Доклад Президента А.Г. Лукашенко на постоянно действующем семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов по вопросам совершенствования идеологической работы 27 марта 2003 г. [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: http://dossier.bymedia.net/index.php?option=com_apressdb&view=publications&layout=entry&id=21313. – Дата доступа: 01.02.2014.
9. Баграмов, Э.А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов / Э.А. Баграмов // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 34–51.

Поступила в редакцию 21.10.2014 г.

Принята в печать 29.12.2014 г.

УДК 101.1:316:314.012

Демографический кризис восточнославянских народов: пути преодоления

Кубасов Е.А.

Учреждение образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», Гродно

Смена ценностной парадигмы формирования репродуктивных и матримониальных установок, отход от «традиционных семейных ценностей», обуславливающие современный низкий уровень рождаемости, являются основополагающими аспектами демографического кризиса восточнославянских народов (белорусов, русских, украинцев).

Цель настоящего исследования – анализ перспективных путей преодоления существующего в восточнославянских обществах демографического кризиса.

Материал и методы. *Методологическую основу исследования составляют общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение), общелогические и статистические методы.*

Результаты и их обсуждение. *В исследовании обосновывается необходимость слома господствующей в современных восточнославянских обществах ценностной парадигмы становления репродуктивных и матримониальных установок путем формирования соответствующих просемейных ценностей у детей и молодежи с одновременным повышением статуса института семьи, брака и престижа родительства в обществе.*

Заключение. *Здоровая многодетная детоцентристская семья рассматривается как основа демографического подъема восточнославянских обществ. В качестве важной составляющей демографического благополучия белорусов, русских и украинцев признается целенаправленная демографическая и миграционная политика государства, соответствующие поддерживающие экономико-правовые меры, духовно-нравственное оздоровление общества, пропаганда здорового образа жизни.*

Ключевые слова: *восточнославянские народы, демографический кризис, матримониальные установки, репродуктивные установки, детоцентристская семья, фамилизм.*

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 107–113)

Ways to Overcome Demographic Crisis of East Slavonic Peoples

Kubasov E.A.

Educational establishment “Grodno State Yanka Kupala University”, Grodno

Shift in value paradigm of forming reproductive and matrimonial attitudes as well as break up with “traditional family values” that causes contemporary fall in birth rate, are considered to be main causes of the demographic crisis of East Slavonic peoples (Belarusians, Russians, Ukrainians).

The research objective is to analyze perspective ways to overcome demographic crisis of East Slavonic peoples.

Material and methods. *The methodological base of the research is general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction, generalization), general logical and statistic methods.*

Findings and their discussion. *The author advances the idea of necessity to demolish prevailing value paradigm of reproductive and matrimonial attitudes in contemporary East Slavonic societies by forming appropriate family values of children and youth alongside with raising the status of family, marriage and parenthood in society.*

Conclusion. *Strong child-centered family with many children is considered to be the foundation for demographic rising of East Slavonic peoples. As important constituent parts of demographic well-being of Belarusians, Russians and Ukrainians, the author considers: purposeful demographic and migration state policy, appropriate supportive economic and legal arrangements, spiritual and moral recovery of society, healthy-life propaganda.*

Key words: *East Slavonic peoples, demographic crisis, matrimonial attitudes, reproductive attitudes, child-centered family, familism.*

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 107–113)

Адрес для корреспонденции: e-mail: live4egor@mail.ru – Е.А. Кубасов

Современное состояние демографической сферы восточнославянских народов (белорусов, русских, украинцев) можно охарактеризовать как кризисное, обусловленное следующими негативными демографическими трендами: низкий, не обеспечивающий простое воспроизводство поколений, уровень рождаемости; регрессивная возрастная структура; упадок института семьи, выражающийся в увеличении случаев отказа от брака в пользу бессемейных форм сожительства, повышении возраста вступления в первый брак и высоком уровне разводов; зависимость демографической сферы восточнославянских народов от внешних миграционных потоков.

Результатом такой направленности развития демографической сферы восточнославянских народов является депопуляция и снижение их демографического потенциала. Сегодня, по прошествии более 20 лет с начала активной депопуляции восточнославянских народов, преодолеть ее все еще не удалось. В Беларуси и Украине фиксируется общегосударственная депопуляция. Так, в Беларуси на 1 января 2014 года естественная убыль населения составила 7409 человек [1], в Украине на 2013 год – 158700 человек [2]. В России ситуация иная: на фоне общегосударственного роста численности населения происходит последовательное сокращение в нем доли русских. Если в 1989 году русские в населении России составляли 81,5%, то к 2002 году их численность сократилась до 79,8%, а к 2010 г. – до 77,7% [3].

Упадок демографического потенциала восточнославянских народов, определяющийся, с одной стороны, численностью репродуктивно активных представителей в составе общности, с другой – их детородной активностью, обнаруживается сегодня, в первую очередь, в том, что каждое новое поколение детей лишь на 75% воспроизводит поколение своих родителей. В ближайшем будущем этот потенциал будет и дальше снижаться: помимо низкого уровня количества рождений на него все большее воздействие будет оказывать сокращение количества рожающих, так как в детородный возраст будут входить малочисленные когорты детей 1990-х годов. Таким образом, сложившиеся на сегодняшний день направленность развития демографической сферы, структура и параметры воспроизводства восточнославянских народов будут и в дальнейшем обуславливать депопуляцию, их численность будет уменьшаться еще длительное

время, особенно сильно во втором и третьем десятилетиях XXI века [4, с. 82].

Цель настоящего исследования – анализ перспективных путей преодоления существующего в восточнославянских обществах демографического кризиса.

Материал и методы. Источниковедческой базой исследования выступает научная литература отечественных авторов (русских и белорусских) по проблематике современной направленности развития демографической сферы восточнославянских обществ; используются статистические данные Национальных статистических комитетов Беларуси, России и Украины. Методологическую основу исследования составляют общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение), общелогические и статистические методы.

Результаты и их обсуждение. Ключевым фактором сегодняшнего демографического кризиса выступает снижение рождаемости до уровня, не обеспечивающего простое воспроизводство поколений. Это одна из главных причин развернувшейся сегодня в восточнославянских обществах депопуляции (падение рождаемости на 99,4% обуславливает снижение нетто-коэффициента воспроизводства). Падение рождаемости восточнославянских народов – длительный процесс, развернувшийся на протяжении XX – начала XXI в. Решающий вклад в его развитие внес распад традиционной патриархальной крестьянской семьи, вызванный урбанизацией и массовой миграцией в города, резко ускорившихся с конца 1920-х годов. Так, если в начале XX века в деревне проживало 87% населения Российской Империи, то сегодня в трех восточнославянских государствах 71% населения проживает в городах (73,8% – в России, 63,8% – в Украине, 76,3% – в Беларуси) [5, с. 98]. Корреляцию между местом проживания, обуславливающим быт, потребности людей (как материальные, так и духовные), и размером семьи можно до сих пор четко проследить на примере Беларуси: суммарный коэффициент рождаемости по республике – 1,6, в то время как в сельской местности он составляет 2,6 ребенка [6].

Важным источником снижения рождаемости стала секуляризация восточнославянских обществ. Контроль над демографическим и семейным поведением людей со стороны церкви (запрет аборт и разводов) выполнял важную роль в традиционной восточнославянской семье, формировал соответствующие

репродуктивные и матримониальные установки, предопределял установку на многодетность. Современное же репродуктивное и матримониальное поведение – это результат индивидуального выбора человека; вековой контроль как со стороны церкви, так и со стороны общества и государства утрачен. На смену традиционным для восточнославянских обществ коллективистским ценностям пришли ценности индивидуальной автономии во всех сферах жизни, и семья не является исключением. Сегодня такой индивидуальный выбор все реже делается в пользу детей и семьи, а все чаще в пользу самореализации, саморазвития, индивидуального успеха.

Снижение рождаемости восточнославянских народов, таким образом, непосредственно связано с ценностной сферой и вызвано переориентацией репродуктивных установок. Следовательно, если демографический упадок вызван кризисом ценностных установок, то и выход из него также находится в ценностной сфере. Сегодня поколения детей формируют свои семьи по образу и подобию поколений своих малолетних родителей. Более того, в соответствии с проведенными исследованиями, репродуктивные установки детей даже ниже, чем у их родителей: суммарный коэффициент рождаемости у них на 0,3–0,4 меньше [7, с. 311–312]. Таким образом, современная малолетняя семья формирует соответствующие установки на малолетность у своих детей. Разрушить эту устоявшуюся негативную преемственность крайне тяжело.

Особое, центральное место в этом деле принадлежит самому институту семьи, являющемуся основным воспроизводящим народонаселение институтом. От его эффективного функционирования напрямую зависит демографическое благополучие восточнославянских обществ. Именно семья позволяет решить одновременно как количественную, так и качественную проблему: обеспечивая не просто численный прирост населения, но, что самое главное, и соответствующее духовно-нравственное воспроизводство. Важнейшей социально-культурной задачей для восточнославянских обществ сегодня является воспитание в семье у новых поколений желания иметь собственную полноценную семью, желания и потребности к воспроизводству рода. Именно семья, являясь первой ступенью социализации и инкультурации детей, формирует их мировоззрение, нравственные идеалы, ценности, прямым образом влияет на станов-

ление их матримониальных и репродуктивных установок. Задача сегодняшних отцов и матерей – сформировать у своих детей семейно-детный образ жизни, воспитывать их в духе фамилизма.

Эта работа в дальнейшем должна продолжаться в школах и вузах. Учебные программы должны воспитывать здоровую личность, готовую и желающую иметь здоровую полноценную семью. Важное значение в процессе воспитания такой личности в вузе принадлежит дисциплинам социогуманитарного блока, так как именно они непосредственно формируют мировоззрение учащегося. В этом отношении крайне негативным представляется сегодняшнее реформирование высшей школы в Беларуси и России, направленное на сокращение преподавания социогуманитарных дисциплин.

Процесс формирования нужной ценностной ориентации у детей в семье, школе, вузе – это долгий процесс. Результаты «взойдут» лишь через 20–25 лет, однако без такой целенаправленной работы сломить господствующую сегодня парадигму формирования у молодежи ценности материнства-отцовства и привить необходимые репродуктивные установки на многодетность вряд ли представляется возможным.

Формирование таких ценностных установок у детей должно идти параллельно с повышением статуса семьи в обществе. Сегодня родительство, рождение и воспитание детей не находят в обществе надлежащего признания. Перед родителями, а особенно перед многодетными родителями, общество должно быть в неоплатном долгу, так как родительство непосредственно направлено на воспроизводство населения, его плодами пользуются все государственные и социальные институты и от его эффективности напрямую зависит будущее восточнославянских обществ. В реальности же сегодня родительский труд в общественном мнении не делает человека, к сожалению, полезным членом общества [7, с. 312].

Более того, многодетность сегодня уже воспринимается как некое проявление девиантного поведения, все чаще ассоциирующееся с нищетой, неблагополучием и безответственностью. В современном обществе потребления престижным и почетным считается обладание материальными благами и рост прибыли, в то время как рост числа детей в семье не находит соответствующего признания в

обществе. Сегодня «число детей, как выражение экзистенциальных желаний человека, прямо связанных с существованием нации, человечества, перемещается вниз иерархии ценностей, заслоняется другими, более престижными приоритетами, такими, как рациональность и свобода выбора, равноправие, справедливость и т.д. Это типичный пример игнорирования экзистенциального критерия, выдвигания каких-либо условий, кажущихся более важными, чем само существование» [8, с. 34].

В повышении статуса семьи, престижа родительства огромную роль должны сыграть средства массовой информации, телевидение, киноиндустрия. Кризис пронаталистических ценностей в современном обществе «усугубляет очередная “культурная революция”, ниспровергающая все традиционные ценности и идеалы. Одна из главных целей современных средств массовой информации заключается в дискредитации всего корпуса идей и ценностей, имеющих знак духовного и неутилитарного. Для достижения этой цели используются самые разнообразные средства – от тонкой иронии до неприкрытого глумления» [9, с. 4]. Истинная задача средств массовой информации в деле слома господствующей культурной парадигмы формирования демографического поведения состоит в том, чтобы посредством создания и трансляции позитивных образов счастливой семейной жизни формировать и распространять в обществе просемейные ценности. Пропаганда противоположных ценностей и идеалов должна пресекаться любыми доступными способами, вплоть до таких «радикальных» для сегодняшнего либерального общества законодательных мер, как цензура.

В деле сокращения смертности восточнославянских народов от управляемых, внешних причин большое значение имеет совершенствование национальных систем здравоохранения и массовая пропаганда здорового образа жизни. Здравоохранение должно рассматриваться как одно из центральных направлений социальной политики государства, так как от его эффективности напрямую зависит репродуктивное здоровье населения. В деле формирования бережного отношения человека к собственному здоровью и жизни необходима не просто спорадическая агитация отдельными общественными организациями борьбы с курением, алкоголизмом, наркоманией, но и целенаправленные, последовательно реализуемые государственные программы оздоровления восточнославянских народов.

Преодоление кризиса демографической сферы требует эффективной целенаправленной демографической политики государства и соответствующих экономико-правовых мер. Рождение и воспитание детей как деятельность по воспроизводству человеческого капитала, от которой, в конечном счете, зависит будущее страны, должна находить соответствующую поддержку в политике государства. Эффективность экономического поощрения рождаемости в виде выплат, пособий, льгот весьма краткосрочна, а их наибольшая эффективность обнаруживается на начальном этапе внедрения. Так, введение материнского капитала в России способствовало реализации имеющихся у населения репродуктивных установок. Все, кто хотел полностью удовлетворить имевшуюся у них потребность в детях, – сделали это в 2007–2012 годы, и никакие новые пособия на этих родителей уже не действуют, так как потребность в детях у них полностью удовлетворена [7, с. 312]. Таким образом, рассматривать экономические меры следует не как стимулирующие, а в качестве поддерживающих, без которых, впрочем, выход из демографического кризиса невозможен. В условиях, когда у родителей есть установка на первого, второго, третьего и т.д. ребенка, любая помощь со стороны государства, особенно материальная и жилищная, способствует реализации таких репродуктивных установок. В случае когда таких установок нет, подобное стимулирование не приносит ожидаемых результатов. Более того, по прошествии некоторого времени с момента внедрения, такой механизм экономического стимулирования рождаемости начинает восприниматься родителями как данность и поддержание его эффективности требует со стороны государства все больших вложений и новых инновационных решений.

Не стоит недооценивать и роль законодательных мер, регулирующих демографическое поведение. Любой закон призван устанавливать и регулировать норму в обществе. После принятия соответствующих законодательных актов в 1955–1970-х годах на протяжении жизни одного поколения, развод и аборт стали нормой в восточнославянском обществе. В современных условиях господства либерально-демократических настроений в обществе запреты аборт, разводов, правовое ограничение использования контрацептивов будут малоэффективными и вызовут только отторжение демографической полити-

ки государства. Вместо прямого запрета более эффективным представляется косвенное воздействие на применение подобных практик в виде распространения соответствующих морально-этических норм, например, отрицающих развод и аборт, и резкого осуждения и неприятия такого репродуктивного и матримонимального поведения со стороны общества.

От мер демографической политики, направленной на повышение рождаемости, не стоит ожидать быстрой отдачи, во-первых, ввиду инерционности демографических процессов, во-вторых, по причине отложенного эффекта принимаемых мер. Поэтому политическая элита, в частности, главы восточнославянских государств, формулирующие и реализующие демографическую политику, должны ставить интересы народа, его будущее выше своих собственных политических амбиций. Подлинно эффективная демографическая политика может осуществляться только патриотически настроенными лидерами, ведь эффект от сегодняшних решений проявится лишь через поколения, когда их политическая карьера уже будет закончена и, в этом отношении, не принесет ожидаемых «очков» и ощутимого роста политического веса таких лидеров в настоящем.

Человек – важнейший ресурс государства. Как и в случае с любым другим ценным ресурсом, государство должно исключить любые посягательства на него извне. В демографической сфере, в первую очередь, ограничить влияние на репродуктивное и матримонимальное поведение людей деятельности иностранных организаций по планированию семьи, отказаться от самой идеи внедрения в национальные правовые системы института ювенальной юстиции, навязываемой сегодня «прогрессивным» Западом, пресекать любое распространение в восточнославянских обществах теоретических заблуждений относительно депопуляции как механизма преодоления глобальных экологических и экономических проблем, запрещать пропаганду движения «чайлдфри», «синглтонов» и однополых браков.

В области миграции необходима целенаправленная миграционная политика со стороны государства. Она, в первую очередь, должна быть направлена на совершенствование контроля и сокращение нелегальной миграции, а также создание экономических условий для сокращения оттока, прежде всего, квалифицированных кадров и специалистов

из восточнославянских стран. Не стоит переоценивать роль миграции как способа снижения дефицита трудовых ресурсов в восточнославянских обществах. Важно учитывать наличие трудоизбыточных и трудодефицитных областей в национальных экономиках. Использование мигрантов оправдано и целесообразно лишь в тех сферах, где отсутствует спрос со стороны национальных трудовых ресурсов. Задача миграционной политики, таким образом, заключается сегодня во взвешенном квотировании миграции по отраслям и сферам экономики, с приоритетом на стимулировании притока высококвалифицированных кадров. В конечном итоге, решить проблему дефицита трудовых ресурсов можно не демографическими методами, в результате перехода от экстенсивных, направленных на наращивание объемов миграции, к интенсивным, связанным с повышением производительности труда. Так, по данным Организации экономического сотрудничества и развития, в 2011 году производительность труда в России составляла лишь 35,7% от уровня США, что существенно ниже уровня не только развитых стран (Франция – 95,8%, Канада – 76,8%), но и бывших социалистических экономик (Чехия – 49,5%, Венгрия – 44,2%, Эстония – 43%). Как показывает опыт развитых стран, посредством роста производительности труда можно добиться существенной относительной и абсолютной экономии наличных трудовых ресурсов, что создаст возможность их перемещения и реструктуризации в народном хозяйстве и составит основу роста экономик восточнославянских государств [10, с. 83].

В стремлении минимизировать потенциальные негативные социокультурные последствия миграции необходимо разрабатывать новые механизмы интеграции (правовые, экономические, культурные и т.д.) мигрантов в принимающие восточнославянские общества. В этой связи позитивным представляется принятие поправок в закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», согласно которому мигрантам при получении вида на жительство, патента, разрешений на временное проживание или работу теперь необходимо сдавать экзамен на подтверждение владения русским языком, знания истории России и основ законодательства.

На демографическое поведение людей большое влияние оказывает уровень социального оптимизма, вера в завтрашний день, эмоциональный подъем, наличие высоких

идей и задач, успехи собственного государства, рост национального самоуверждения. Согласно закону духовно-демографической детерминации, разработанному И.А. Гундаровым, при прочих равных условиях улучшение нравственно-эмоционального состояния общества сопровождается улучшением демографической ситуации. Духовно-нравственное и эмоциональное состояние восточнославянских обществ является важным фактором их демографического развития. Нравственно-эмоциональными чертами современного либерального общества стали: конкуренция всех со всеми, цинизм, тревожность, страсть наживы, распушенность, неуверенность в завтрашнем дне – все это вызывает массовое угнетение репродуктивной энергии народа [11, с. 119]. Следовательно, важным аспектом преодоления демографического кризиса является духовно-нравственное оздоровление восточнославянских обществ.

Современная направленность и характер развития демографической сферы восточнославянских обществ требуют объединения и сплочения трех народов в решении данной общецивилизационной задачи на основе общего социально-нравственного идеала. Этот идеал должен формулироваться в православной традиции на основе религиозного и светского мировоззрения. Православие на протяжении веков являлось защитником и опорой «традиционной семьи», сохраняло и распространяло пронаталистические ценности, резко выступало против любых отклонений в матримониальном и репродуктивном поведении. Поэтому преодоление существующего демографического кризиса во многом можно достичь через воцерковление. В восточнославянских обществах ему «подлежат не индивидуумы, но вся русская культура, наука, мысль вместе взятые. Только таким образом коллективному самосознанию нации будет придана духовная вертикаль, которая, в свою очередь, превратит проблему демографического роста в некое духовное задание на основе православной этики, запрещающей, например, контрацепцию и аборт» [12, с. 256].

Заключение. Преодоление демографического кризиса сегодня должно стать не просто национальной, но центральной общецивилизационной идеей, сверхзадачей восточнославянских обществ. Ее реализации должны быть подчинены все сферы и институты общественной жизни, в противном случае, долго-

срочное сохранение численности белорусов, русских и украинцев будет невозможно.

В решении сложившегося сегодня в восточнославянском мире демографического кризиса необходим комплексный подход. Взаимодействие трех институтов – семьи, церкви и государства – должно быть направлено на решение одной задачи – перестройку ценностных ориентиров современного общества. Преодоление демографического упадка связано, в первую очередь, с ценностной сферой. Сегодня необходима системная работа всех социальных институтов, направленная на реставрацию в обществе традиционных семейных, репродуктивных и матримониальных ценностей. Решающий вклад в этот процесс должна внести семья, непосредственно воспроизводящая и воспитывающая новые поколения в духе фамилизма, формирующая в детях здоровую личность, желающую иметь здоровую детоцентристскую семью в будущем. В дальнейшем эта работа должна продолжаться в школах и вузах.

В центре социальной и демографической политики государства должны находиться семья и институт брака, так как от их состояния напрямую зависит демографическая ситуация в восточнославянских обществах. Способствовать демографическому подъему сегодня может повышение статуса семьи в обществе, формирование социального оптимизма и позитивного нравственно-эмоционального состояния, пропаганда здорового образа жизни и бережного отношения людей к здоровью.

Будущее восточнославянской цивилизации – в многодетной семье, в противном случае, триединому восточнославянскому народу грозит превращение в планетарное меньшинство, лишенное какой-либо цивилизационной и культурной идентичности. Только воспроизводство населения внутри восточнославянской цивилизации позволяет обеспечить необходимую межпоколенческую замкнутость и преемственность поколений, выступающих необходимым условием эффективной трансляции и сохранения восточнославянской цивилизационной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные показатели демографического развития Республики Беларусь / Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа:

- <http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Osn-pokaz-RB-1-kv-12052014.pdf>. – Дата доступа: 13.02.2014.
2. Население (1990–2013 гг.) / Государственная служба статистики Украины [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/ds/nas_rik/nas_r/nas_rik_r.html. – Дата доступа: 10.05.2014.
 3. Щербакова, Е. Доля титульной нации возрастает во всех странах, кроме России / Е. Щербакова // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0559/barom02.php>. – Дата доступа: 11.03.2014.
 4. Шахотько, Л.П. Демографические проблемы Республики Беларусь и пути их решения / Л.П. Шахотько // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 4. – С. 73–85.
 5. Рашин, А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) / А.Г. Рашин. – М.: Гос. статист. изд-во, 1956. – 352 с.
 6. Рост рождаемости наблюдается в 2013 году / Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://mintrud.gov.by/ru/rost-rozhdaemosti-nablyudaetsya-v-2013-godu>. – Дата доступа: 13.02.2014.
 7. Антонов, А.И. Судьба семьи в России XXI века / А.И. Антонов, С.А. Сорокин. – М.: Изд. дом «Грааль», 2000. – 416 с.
 8. Антонов, А.И. Катастрофические изменения института семьи и крайняя настоятельность просемейной политики / А.И. Антонов // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: материалы IV Очередного Всерос. социол. конгресса. – М.: РОС, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD ROM).
 9. Романов, О.А. Восточнославянская цивилизация в горизонте открытой истории: монография / О.А. Романов. – Гродно: ГрГУ, 2014. – 334 с.
 10. Соболев, Э.Н. О демографическом кризисе, трудовом дефиците и потребности в мигрантах / Э.Н. Соболев // Демография и экономика: можно ли сберечь народ России? Материалы круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Б.Ц. Урланиса. – М.: ИЭ РАН, 2007. – С. 77–85.
 11. Гундаров, И.А. Новая стратегия повышения рождаемости / И.А. Гундаров // История и современность. – 2009. – № 1. – С. 115–129.
 12. Дугин, А. Основы геополитики: геополитическое будущее России / А. Дугин. – М.: Арктогея, 1997. – 608 с.

Поступила в редакцию 23.09.2014 г.

Принята в печать 29.12.2014 г.

УДК 7.01:7.038

Інтэрпрэтацыі катэгорыі “традыцыя” ў тэорыі і практыцы мастацтва мадэрнізму і постмадэрнізму

Цыбульскі М.Л.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

“Традыцыя” належыць да ліку найбольш універсальных паняццяў, якія ахопліваюць усе сферы чалавечага жыцця і культуры. Кожны гістарычны перыяд вылучае сваю канцэпцыю традыцыі. Напачатку і напрыканцы XX стагоддзя адносіны да “традыцыі” як да катэгорыі, якая з’яўляецца важным элементом эстэтычнай свядомасці, былі супрацьлеглыя, ды і сама “традыцыя” ў гэты час падверглася трансфармацыі.

Мэта дадзенага артыкула заключаецца ў выяўленні эстэтычнай своеасаблівасці і ролі катэгорыі “традыцыя” ў мастацкіх працэсах, аналізе канцэпцый традыцыі ў тэорыі і практыцы мадэрнізму і постмадэрнізму, у вызначэнні своеасаблівасцей раішэння праблемы суадносін традыцыі і інавацыі ў мастацкай культуры XX стагоддзя.

Матэрыял і метады. Метадалогія дадзенага даследавання вызначаецца найбольш прадуктыўным у дадзеным выпадку міждысцыплінарным сістэмным падыходам да вывучаемай праблемы. У працы выкарыстаны гістарыяграфічны і тэарэтыка-метадалагічны аналіз прац навукоўцаў, якія звярталіся да праблем традыцыі і наватарства ў філасофіі, мастацтвазнаўстве, эстэтыцы.

Вынікі і іх абмеркаванне. Амбівалентнае стаўленне да традыцыі ўключае разуменне яе ўніверсальнага гістарычнага значэння і адчуванне яе негатыўнай ролі як сілы, якая ў той ці іншай ступені стрымлівае індывідуальную ініцыятыву і крытычнае мысленне.

У XX стагоддзі звернуты ў будучыню мадэрнізм абвясціў адыход ад векавых традыцый класікі і нават распачаў сапраўдную барацьбу з традыцыяй. Прыхільнасць да традыцыі ў кантэксце мадэрнізму расцэнвалася як прыкмета адсталасці.

Характэрнай рысай мастацтва постмадэрнізму стала імкненне аб’яднаць стылі розных эпох, прызнаць каштоўнасць шматвяковых і шматнацыянальных традыцый у культурнай спадчыне розных краін і народаў. Дамінантнымі адзнакамі новых падыходаў да традыцыі становяцца прынцыпы множнасці і дзіерархічнасці. А само паняцце традыцыі фактычна замяшчаецца паняццем інтэртэкстуальнасці.

Заклучэнне. Праведзенае даследаванне дазволіла выявіць своеасаблівасць трактоўкі катэгорыі “традыцыя” ў мадэрнісцкай і постмадэрнісцкай эстэтычных парадыхмах. Пры гэтым розныя погляды на традыцыю ў ракурсе мадэрнізму і постмадэрнізму не адмяняюць універсальнасці, уласцівай ёй на працягу ўсёй гісторыі чалавецтва.

Ключавыя словы: традыцыя, мадэрнізм, постмадэрнізм, тэорыя і філасофія мастацтва.

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 114–121)

Interpretations of the Category of Tradition in the Theory and Practice of the Art of Modernism and Postmodernism

Tsybulski M.L.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masharov University”, Vitebsk

The concept of tradition belongs to most universal ones, which embrace all spheres of human life and culture. Every historical period has its own concept of tradition. In the early and late XX century attitude to tradition as a category, which is an important element of aesthetic consciousness, was contradictory and the tradition itself was transformed.

The purpose of the article is finding out aesthetic peculiarity and role of the category of tradition. While the concept of tradition itself is actually substituted by the concept of intertextuality.

Conclusion. The research made it possible to find out peculiarity of the interpretation of the category of tradition in modernist and postmodernist aesthetic paradigms. At the same time, different ideas of tradition from the point of view of modernism and postmodernism don’t reject universality which is typical to it during the whole history of mankind.

Key words: tradition, modernism, postmodernism, theory and philosophy of art.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 114–121)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: mtsybulsky@rambler.ru – М.Л. Цыбульскі

Традыцыя як катэгорыя, якая з’яўляецца важным элементом розных узроўняў эстэтычнай свядомасці, у XX стагоддзі падверглася трансфармацыі, складаным перабудовам і нават поўнаму адмаўленню. Адмова ад вековых традыцый класікі стала адной з асноўных асаблівасцей мастацтва мадэрнізму. Сучасная культурна-мастацкая сітуацыя перад эстэтычнай навукай і мастацтвам паставіла шмат пытанняў, сярод якіх трансфармацыя класічных эстэтычных катэгорый і фарміраванне новага катэгарыяльнага апарату некласічнай эстэтычнай навукі. Спробы вызначыць сутнасць катэгорыі “традыцыя” ў тэорыі і практыцы некласічнай эстэтычнай свядомасці ўяўляюць сабою актуальную даследчую задачу. У дадзеным артыкуле мы паспрабуем выявіць спецыфічныя якасці катэгорыі “традыцыя”, характар і сэнс зменаў, што адбываюцца з ёй, а значыць – вызначыць логіку і скіраванасць развіцця сучаснай культуры і мастацтва.

Мэта дадзенага артыкула заключаецца ў выяўленні эстэтычнай своеасаблівасці і ролі катэгорыі “традыцыя” ў мастацкіх працэсах, аналізе канцэпцый традыцыі ў тэорыі і практыцы мадэрнізму і постмадэрнізму, у вызначэнні своеасаблівасцей рашэння праблемы суадносін традыцыі і інавацыі ў мастацкай культуры XX стагоддзя.

Значныя крокі па выяўленні структуры і спосабаў функцыянавання розных традыцый, класіфікацыі традыцый былі зроблены ў мастацтвазнаўчых публікацыях апошніх дзесяцігоддзяў. Пытанні традыцый і наватарства, розныя аспекты ролі традыцый у мастацтве разглядаюцца ў працах Г.-Гадамера, Р. Генона, І. Гердэра, Ю. Давыдава, Р. Джангужіна, А. Зісь, Д. Зільбермана, А. Каменскага, І.Т. Касавіна, Т. Кафарава, Е. Катаева, У. Конана, І. Кулікова, А. Мальдзіса, М. Няклюдавай, Л. Немчанка, В. Плахава, Н. Сонцава, І. Суханава, Ф. Турсун-Задэ, В. Уласавай, С. Франка, Я. Шацкага, Т. Эліот і інш. Навуковая літаратура, прысвечаная розным аспектам вывучэння катэгорыі традыцыі, у цэлым сведчыць пра значнасць гэтай праблемы і ўстойлівую цікавасць да яе навукоўцаў. Па-ранейшаму змест традыцый, узаемадачынненні традыцый і інавацыі застаюцца актуальнай праблемай і становяцца падставой і тэмай для разважанняў і вострай палемікі.

Матэрыял і метады. Метадалогія дадзенага даследавання вызначаецца найбольш прадуктыўным у дадзеным выпадку міждысцыплінарным сістэмным падыходам

да вывучаемай праблемы. У працы выкарыстаны гістарыяграфічны і тэарэтыка-метадалагічны аналіз прац навукоўцаў, якія звярталіся да праблем традыцыі і наватарства ў філасофіі, мастацтвазнаўстве, эстэтыцы.

Філасофскі статут тэрміна “традыцыя” складаецца з комплексу каштоўнасцей уяўленняў, нормаў паводзінаў, звычай і навыкаў практычнай і грамадскай дзейнасці, формаў свядомасці і інстытутаў чалавечых зносін, якія характарызуюць сувязь сучаснасці з мінулым, перадаюцца з пакалення ў пакаленне і выступаюць адным з рэгулятараў грамадскіх адносін. Па сутнасці, традыцыя ўяўляе сабой групавы досвед, выяўлены ў сацыяльна-арганізаваных стэрэатыпах, своеасаблівую актуалізацыю мінулага і мабілізацыю яго ў інтарэсах сучаснасці. Прыкметна, што дадзенае вызначэнне дазваляе выключыць з традыцыі індывідуальны досвед як не калектыўную з’яву.

Старажытнасць традыцыі – адна з важных умоў яе трываласці і ўкараненасці ў соцыуме. “Чым больш традыцыя праіснавала, чым менш яна змянялася, тым вышэй яе статут, тым мацней яна стаіць перад усімі магчымымі спробамі крытыкаваць яе з пазіцый сучаснасці. Іншымі словамі, час існавання стварае для традыцыі адмысловую сакральную абарону” [1].

У шырокім сэнсе слова з’яў па-за традыцыямі проста не існуе. Нішто не нараджаецца на пустым месцы, без засваення мінулага вопыту. Традыцыі акумуляуюць тыя арганічныя рысы розных бакоў жыццядзейнасці, якія адбіраюцца, захоўваюцца і развіваюцца пакаленнямі як лепшыя, тыповыя, звыклыя. Пры гэтым трэба разумець, што традыцыі не ўяўляюць сабой нешта раз і назаўжды дадзенае, застылае, нерухомае, не з’яўляюцца сінонімам мінулага. Традыцыям таксама ўласціва трансфармацыя. Сутнасць традыцыі лепш за ўсё выяўляецца не ў застылым вызначэнні, а падчас яе існавання ў рэальнай і “жывой” прасторы соцыума. Як вядома, традыцыя па сваёй сутнасці кансерватыўная. Калі побач з традыцыяй узнікае яе супрацьлегласць – контртрадыцыя, то практычна заўжды адна з традыцый будзе імкнуцца здзішыць іншую, усталяваць сваё непадзельнае дамінаванне ў соцыуме, каб у далейшым звесці яе да поўнага забыцця.

Як форму і механізм захавання і развіцця гістарычнага і сацыякультурнага досведу традыцыю можна разглядаць у шматлікіх аспек-

тах – камунікатыўным, трансляцыйным, аксіялагічным, гнасеалагічным, эмацыйным, дзейсным і інш. Але ў любым з іх паняцце традыцыі мае на ўвазе пераемнасць.

Адрозніваюць тры асноўныя тыпы традыцый: этнічныя (народныя), нацыянальныя і сацыяльныя традыцыі. Любы тып традыцыі – гэта, у першую чаргу, досвед, які назапашваецца ў выглядзе сістэмы стэрэатыпаў і выяўляецца, рэалізуецца ў формах звычайў, рытуалаў, абрадаў, цырымоній, святаў і інш.

Вядомы даследчык мастацтва XX стагоддзя А. Каменскі вылучае “традыцыю” як “сілу мастацкай дынамікі”, як “канон” і адной з асноватворных вызначае “этнатрадыцыю” [2, с. 202–244]. Зразумела, што этнічныя традыцыі звязаны з рознымі відамі народнай творчасці – фальклорам, а таксама мастацкімі рамёствамі. Аднак не ўсюды народныя традыцыі належаць да мастацкіх, як і не ўсе мастацкія традыцыі з’яўляюцца народнымі. Да народных, у першую чаргу, належаць этнасацыяльна значныя традыцыі.

Відавочна, “традыцыя традыцый” – гэта пісьменнасць, з дапамогай якой адбываецца атрыбуцыя, расшыфроўка і асэнсаванне элементаў спадчыны. Хоць па-ранейшаму асноўнай, самай выразнай, складанай і характэрнай формай рэалізацыі традыцый застаецца свята ў шырокім сэнсе гэтага слова. Сваё месца традыцыі маюць і ў выяўленчым мастацтве.

У агульнафіласофскім кантэксце нацыянальныя традыцыі – гэта сістэма нацыянальных стандартаў, якія замацоўваюць у свядомасці чалавека ідэі гонару, велічы і годнасці яго нацыі, гераічнай нацыянальнай гісторыі, высакароднасці яго народа ва ўсіх мінулых і сучасных дзеях, яго выбітных (па сусветнай значнасці) літаратуры, мастацтве, навучы і інш.

Сацыяльная традыцыя – гэта не абмежаваная ніякімі рамкамі нацыянальных традыцый “мульцікультурнасць”, якая прадугледжвае ў мастацкім творчым працэсе выкарыстанне розных формаў, моў, стыляў і інш.

Вынікі і іх абмеркаванне. Амбівалентнае стаўленне да традыцыі ўключае разуменне яе ўніверсальнага гістарычнага значэння і адчуванне яе негатыўнай ролі як сілы, якая ў той ці іншай ступені стрымлівае індывідуальную ініцыятыву і крытычнае мысленне, склалася ў еўрапейскай культуры ўжо ў пачатку XIX стагоддзя. Каштоўнасць традыцыі ў гегелеўскай філасофіі магла б параўнацца з роляй “тэзы”,

наяўнасць якой неабходна для працэсу станаўлення таксама, як і яго адмаўлення. Карлам Марксам традыцыя тлумачыцца як выражэнне класавых і групавых інтарэсаў, як складнік ідэалогіі, як прылада маніпулявання масавай свядомасцю. Для Фрыдрыха Ніцшэ традыцыя ёсць квінтэсэнцыя абыяцельскай коснасці, якая замінае станаўленню звышчалавека і падлягае адмаўленню.

У той жа час тэрмін “традыцыя” становіцца цэнтральным у інтэгральным традыцыяналізме. Канцэпцыі інтэгральнага традыцыяналізму асэнсоўваюць традыцыю як утоеныя сакральныя веды, якія, тым не менш, беззваротна згублены для заходняга грамадства [3, с. 6]. Аднак традыцыя, па меркаванні Р. Генона і Ю. Эволя, не знікла бяследна, яна стала таемнымі сакральнымі ведамі, якія перадаюцца ў выніку ініцыяцыі. Прадстаўнікі інтэгральнага традыцыяналізму лічаць, што “ў традыцыі няма нічога агульнага ні з мясцовым каларытам, ні з народнымі звычаямі, ні з мудрагелістымі дзеяннямі мясцовых жыхароў (...). Гэта паняцце злучана з вытокамі: традыцыя – гэта перадача комплексу ўкаранёных спосабаў палягчэння нашага разумення сутнасных прынцыпаў універсальнага (сусветнага) парадку, бо без старонняй дапамогі чалавеку не дадзена зразумець сэнс свайго існавання” (...). Ідэя, найболей эквівалентная і найболей здольная адлюстравать сэнс слова “традыцыя”, – гэта духоўныя адносіны паміж майстрам і вучнем. Значыць, гэта стваральнае ўздзеянне, аналагічнае духоўнаму пакліканню ці натхненню, настолькі ж рэальнае для духу, як спадчыннасць для цела [4, с. 3–4].

Супярэчлівасць прыроды традыцыі спараджае крайнасці ў яе ўспрыманні і адзнацы. З аднаго боку, традыцыя выглядае як апалогія і кансервацыя мінулага, знак нязменнасці, а парой – сінонім адставання і нават адсталасці. З іншага боку, традыцыя выступае як неабходная ўмова захавання, пераемнасці і ўстойлівасці чалавечага быцця, перадумовай і пачаткам фарміравання ідэнтычнасці чалавека, групы ці цэлага соцыума.

Сапраўды, традыцыя ў розных тыпах грамадства і розных перыяды гісторыі выступае адным з найважнейшых каштоўнасцей прыярытэтаў чалавецтва. І калі ва ўмовах традыцыйнага тыпу грамадства традыцыя аказваецца фактарам, што спрыяе яго ўстойлівасці, то ў інавацыйным грамадстве традыцыя выступае ключавым фактарам, пераадоленне якога становіцца падставай для

руху да новай якасці. “Экзістэнцыяльная сутнасць каштоўнасці традыцыі заключана ў тым, што яна дазваляе станоўча вырашыць ключавыя сэнсава-жыццёвыя пытанні. Сярод іх пытанне пра сэнс асобнага жыцця (...). Акрамя таго – найважнейшае пытанне асабістай неўміручасці, рашэнне якога становіцца магчымым праз пераадоленне забыцця, праз увекавечанне каштоўнасцей аднаго пакалення ў памяці іншага дзякуючы пераемнасці традыцыі. У гомеастатычным, традыцыйным і інавацыйным грамадстве роля традыцыі мае свае характэрныя рысы, але ў кожным з выпадкаў яна з’яўляецца крыніцай адзінства, цэласнасці грамадства” [5].

Нават агульны аналіз філасофскіх канцэпцый “традыцыі” дае магчымасць убачыць варыятыўнасць значэнняў гэтага паняцця. “Адпаведна, традыцыя аказваецца канструяванай мадэллю, набываючы спецыфічную канфігурацыю ў залежнасці ад спецыфікі філасофскага дыскурсу” [6]. Напэўна, сімвалічна і тое, што, спрабуючы зразумець традыцыю, мы звяртаемся да філасофіі, але ў ходзе аналізу нечакана для сябе выяўляем, што “сама філасофія, “высвечаная традыцыяй”, пачынае адкрывацца нам у нябачанай да таго шмаграннасці адценняў і сэнсаў” [1]. Актуальнасць і відавочнасць абазначанай вышэй праблемы нават паспрыяла стварэнню асаблівай дысцыпліны – “філасофіі традыцыі” [7].

Традыцыі і інавацыі ў мастацтве. Шматплановае паняцце традыцыі належыць да ліку складаных феноменаў і пранізвае розныя сферы чалавечай жыццядзейнасці. У некаторых галінах ведаў яно мае шырокае “поле сэнсаў”. Няма традыцый наогул, а ёсць традыцыі пэўнай сферы чалавечай дзейнасці. У кожнай сферы традыцыі валодаюць сваёй спецыфікай. Гэта адносіцца і да мастацтва.

У еўрапейскім мастацтве пачынаючы з Новага часу разуменне традыцыі ў цэлым грунтуецца на гістарычным падыходзе, што дазваляе ўбачыць і ацаніць ролю і значэнне традыцыі ў такім кантэксце. У эпоху Асветы фарміруецца крытычнае стаўленне да традыцыі як да феномену, абмежаванага часовымі рамкамі. Але ўжо кансерватыўны Рамантызм будзе сцвярджаць зусім процілеглае стаўленне да традыцыі, вызначаючы яе галоўнай рухаючай сілай гісторыі. Для эпохі мадэрну слова “традыцыя” пачне асацыіравацца, у першую чаргу, з тым, што злучана з мінулым, страціла навізну і таму супрацьстаіць развіццю і абнаўленню.

Стаўленне да традыцыі падчас далейшага развіцця мадэрну будзе станавіцца ўсё больш і больш негатыўным, саступаючы прыярытэты арыентацыі на наваццю.

У сучаснай тэорыі мастацтва дагэтуль няма агульнапрызнанага вызначэння тэрміна “традыцыя”. Розныя даследчыкі ўкладаюць у паняцце “традыцыя” розны змест. Адны пад традыцыяй у мастацтве разумеюць галоўным чынам устойлівасць захавання і пераемнасць выяў, формаў і прыёмаў. Іншыя разглядаюць традыцыю як працэс адбору, засваення, перадачы і развіцця існуючага гістарычна мастацкага досведу; ці як механізм узнаўлення мастацкага метаду, ці як пэўны тып суадносін паміж паслядоўнымі стадыямі развіцця аб’екта, калі “старое” пераходзіць у “новае” і прадуктыўна “працуе” ў ім, ці як спосаб захавання асаблівасцей тэматыкі і стылю.

Сапраўды, фарміраванню традыцыі спрыяюць мастацкія каштоўнасці мінулага, якія маюць агульнаагульназначную ці агульначалавечую значнасць. Традыцыя ў мастацтве – не проста механічная сума фармальных прыкмет, а дыялектычная з’ява, злучаная як з мінулым, так і з сучаснасцю і будучыняй. Звычайна традыцыя ўспрымаецца як своеасаблівая памяць мастацкай культуры, як спалучэнне актуальнага і сучаснага. Пры гэтым традыцыя ўключае не толькі ўжо вядомыя архетыпы творчага мыслення, але і адносна новыя прынцыпы мастацкага асэнсавання рэчаіснасці. Элементы традыцыі носяць характар устойлівага канону, а сама традыцыя захоўвае для сучаснасці значэнне мастацкага ўзору і забяспечвае бесперапыннасць паступальнага развіцця мастацтва. “Традыцыі ў мастацтве ўключаюць мастацка-эстэтычныя прынцыпы адлюстравання рэчаіснасці, якія склаліся гістарычна (традыцыі крытычнага рэалізму, сацыялістычнага рэалізму); цэласныя фармальна-змястоўныя структуры, што нясуць у сабе найбольш каштоўныя мастацкія дасягненні чалавецтва (жанравыя, родавыя, відавныя асаблівасці мастацтва); выяўленчавыразныя сродкі, уласцівыя спецыфічным формам мастацтва пэўнага народа (вобразныя рашэнні); элементы, уласцівыя мастацкім школам і кірункам (тэхніка выкарыстання матэрыялу, пабудова кампазіцыі, стылявыя асаблівасці)” [8, с. 52–54].

Традыцыям у мастацтве ўласцівы шырокі спектр іх інтэрпрэтацыі. Шляхі фарміравання і развіцця традыцый у розных галінах мастацтва розныя. На іх фарміраванне ўплываюць

шматлікія фактары: адны ўскосна, іншыя непасрэдна ўздзейнічаюць на характар вобраза і структуру мастацкай выявы. Вельмі часта традыцыі не выяўляюцца ў вонкавым падабенстве ці ў прамых запазычаннях і ўтоены ва ўнутраным змесце твора. У выяўленчым мастацтве традыцыя набывае мноства праяў, ад прымітыўнай імітацыі, стылізацыі пад традыцыю, да ўсведамлення традыцыі як свету высокіх архетыпаў.

Колькі б мы ні казалі пра традыцыі і іх асаблівасці, не варта забываць, што крыніцай традыцый, іх носьбітамі з’яўляюцца людзі. Авалоданне традыцыямі азначае не толькі азнаямленне з імі, але і ператварэнне мастацкага досведу ў неабходны момант уласнага развіцця. У гэтым працэсе ўзрастаюць магчымасці мастацкага засваення свету, адбываецца крышталізацыя новых традыцый. Але нягледзячы на тое, што традыцыя перадаецца звонку, яна не з’яўляецца прадуктам уласнага творчага ўяўлення індывіда і яму не належыць.

Як вядома, традыцыя і традыцыйнасць агульнапрызнаныя як спецыфічныя асаблівасці народнага мастацтва. У народным мастацтве гэтыя традыцыі калектыўнай творчасці складаліся стагоддзямі і шліфаваліся шматлікімі пакаленнямі людзей [9]. Даследчыца народага мастацтва М. Някрасава справядліва мяркуе, што традыцыя – гэта глыбока змястоўная і ўнутраная з’ява, аснова якой – правільнае стаўленне да нацыянальнай спадчыны. Але спадчына – гэта ўсё мастацтва мінулага, а ў традыцыю ж пераходзіць тое, што мае асаблівую каштоўнасць, што здольна па-новаму жыць у сучаснасці.

Традыцыя і наватарства – гэта суадносныя паняцці, супрацьлегласць і ўзаемазалежнасць якіх выяўляе рэальную дыялектыку ўсякага паўнаважнага акта мастацкай творчасці. Па сутнасці, недзе ў полі ўзаемадзеяння традыцый і наватарства ляжыць мастацтва кожнай эпохі. Традыцыя забяспечвае пераемнасць у мастацтве, дае навацыі кропку адліку для таго, каб было ад чаго адштурхвацца, з чым уступаць у плённы дыялог. Паміж традыцыяй і навацыяй існуюць сінхронна-дыяхронныя сувязі. Усякая традыцыя калісьці была навацыяй, а ўсякая навацыя ў выпадку паспяховага ўкаранення асуджана стаць традыцыяй. Нават такі вядомы рэфарматар жывапісу, як французскі мастак Анры Маціс, сцвярджаў, што, адмовіўшыся ад традыцыі, мастак можа дасягнуць толькі кароткачасовага поспеху і неўзабаве імя яго будзе забыта.

Многія даследчыкі перакананыя ў тым, што супрацьпастаўленне мастакоў па ступені перавагі традыцыі ці навацыі з’яўляецца сумніўным і павярхоўным. У XX стагоддзі склаўся новы тып суадносін традыцыі і навацыі, велізарная перавага якога ў немагчымай раней ступені свабоды, якая часам балансуе на мяжы страты сфарміраванай на працягу стагоддзяў раўнавагі паміж імі.

Наватарства ў мастацтве – гэта не заўжды ўсё новае. Звычайна наватарства – гэта істотная змена, якая спрыяе паглыбленню і развіццю мастацкай канцэпцыі, пашырэнню сэнсаў, узбагачэнню сродкаў выразнасці. Інавацыя – не толькі вынаходніцтва ці выпрацоўка новых ідэй, выяў, мадэляў ці прынцыпаў дзеяння, але і арганічная рэкампзіцыя элементаў існуючых традыцый, укараненне таго, што бярэцца з кантэксту іншых культур.

Традыцыя і наватарства па-рознаму праяўляюць сябе ў розных стылях. Кожны стыль прадугледжвае тую ці іншую наватарскую форму і тую ці іншую ступень пераемнасці, розныя тыпы і ўзроўні мастацкіх узаемадзеянняў, розную дыялектыку традыцыі і наватарства.

У значнай ступені наватарства ў мастацтве абумоўлена сацыяльна-гістарычнымі прычынамі. Але адпаведная роля належыць і ўнутраным законам мастацкага развіцця, паколькі абнаўленне і змена зместу неаддзельныя ад наватарства ў галіне мастацкай формы. У мастацтве наватарства выяўляецца ў развіцці жанравай, відавой, стылявой варыятыўнасці, у адкрыцці і адлюстраванні новых бакоў і граняў жыцця і духоўнага свету чалавека.

Адносіны да традыцыі ў мастацтве XX стагоддзя. У XX стагоддзі асноўны вектар развіцця філасофска-эстэтычнай думкі і мастацкай творчасці вызначылі пошукі “новых вымярэнняў”, імкненне да татальнай навізны і адмова ад прынцыпаў класічнага мастацтва. Адбывалася трансфармацыя класічных эстэтычных катэгорый, фарміраванне новага катэгарыяльнага апарату некласічнай эстэтычнай навукі. Катэгорыя традыцыі ў мастацтве XX стагоддзя падверглася трансфармацыі і атрымала новую трактоўку, выяўляючы сябе ў прасторы ўзаемадзеяння розных узроўняў некласічнай эстэтычнай свядомасці і мастацкай практыкі.

Звернуты ў будучыню мадэрнізм абвясціў адыход ад векавых традыцый класікі і нават

распачаў сапраўдную барацьбу з традыцыяй. Прыхільнасць да традыцыі тут расцэнвалася як прыкмета адсталасці. Аднак у самім адмаўленні ад традыцыі была закладзена глыбокая традыцыйнасць, уласцівая ўсяму Новаму часу, бо ідэя прагрэсу, пагоня за новым адпавядала ў еўрапейскай культуры традыцыйнаму разуменню развіцця ўсіх сфер грамадскага жыцця. Асобныя філосафы лічаць, што традыцыйнасць як характарыстыка соцыума цалкам вычэрпвае сябе ў эпоху мадэрну, паколькі логіка індустрыяльнага развіцця патрабуе замены традыцыі як сацыяльнага арыенціра на агульначалавечую рацыянальнасць [10, с. 80–95].

У мастацтве першай паловы XX стагоддзя амаль усе кірункі і рухі, што ўзніклі, крытычна адносіліся да традыцыі, але, тым не менш, выявілі імкненне ствараць і ўвекавечваць уласныя традыцыі. Парываючы з мінулым, мадэрнізм на самой справе “таемна прагнуў” ператварэння ў традыцыю.

Адносіны да традыцыі ў мастацтве апошняй трэці XX стагоддзя эвалюцыянавалі ад поўнага яе адмаўлення, супрацьпастаўлення традыцый і навацый да іх “мірнага суіснавання”, да своеасаблівага дыялогу стыляў і эпох”. Постмадэрнізм звяртаецца да класічных традыцый, сфарміраваных папярэднімі эпохамі, і гэтыя традыцыі становяцца жывой крыніцай натхнення разам з новымі ідэямі. Па сутнасці, постмадэрнізм робіць акцэнт на актуалізацыі мастацкіх традыцый. Мастацкая дзейнасць постмадэрнізму прадуктыўна ўцягвае ў свой спектр досвед архаічнай, еўрапейскай і ўсходняй традыцый, традыцый класічнага мастацтва і авангардысцкіх эксперыментаў.

Выкарыстанне ў мастацтве небывала шырокага спектра традыцый як “па гарызанталі” (зварот да традыцый розных краін), так і “па вертыкалі” (уклучэнне ў сучасную мастацкую практыку розных гістарычных пластоў культуры) спрыяе таму, што спецыфіку катэгорыі “традыцыі” ў эстэтычнай тэорыі і практыцы постмадэрнізму вызначае шматузроўневасць і шматмернасць эстэтычнага досведу.

Нягледзячы на тое, што постмадэрнізм пераадольвае супярэчнасці мадэрнізму, бо ён “звернуты да дыялогу, няхай і трактаванаму часта іранічна, аднак постмадэрнізм адмаўляецца ад глыбіннага спасціжэння сэнсаў, якія нясе традыцыя, і часцей дэканструіруе традыцыю ці гуляе з ёй.

Характэрнай прыкметай мастацтва постмадэрнізму стала імкненне аб’яднаць

стылі розных эпох, прызнаць каштоўнасць шматвяковых і шматнацыянальных традыцый у культурнай спадчыне розных краін і народаў. Дамінантнымі адзнакамі новых падыходаў да традыцыі становяцца прынцыпы множнасці і дэіерархічнасці. З гэтага выцякае раўнапраўе ўсіх традыцый, ніводная з якіх не можа прэтэндаваць на манополію. Адначасовая прысутнасць розных традыцый прадугледжвае іх плюралістычнасць і эклектычнасць. А само паняцце традыцыі фактычна замяшчаецца паняццем інтэртэкстуальнасці. У адным творы мастакі спалучаюць розначасовыя “высокія” і “нізкія” традыцыі, але больш увагі надаюць знешняму (фармальнаму, а не сэнсавому!) боку традыцый, імкнуча да іх іранічнага пераасэнсавання.

Апазіцыя “новае–старое” губляе сваю актуальнасць, а катэгорыі традыцыі і наватарства выяўляюць небывалую раней гнуткасць і адноснасць. Постмадэрнізм вырывае традыцыю з улацівага ёй кантэксту і змяшчае яе ў новы кантэкст, ператвараючы ў навацыю. І тое, што раней разглядалася як навацыя, пачынае ўспрымацца як узноўленая традыцыя. Асабліва вольна і часам радыкальна постмадэрнізм падвяргае дэканструкцыі крайнія формы мадэрнісцкага мастацтва.

Разам з усім гэтым на ўзаемадачынненні традыцый і навацый у постмадэрнісцкай паэтыцы, безумоўна, аказалі ўплыў размыванне межаў і крытэрыяў мастацтва, яго дэгуманізацыя, адмаўленне яго галоўных эстэтычных прынцыпаў – міметызму, прыгажосці, сімвалізму, арыентацыі на духоўную рэальнасць і ўзнёслае і інш.

Важная рыса постмадэрнісцкай канцэпцыі традыцыі злучана з новым адчуваннем і разуменнем часу і прасторы. Традыцыя губляе сваю гістарычнасць і лінейнасць, а мастацтва становіцца полем для інтэртэкстуальных дыялогаў з самымі рознымі традыцыямі. Нелінейны вобраз часу, своеасаблівы палёт творчай думкі скрозь Прастору і Час, яскрава характарызуюць спробы мастакоў па-новаму паглядзець на свет.

Дыяпазон звароту да традыцый у мастацтве постмадэрнізму распасціраецца “ад простага капіравання, тыражыравання традыцыйных прыёмаў у кансерватыўным мастацтве, выкарыстання традыцыі ў якасці вонкавай формы, камерцыйнай дэкарацыі, якая апраўдвае чаканні ўспрымаючага суб’екта, якая абапіраецца на правераныя, “адпрацаваныя” клішэ, да іх (традыцый) поўнага, таталь-

нага разбурэння, што пагражае знішчэннем самога мастацтва, дэканструкцыі і ўзнаўленні традыцый у новай культурнай прасторы ў модусе гульні ці пародыі, у форме настальгічных ці эстэцкіх стылізацый, інтэлектуальных галаваломак, “гульні ў пацеркі” [11, с. 301–305].

Разам з тым у другой палове XX стагоддзя адмысловую ролю ў праблеме традыцый адыгрывае феномен нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці. “Пачынаючы з 1970-х гадоў у мастацтве многіх краін асноўнай з’явай, якая кансалідавала творчы досвед таго ці іншага этнасу, выступае этнічная традыцыя, у якую ўключаюцца ўсе традыцыйныя элементы культуры вызначанага перыяду” [12, с. 148–151]. Арыентацыя на этнічныя традыцыі, этнічнае стала своеасаблівай праявай творчай індывідуальнасці беларускіх мастакоў. Мастакі звяртаюцца да этнічных традыцый розных нацыянальных культур, да пошуку асаблівасцей нацыянальнага характару і светаадчування, да стылістыкі народнага мастацтва; да традыцыйных матываў і знакаў этнічных культур; да старажытных міфаў і прымітыву. Прыкметна, што ў рэчаіснасці этнакультурныя традыцыі арганічна ўжываюцца з тэхналагічнымі навацыямі.

Мастакі 70–80-х гадоў адчуваюць, што мова мастацтва патрабуе абнаўлення з дапамогай зврату да традыцый. Усё часцей у працах мастакоў сустракаюцца цытаты з твораў старых майстроў. Маніпуляванне цытатамі з чужых твораў – характэрны момант постмадэрнісцкай паэтыкі, прыкметы якой можна заўважыць не толькі ў выяўленчым мастацтве.

Таксама ў гэты час у СССР працягвала існаваць уражанне, што ёсць добрыя і дрэнныя традыцыі, і ілюзія, што імі можна кіраваць. У савецкім мастацтве была распаўсюджана пазіцыя, паводле якой традыцыя інтэрпрэтуецца як нейкая канструкцыя, якую можна выкарыстоўваць, калі ў ёй ёсць неабходнасць, і наадварот – прыбраць, калі яна замінае. Многія памятаюць “савецкія традыцыі”, якія “фарміраваліся” літаральна на вачах і выдатна ўпісваліся ў створаныя ідэалогіі канструкцыі.

Некаторым здаецца, што праблемы традыцый у сучасным мастацтве не самыя істотныя. Але гэта толькі на першы погляд. І сёння ў нашым пост-постмадэрністычным мастацтве, па-ранейшаму прысутнічаюць і з’яўляюцца папулярнымі не толькі традыцыі папярэдніх эпох, але і традыцыі, што фарміруюцца нанава. Відавочна, што побач з лепшымі

традыцыямі авангарда, мадэрнізму, постмадэрнізму паралельна існуюць і кансерватыўныя, камерцыйныя і іншыя кірункі і практыкі. Але для свядомасці абыяцеля слова “традыцыя”, на жаль, па-ранейшаму, у першую чаргу, асацыіруецца з мінулым, страціўшым навізну, і ў сувязі з гэтым мала патрэбным для далейшага развіцця.

Заклучэнне. Праведзенае даследаванне дазволіла выявіць своеасаблівасць трактоўкі катэгорыі “традыцыя” ў мадэрнісцкай і постмадэрнісцкай эстэтычных парадыхмах. Пры гэтым розныя погляды на традыцыю ў ракурсе мадэрнізму і постмадэрнізму не адмяняюць універсальнасці, уласцівай ёй на працягу ўсёй гісторыі чалавецтва. Развіццё мастацтва ў XX стагоддзі сведчыць і пра тое, што стаўленне да традыцыі як да эстэтычнага носьбіту духоўнага зместу як да ідэі не мае нічога агульнага ні з эпігонскім капіраваннем традыцыйных прыёмаў, ні з прымітыўным запазычваннем формы, колеру і інш.

Сёння ў мастацтве з’явіліся новыя каштоўнасці, новыя жыццёвыя практыкі. Але паняцце “традыцыя” па-ранейшаму прывабнае і для сучаснага мастацтва. Ва ўмовах глабалізацыі і інфарматызацыі традыцыя працягвае быць звязанам, якое злучае з гістарычнай памяццю і дапамагае захаваць нацыянальна-культурную ідэнтычнасць.

ЛІТАРАТУРА

1. Ивахненко, Е.Н. Традиция и философия / Е.Н. Ивахненко // http://sf.ff-rpgu.ru/prepod/ivahnenko_e_n/tradiciya_i_filoso_fiya/#sthash.4Bz8MFyM.dpuf.
2. Каменский, А.А. О смысле художественной традиции / А.А. Каменский // Советское искусствознание, 82. – 1983. – Вып. 1. – С. 202–244.
3. Генон, Р. Кризис современного мира / Р. Генон. – М.: Эксмо, 2008. – С. 6.
4. Ален де Бенуа. Определение традиции / Ален де Бенуа // Полнос: альманах – 2008. – № 1. – С. 3–4.
5. Баева, Л.В. Традиция как основа духовного бытия / Л.В. Баева // Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории: монография. – Астрахань: Изд-во АГУ, 2004.
6. Кардинская, С. Конструирование «традиции» в структурах философского дискурса / С. Кардинская // <http://against-postmodern.org/kardinskaya-s-konstruirovanietraditsii-v-strukturakh-filosofskogo-diskursa>.
7. Быстров, В.Ю. Человек в мире традиций / В.Ю. Быстров. – В. Новгород: НовГУ, 2001.

8. Данилова, А.В. Традиция как основа современной культуры / А.В. Данилова // Художественно-эстетическое образование и проблемы современной культуры: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / ВГПУ. – Владимир, 2005. – С. 52–54.
9. Богуславская, И.Я. Проблемы традиций в искусстве современных народных художественных промыслов / И.Я. Богуславская // Творческие проблемы современных народных художественных промыслов: сб. ст. – Ленинград: Издательство «Художник РСФСР», 1981.
10. Арендт, Х. Традиции и современная эпоха / Х. Арендт // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 1992. – № 1. – С. 80–95.
11. Данилова, А.В. Концепция традиции в контексте эстетики постмодернизма / А.В. Данилова // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. – 2008. – № 4. – С. 301–305.
12. Нехвядович, Л.И. Этническая художественная традиция как категория теоретической истории искусства / Л.И. Нехвядович // Изв. Алтайск. гос. ун-та. – 2010. – № 2-2(66). – С. 148–151.

Поступил в редакцию 08.12.2014 г.

Приняты в печать 29.12.2014 г.

УДК 81'373.2

Эпистемиологические основы динамической семантики онима

Белицкая Е.Н.

*Горловский институт иностранных языков Государственного высшего учебного заведения
«Донбасский государственный педагогический университет», Украина*

Концепция динамической семантики онима как теория развития онимного знака, разрабатываемая в когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигме, интегрированной синергетическим холизмом, является альтернативой для так называемых традиционных исследований в области теории собственного имени.

Цель работы – установить методологический потенциал когнитивно-дискурсивной парадигмы, синтезированной с синергетическим пониманием природы языка, для анализа семантического развития онимов.

Материал и методы. Методологическую базу исследования составляют работы Ч.С. Пирса и А.Ф. Лосева, посвященные проблемам семиозиса. Кроме того, в основу исследования легли положения когнитивной семантики Р. Лангекера. Ведущим методом признается гипотетико-дедуктивное моделирование, основанное на предварительном анализе онимов разных классов из различных языковых семей.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрение онимов в их динамическом, этапном становлении в филогенезе языка, в неразрывной связи с развитием мышления человека и учетом внешних факторов, предоставляет новый ресурс разрешения таких вопросов теории собственного имени, как существо и границы проприальности, корреляция онимов и имен нарицательных, референция и семантика онима, отношения между единицами внутри проприальной подсистемы языка. Мир здесь представляет собой единство хаоса и порядка в противовес точной детерминистской картине мира, где любое отклонение от предписанного порядка признается ошибкой. В центре внимания динамической семантики находится процесс семиозиса (Ч.С. Пирс, А.Ф. Лосев). Рассмотрение структуры знаковой операции как разумно-жизненного общения повышает достоверность моделирования процесса возникновения онимов разных классов.

Заключение. Подтверждается плодотворность рассматриваемой в исследовании эпистемиологии для решения ключевых вопросов ономастики.

Ключевые слова: оним, знак, семантика, семиозис, синергетика.

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 123–126)

Epistemological Underpinning of the Proper Name Dynamic Semantics

Bielitska Y.N.

*Horlivka Institute for Foreign Languages of State Higher Educational Establishment
“Donbass State Pedagogical University”, Ukraine*

The conception of the proper name dynamic semantics as the theory of the onymic sign growth, which is developed in the cognitive-discursive linguistic paradigm integrated methodologically by the synergetic holism as a general epistemology is an alternative to the so-called traditional studies in the field of the proper name theory.

The purpose of the paper is to determine methodological potential of the cognitive-discursive linguistic paradigm, which is synthesized with the synergetic understanding of the language, for the analysis of the onym semantic development.

Material and methods. The study is based on the semiological ideas by Ch.S. Pierce and A.F. Losev. Besides that, R. Langacker's cognitive semantics makes the underpinning of the study. The leading method of the work is hypothetical deductive modeling, based on the prior analysis of the onyms of different classes from different linguistic families

Findings and their discussion. Studying onyms in their semantic development within dynamic, gradual language phylogeny, in inseparable connection with the growth of human thinking and with the external factors taken into account gives new resource for solving such problems of the theory of proper names as the essence and boundaries of properhood, common – proper noun correlation, onym's reference and semantics, relations within the proper names subsystem. The world here is a unity of chaos and order, as opposed to the deterministic view of the world, where any deviation from the prescribed order is a mistake. The dynamic semantics seeks the explanation of the process of onymic semiosis in the theories of sign by Peirce and A.F. Losev. Treatment of the structure of the signifying operation as live communication improves the accuracy of the modeling as to the appearance of the onyms of different classes.

Key words: onym, sign, semantics, semiosis, synergy.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 123–126)

Адрес для корреспонденции: e-mail: belitskay@yahoo.com – Е.Н. Белицкая

Современная ономастика добилась значительных результатов в области описания и лингвистической интерпретации онимного материала. Теоретическая ономастика, изучающая общие закономерности развития и функционирования ономастических систем, развивается не так активно. Среди недавних работ, выполненных учеными СНГ, к теоретическим можно отнести исследования Г.Б. Мадиевой [1], Т.В. Хвесько [2]. Как результат, фундаментальные ономастические работы А. Баха, А.А. Белецкого, В.Д. Бондалетова, А. Гардинера, М.В. Голомидовой, А. Доза, В.М. Калинкина, Ю.А. Карпенко, Е. Куриловича, В. ван Лангендонка, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, В.А. Никонова, Е.С. Отина, Н.В. Подольской, С. Роспонда, Д.И. Руденко, М.Э. Рут, А.В. Суперанской, В.И. Супруна, В.Н. Топорова и других ученых по-прежнему остаются руководством по ведению исследований для современных ономастов.

Исследования собственных имен (далее в тексте – СИ), выполненные в системно-структурной лингвистической парадигме, до конца не решили вопросов, являющихся со времен Аристотеля базовой проблематикой ономастики: существо и границы проприальности, корреляция СИ и имен нарицательных (далее в тексте – ИН), референция и семантика СИ, отношения между единицами внутри проприальной подсистемы языка. В конечном итоге мы вынуждены признать, что «существо и бытие собственного имени в настоящее время оставляют больше вопросов, чем ответов» [3, с. 4]. Таким образом, поиск адекватной методологии для разработки семантической теории проприальных единиц, который мы ведем в настоящее время, является главной причиной написания данной работы.

Цель данной статьи – выявить методологический потенциал когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы, интегрированной синергетическим холизмом как общей эпистемиологией, для разработки динамической семантики СИ как теории развития онимного знака.

Материал и методы. По способу научного моделирования разрабатываемая нами динамическая семантика СИ представляет собой реконструкцию онимов в интериоризованном языке, осуществляемую с использованием гипотетико-дедуктивного метода. Задача построения дедуктивно выведенной гипотезы о СИ делает анализ фактов экстериоризованного языка избыточным. Иными словами, в ра-

боте строится предварительная гипотеза об онимной системе, в которую могут укладываться любые факты из огромного массива накопленного эмпирического материала.

В соответствии с заданными параметрами, мы рассматриваем семантическое развитие онимов в их динамическом, этапном становлении в филогенезе языка в неразрывной связи с развитием мышления человека и учетом внешних факторов. Мир здесь представляет собой единство хаоса и порядка в противовес точной детерминистской картине мира, где любое отклонение от предписанного порядка признается ошибкой. Тогда временной и пространственный факторы оказываются существенными составляющими данного процесса, а человек и язык признаются относительно стабильными, развивающимися (не обязательно эволюционирующими) структурами.

Как следствие, наше понимание динамики языка и семантики тесно связано с «синергетическим мировидением», где язык развивается как система, реагирующая на свойства и требования своего окружения при помощи адаптационных механизмов, по аналогии с биологической эволюцией. Тогда целью синергетической лингвистики является вероятностное моделирование определенных динамических аспектов языка.

Синергетическое моделирование начинается с аксиомы о семиотическом характере языка, обеспечивающем создание значимых выражений. Ономастические семантические исследования, как, впрочем, и общая семантика, также начинаются с семиотики. При этом, как правило, в стороне остается вопрос о причинах наличия готового ономастикона и его естественности в любом языке, о границах имитворчества. Вне всякого сомнения, ответ на вопрос о том, почему и говорящие, и сам язык согласны на наличие, например, тысяч *Евгений*, находится за пределами логического порядка языка. Как следствие, эти проблемы стали неразрешимыми, например, для теории Г. Фреге. В результате, лингвистам приходится признать, что философски обласканная «мифологема рационального мышления» (термин Р.М. Фрумкиной, Б.Г. Миркина) как некий детерминированный порядок, согласно которому существуют статично выводимые стандарты психологической реальности в разуме человека, оставаясь фундаментом лингвистического знания, не позволяет раскрыть параметры реального бытования языка. Рассмотрение семиозиса СИ через этапы имяна-

речения и имяношения предлагает новый ресурс для разрешения поставленных выше вопросов.

Результаты и их обсуждение. Идея имянаречения как часть СИ-знака была отмечена еще Дж. Милом, который обращал внимание на наличие этих двух ступеней в функционировании онимов [4]. С точки зрения логической семантики первый этап должен происходить следующим образом: некий уникальный звукоряд, могущий иметь для носителя некоторую мотивацию, используется для именования уникального предмета действительности, что отражается в сознании как некое содержание, материализуемое таким образом в этом звукоряде. Для такой номинации лучше всего подошла бы словоформа типа *БОЧ1998* (биологический объект «человек» 1998 года рождения) – реальное имя ребенка, которое родители хотели ему присвоить, кстати говоря, мотивируя свой выбор именно необходимостью «уникализации». Категорическое неприятие такого рода именования носителями языка (имя не было зарегистрировано) свидетельствует о том, что в случае с СИ структура знаковой операции связана не только с номинацией уникального объекта, но и с некоторой общей идеей.

Динамическая семантика ищет объяснение идеи имянаречения в теориях знака Ч.С. Пирса и А.Ф. Лосева. Так, идея Ч.С. Пирса о трактовке СИ как икон индекса ($СИ \leftrightarrow$ уникальный объект), способных к развитию в символ, является, на наш взгляд, самой доступной и краткой теорией динамической семантики СИ [5]. В концепции знака А.Ф. Лосева, которую в полной мере можно назвать синергетической, центральное место отведено соотношению действительности в значении как структуре знаковой операции [6, с. 196]. А.Ф. Лосев, в полном соответствии с постулатами современной когнитологии, выводил значение из «структуры разумно-жизненного человеческого общения» [6, с. 19], где, наряду с понятиями, равное значение имеют интонация, которая «не нуждается даже в словах» [6, с. 23] и экспрессия (область допонятийного). Реинтерпретацию данных тезисов ученого находим в высокоцитируемых сегодня работах И. Фонагу о двойном кодировании значимой информации в тексте, Д. Болинджера об универсальном интонационном коде человечества. А.Ф. Лосев утверждает, что «логика не выражает в языке ничего такого, что было бы для языка существенно или даже характерно»

[6, с. 24]. По мнению А.Ф. Лосева, всякий знак есть акт человеческого сознания и мышления [6, с. 83, 126], переживания и понимания той или иной предметности [6, с. 84–85], когда знак признается неделимой единичностью, которая, тем не менее, «обязательно есть та или иная раздельность», причем бесконечная [6, с. 46–47]. Эта интерпретация холистически-дискретного характера знака является одним из важнейших постулатов современной когнитивной науки (Л. Барсалу, Р. Ленекер, Л. Телми). Кроме того, ученый указывает, что «значение знака есть знак, взятый в свете своего контекста» [6, с. 61], что напрямую ведет нас к идеям Х. Патнэма об интерактивном характере значений. Контекст как способ существования онимного знака может быть понят лишь в пределах базовой дихотомии «дискурс-нарратив» (Э. Бенвенист), где пространственно-временные параметры находятся в отношениях нулевой-максимальной трансценденции.

Наличие готового ономастикона объясняется в знаковой теории А.Ф. Лосева диалектической взаимообусловленностью обозначаемого и обозначающего [6, с. 35]. Как следствие, наличие проприальных лемм во всех естественных языках свидетельствует о наличии в разуме человека чего-то значащего, связанного с этими знаками. В ряде исследований это признается рекурсивным свойством разума связывать настоящее с прошлым и будущим в один «концептуальный контейнер» (Р. Джекендофф, Дж. Пустейовски). Здесь видят культурно обусловленную архетипическую идею всеобщей души, что, в свою очередь, связано с онтологическим единением (единством) всех объектов номинации и всех СИ. Последнее часто определяют через онтологию «Я»–«Ты» (С.Л. Франк, М.М. Бахтин, А.Ф. Лосев, Н.О. Лосский) с естественным культурным/языковым рефлексом «свой»–«чужой», практически всегда сводимым к идее посессивности. Напомним, что именно идея посессивности определялась А. Гардинером как главенствующая для определения объектов действительности, годящихся для онимной номинации. Разделяя эту точку зрения, мы полагаем, что филогенетически посессивность как тип мышления, скорее, связан с идеей топонима. Появление антропонимов, на наш взгляд, относится к древнейшему периоду в развитии языка и мышления (согласно концепции А.Ф. Лосева – эпохе инкорпорации). Мы полагаем, что мыслительная опе-

рация, находящаяся в основе данного процесса, сводится к мифологическому принципу инкорпорации – «все во всем», где главным условием является близость вещей друг к другу в пространстве и времени. А.Ф. Лосев отмечает, что такое архаическое мышление «мыслит все только органически» [6, с. 259]. Тогда любой объект, находящийся рядом с человеком в пространственно-временном отношении, будет восприниматься как живой и, как следствие, иметь возможность уникализироваться и, как следствие, быть поименованным. В этом случае наличие в языке готовых имен, существование в действительности нескольких людей с общим именем объясняется не только «некоторой узостью и экономикой нашего языкового сознания и аппарата» [7, с. 12], но и необходимостью обозначить в языке «живую, интеллигентную индивидуальность» как часть общего пространства души [7, с. 13].

Тогда возникновение антропонимов является следствием необходимости расширения зоны интеракции с уникальными объектами в пределах пространств души и тела, что прототипически реализуется посредством вокатива, а структура знаковой операции с СИ-топонимом понимается нами как упорядочение хаоса в географическом пространстве. В таком случае появление антропонимов мы понимаем как результат бифуркации первой и второй сигнальных систем в позиции вокатива, а топонимы нами рассматриваются как филогенетически вторичные СИ, изоморфные антропонимам по признаку уникальности объекта. Важно, что возникновение антропонимов мы связываем с дискурсом, а топонимы, по нашему мнению, изначально принадлежат нарративу. «По образу и подобию (рекурсивно. – Е.Б.) осмысления пространства и пространственных отношений могло далее распространяться знание о материальном мире и его организации на нефизические, не-материальные сущности» [8, с. 460] – категорию времени. Это, как представляется, создает фундамент для формирования хрононимов как выделения в непрерывном потоке «кусков времени», индексирующих те или иные события. Наличие в языке зоонимов, хремотонимов, теонимов, космонимов можно вывести из семантических конфигураций антропонимов и топонимов. Особое место в подсистеме проприальных единиц занимают идеонимы и эргонимы. А.Ф. Лосев называет их образами-символами, или знаками с бесконечным смыслом [6, с. 88].

Закключение. Таким образом, рассмотрение семиозиса проприальных единиц как динамического процесса имяназвания и имяношения, заданного синергетической эпистемиологией, дает новый методологический ресурс для решения ключевых вопросов теории имени, начиная от существа проприальности и заканчивая практическими аспектами онимной номинации в социуме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мадиева, Г.Б. Теоретические основы ономастики: учеб. пособие / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун. – Алматы: Изд-во «Арыс», 2011. – 280 с.
2. Хвесько, Т.В. Дихотомия апеллатив/онома в языке и речи (на материале рус. и англ. яз.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Т.В. Хвесько; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2009. – 45 с.
3. Карпенко, О.Ю. Проблематика когнітивної ономастики: монографія / О.Ю. Карпенко. – Одеса: Астропринт, 2006. – 325 с.
4. Mill, J.S. A System of Logic, Ratiocinative and Inductive: Being a Connected View of the Principles of Evidence, Methods of Scientific Investigation / J.S. Mill. – London: John W. Parker, 1843. – 580 p.
5. Пирс, Ч.С. Grammatica Speculativa / Ч.С. Пирс. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – 352 с.
6. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
7. Лосев, А.Ф. Вещь и имя. Самое Само. Философско-богословские сочинения / А.Ф. Лосев. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. – 576 с.
8. Кубрякова, Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова // Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 459–474.

Поступила в редакцию 19.06.2014 г.

Принята в печать 29.12.2014 г.

УДК 81'271:378.4(476.5)

Проблемы формирования социокультурной компетенции: теоретические аспекты

Николаенко С.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Среди основных направлений лингвистики и лингводидактики, наиболее востребованных на современном этапе развития науки, выделяется социолингвистика. Теоретические проблемы, разрабатываемые в настоящее время, отличаются многообразием и неоднозначностью подходов к системе национального языка, к ее функционированию, составляющим социокультурной компетенции.

Цель статьи заключается в определении основных теоретических проблем формирования социокультурной компетенции обучающихся в учреждениях образования Республики Беларусь.

Материал и методы. *Методологию исследования составляют теоретические работы ученых-лингвистов и лингводидактов Л.А. Муриной, В.В. Красных, Г. Крейдлина, посвященные обучению социальной коммуникации. Среди использованных методов нами выделяются наблюдение и описание социокультурного содержания как обязательно-составляющего обучения русскому языку на всех ступенях школы. Этот компонент содержания обучения не является совершенно новым для школьного курса языка, отдельные его аспекты разрабатывались в учебниках, пособиях по развитию речи, в частности тех, которые посвящены народоведению (страноведению), культуре речевого поведения.*

Результаты и их обсуждение. *Социологический аспект проблемы предполагает ознакомление обучающихся с особенностями социальных отношений в обществе (миролюбие, покладистость, неагрессивность, склонность к согласию и поиску компромиссов, помощь ближнему, отрицание немотивированного насилия, разумной достаточности в потребностях и др.); развитие у них умения соблюдать нормы, которые регулируют эти отношения. В структуру содержания социокультурного развития входит, кроме описанной социальной, еще и культурная, а точнее, лингвокультурная составляющая.*

Здесь важно, чтобы учащиеся поняли, что все люди являются носителями культурно-обусловленного поведения (в том числе и речевого), которое определяется возрастом, полом, национальностью, местом жительства и др., важно научить их понимать, какие особенности собственного поведения обусловлены культурными факторами.

Школа должна развивать способности для осознания своей культурно-обусловленной позиции, готовности сохранять свое национальное своеобразие; а также умения объяснить другим особенности своей культуры.

Заключение. *Доказано, что организация учебного процесса по русскому языку дает возможность формировать представление о разнообразии человеческих характеров, различиях в восприятии языковой картины мира представителями разных культур.*

Ключевые слова: *социолингвистика, социокультурная компетенция, социокультурное развитие, национальное своеобразие.*

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 127–132)

Issues of Shaping Social and Cultural Competence: Theoretical Aspects

Nikolayenko S.V.

Educational establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Among basic directions of linguistics and linguistic didactics, which are mostly in demand at the present stage of the development of science, social linguistics stands out. Theoretical issues, which are currently developed, are varied in approaches to the system of the national language, to its functioning, components of social and cultural competence.

The purpose of the article is to identify basic theoretical issues of shaping social and cultural competence of students at Belarusian educational establishments.

Material and methods. *The methodology of the study is made up by theoretical works by scholars of linguists and linguistic didactics L.A. Murina, V.V. Krasnykh, G. Kreidlin on teaching social communication. Among the methods we single out observation and description of social and cultural content as an obligatory compound of teaching Russian at all school levels. This component of the content of teaching is not absolutely new for the school course of the language, some aspects of it were worked out in the textbooks on speech development, namely those which deal with land studies, culture of speech behaviour.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: ns-lk@mail.ru – С.В. Николаенко

Findings and their discussion. The sociological aspect of the issue implies acquainting students with the peculiarities of social relations in the society (peacefulness, lenience, non aggressiveness, readiness to agree and search for compromise, assisting people, rejection of non motivated violence, reasonable sufficiency in needs etc.); development of their skill to follow norms which regulate their relations. The structure of the content of social and cultural development includes, besides the described social, the cultural or linguistic and cultural component.

It is important that students should understand that all people are carriers of culturally conditioned behaviour (the speech one including) which depends on the age, sex, nationality, residence etc.; it's important to teach them understand which features of their behaviour are conditioned by cultural factors.

School must develop abilities for understanding one's own culturally conditioned position, readiness to preserve national distinctness as well as the ability to explain to others features of one's own culture.

Conclusion. It is proved that organization of the academic process on the Russian Language makes it possible to shape understanding of the variety of people's characters, differences in perception of the language picture of the world by representatives of different cultures.

Key words: social linguistics, social and cultural competence, social and cultural development, national distinctness.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 127–132)

Социолингвистика относится к числу направлений, возникших относительно недавно в лингвистической науке. В 1952 году американский ученый Х. Карри ввел сам термин в научный обиход. Конечно, констатировать тот факт, что данному направлению всего лишь полвека, не приходится, т.к. проблемы этого направления достаточно давно обсуждаемы. Среди них зависимость языковой эволюции от темпов развития общества (Е.Д. Поливанов), влияние сельских диалектов на язык города и в этой связи установление точек изучения урбанистического языка (Б.А. Ларин), классификация внутри системы национального языка некодифицированной сферы (В.М. Жирмунский, Д.С. Лихачев), языковые антиномии и их роль в развитии языковых закономерностей (М.В. Панов), функциональное разнообразие языков (Н.Б. Мечковская), лингвокультурная составляющая в структуре общества (В.А. Маслова) и др.

Цель статьи заключается в определении основных теоретических проблем формирования социокультурной компетенции обучающихся в учреждениях образования Республики Беларусь.

Материал и методы. Методологию исследования составляют теоретические работы ученых-лингвистов и лингводидактов Л.А. Муриной, В.В. Красных, Г. Крейдлина, посвященные обучению социальной коммуникации. Среди использованных методов нами выделяются наблюдение и описание социокультурного содержания как обязательного составляющего обучения русскому языку на всех ступенях школы. Этот компонент содержания обучения не является совершенно новым для школьного курса языка, отдельные его аспекты разрабатывались в учебниках, пособиях по развитию речи, в частности тех, которые посвящены народоведению (страноведению), культуре речевого поведения.

Результаты и их обсуждение. Системно социокультурное содержание как таковое не было представлено в программах по русскому языку предыдущих поколений, не представлено оно и в действующей программе. Так характеристики социокультурного содержания обучения в целом остаются недостаточно выясненными, поэтому актуальной является разработка теоретических и прикладных аспектов данной проблемы, прежде всего подходов к установлению того, что включать в социокультурное содержание, как соотносить это содержание с другими – речевым и языковым.

Что понимать под социокультурным содержанием? Это содержание обучения, тесно связанное – как свидетельствует само название – с такими научными дисциплинами, как социология, культурология и лингвокультурология.

Социологический аспект проблемы предполагает ознакомление обучающихся с особенностями социальных отношений в обществе (*миролюбие, покладистость, неагрессивность, склонность к согласию и поиску компромиссов, помощь ближнему, отрицание немотивированного насилия, разумной достаточности в потребностях* и др.); развитие у них умения соблюдать нормы, которые регулируют эти отношения.

Известно, что в социологии существует два основных направления, тесно связанных между собой: макросоциология, которая рассматривает такие широкие понятия, как общество, культура, крупномасштабные социальные процессы и т.п., а также микросоциология, которая исследует поведение, непосредственное взаимодействие людей в разного рода группах, возникающих на основе общности интересов, взглядов, верований, положения в семье, обществе и др. В школьном обучении мы имеем дело с теми особенностями соци-

альной жизни, которые рассматриваются микросоциологией.

Различные социальные группы, слои общества взаимосвязаны и представляют собой следующую социальную структуру [1]: социальные институты общества (религия, средства массовой информации, семья, армия и др.), социальные группы (обучающиеся, врачи, преподаватели и др.), а также статусы и роли, которые каждый член общества выполняет в течение всей своей жизни. Вся эта общественная деятельность человека может быть как традиционной, достигнутой, так и новой, приписываемой, первичной и вторичной. Кроме того, в течение дня каждый проигрывает около ста социальных ролей – пассажира, покупателя, начальника и подчиненного и под.

Взаимодействие людей в группах рассматривается на основе различных концепций личности – ролевой, поведенческой, психоаналитической, статусной и др. Считаем, что наибольшее значение для учебно-воспитательного процесса в школе имеет ролевая концепция, выводящая характеристику личности на основе множества ролей, которые та выполняет ежедневно: роль ученика, сына, внука, одноклассника, пассажира в автобусе и др. «Составляющими элементами социальной роли являются: 1) **ролевые ожидания** – то, чего ждут от исполнителя той или иной роли; 2) **ролевое поведение** – то, что человек реально выполняет в рамках своей роли» [1, с. 61]. Правила ролевого поведения – важное условие социального взаимодействия, и от знания и соблюдения этих правил во многом зависит успешность общения.

Важной характеристикой личности является ее *статус* в обществе, который делится на приписываемый или достигаемый. Приписываемый статус получают от рождения (пол, родственные связи), а достигаемый складывается в результате собственных усилий человека (профессия, должность, материальное положение).

Социальные статусы различных социальных групп расцениваются людьми как более или менее престижные, что во многом определяет их положение в обществе. При этом нередко случаи неоправданных оценок, например, занижения или завышения статуса некоторых профессий (ср. статусы учителя и банкира в нашем обществе), той или иной национальности и др.

Имеет ли это отношение к школьному обучению языку? Думается, самое прямое, и в

общем виде это зафиксировано в государственном стандарте и нашло отражение в программах по русскому языку.

Дело в том, что школьный класс является типичной социальной группой, имеющей многие черты, свойственные обществу в целом; члены этой группы выполняют различные социальные роли, имеют определенный статус. Это и личный статус общительного «любимца публики» или стеснительного тихони, лучшего друга, сироты, человека, имеющего определенные физические недостатки, и др. Это и приписываемый социальный статус ученика, которого учитель отнес к той или иной категории по успеваемости, поведению, спортивным успехам, участию в кружках и др. Приписываемым является также статус ученика, который определяется материальным положением родителей, их успехами в общественной, политической жизни и под.

Школа обязана помогать детям успешно выполнять различные социальные роли вне школы. Успешно справляться с этими ролями надо учить, моделируя различные ситуации, предлагая детям проигрывать различные роли (например, в работе по диалогической речи). Ролевое поведение детей в значительной степени определяется пониманием сути каждой роли, адекватной оценкой ролевых ожиданий других членов группы, наличием соответствующих речевых умений. Формирование такой системы знаний и умений – одна из важных задач школы, в том числе, обучения языку, основной целью которого является развитие умения успешно пользоваться языком для решения реальных жизненных проблем.

Обсуждению в школе подлежат роли, соответствующие практически всем социальным группам, слоям, составляющим структуру общества в целом, при этом учет возрастных особенностей проявляется не в выборе ролей, а в отборе тем, ситуаций, материала для обсуждения, а также методов и приемов работы.

В структуру содержания социокультурного развития входит, кроме описанной социальной, еще и культурная, а точнее, лингвокультурная составляющая.

Здесь важно, чтобы учащиеся поняли, что все люди являются носителями культурно-обусловленного поведения (в том числе и речевого), которое определяется возрастом, полом, национальностью, местом жительства и др., важно научить их понимать, какие осо-

бенности собственного поведения обусловлены культурными факторами.

Школа должна развивать способности для осознания своей культурно-обусловленной позиции, готовности сохранять свое национальное своеобразие; а также умения объяснить другим особенности своей культуры.

Считаем, что детям школьного возраста надо рассказывать о том, что в мире есть большие группы (сообщества) людей, которые имеют свой язык, свои обычаи, свою культуру, свое название, но являются одним народом. Например, народ Беларуси – это не только белорусы, но другие народы, живущие на территории РБ, – украинцы, русские, татары, евреи, литовцы и др. У многих людей в роду есть представители разных национальностей, и в таких случаях человек, когда подрастает, сам определяет, к какой национальности он принадлежит, с каким народом его объединяют более тесные связи.

Развитие национального самосознания обучающихся не должно препятствовать развитию интереса, открытости, толерантности в межнациональных отношениях.

Необходимо развивать интерес к другой культуре, умение оценить ее достоинства; воспитание благожелательного, заинтересованного отношения к людям, принадлежащим к другой культуре; умение налаживать и поддерживать контакты с представителями разных социальных групп, разных культур, носителями разных языков; осуществлять межкультурное взаимодействие и понимать при этом пользу взаимообогащения.

С позиции обучения языку нужно воспитывать понимание того, что слова и фразы языка имеют культурный подтекст, знание которого важно для взаимопонимания. В языке находят отражение ценности культуры, прежде всего, они хранятся в значениях слов и фразеологических единиц, в паремииологии и прецедентных текстах. Например, в языке существуют такие пары слов: *слушать – подслушивать, смотреть – подсматривать, смеяться – глумиться, повиноваться – пресмыкаться, хвалить – льстить, рассказывать – хвастаться, кичиться, жаловаться – ябедничать* и др. Второе слово каждой пары имеет негативную коннотацию, которая в словаре репрезентирована пометами («неодобрительно», «презрительно», «пренебрежительно»). Впитывая в себя язык, маленький ребенок получает и следующие установки народной культуры: 1) нельзя вторгаться в чужую жизнь – *подсматривать, подслушивать*; 2) не-

хорошо унижать достоинство других – *глумиться*; 3) плохо забывать о собственной чести и достоинстве – *пресмыкаться*; 4) нехорошо преувеличивать собственные достоинства – *хвастаться* и т.д. В русской лингвокультуре много поговорок и речений, содержащих установки культуры в эксплицитной форме: *Счастью не верь и от бедного не затворяй дверь; счастливому быть – никому не досадить*.

Формирование толерантного отношения к представителям других национальностей предполагает предупреждение и преодоление негативных этнических стереотипов как разновидности социальных стереотипов. Известно, что социальный стереотип – «упрощенное, схематизированное, зачастую искаженное, характерное для сферы обыденного сознания представление о каком-либо социальном объекте (группе, человеке, принадлежащем к той или иной социальной общности, и т.п.)» [2]. Специалисты отмечают, что социальные стереотипы (в том числе, этнические) «как определенные образы, психологические установки усваиваются детьми в достаточно раннем возрасте (как показывают исследования, еще в дошкольном возрасте) и практически в течение длительного времени заменяют им знания о тех реальных явлениях и действительные качества социальных групп, которых они касаются» [3, с. 78].

Общеизвестны опросы учащихся 3, 4 классов, когда детей спрашивали, есть ли, по их мнению, хорошие и плохие национальности, и почти в каждом классе мнения школьников расходились: от формулы «все люди – братья» до четкого перечня «плохих». Дальнейшие беседы показывали, что дети, как правило, сами не были знакомы с представителями «плохих» национальностей, но негативные образы в их сознании в значительной степени были уже сформированы под влиянием бытующих в обществе этнических стереотипов. В результате возникают проблемы общения, которые проявляются в отчужденности, недоброжелательности в отношениях представителей различных этнических групп. Ведь не зря, по мнению Ю.М. Лотмана, непохожесть у интеллигентного человека вызывает интерес, желание разобраться, у человека интеллектуально ограниченного – агрессию.

Для преодоления этого, прежде всего, необходимо расширение знаний о тех этнических группах, которые совместно живут на одной территории. Учащиеся должны получить достаточно широкий круг сведений об их языке, литературе, национально-культурной специфике:

особенностях характера, стиле поведения, обычаях, использовании невербальных сигналов (жестов, поз, выражения лица), привычке к определенной дистанции между собеседниками (к различному личному пространству) у многих национальных групп и под.

Материалы подобного типа абсолютно необходимы для белорусов, живущих в регионах с мононациональным населением, привыкающих к тому, что все (или почти все) вокруг них не различаются ни по типу лица, ни по языку, имеют привычные имена, похожие обычаи. В результате многие из них оказываются психологически не готовыми к встрече с «иными», смеются над «странными» именами, непривычным разрезом глаз, не могут принимать «иное» со спокойным, доброжелательным интересом. Работа в этом направлении крайне важна для налаживания диалога в поликультурном мире.

Технический и социальный прогресс ныне обеспечивает возможность превращения Земного шара в единое информационное пространство. Однако, помимо социального и технического, существует еще один аспект проблемы международного общения, который требует безотлагательного решения; имеется в виду проблема кросс-культурного взаимопонимания. В культурном отношении народы испытывают значительные трудности в преодолении культурных и языковых барьеров.

Важно включать в урок русского (белорусского) языка тексты, рассказывающие о прошлом и настоящем нашего народа, о контактах с другими народами. Рассказы о событиях прошлого необходимо сопровождать такими комментариями, которые, не нарушая исторической правды, показывали бы определенные события в исторической перспективе, учили школьников воспринимать их с позиций образованного, толерантного современного человека, который, в частности, знает, что средние века в разных частях мира отмечены миграциями народов, жестокими войнами и под. Очень сложно, но необходимо находить такие слова, такие подходы к освещению событий прошлого, которые бы не провоцировали вражду в межэтнических отношениях. И в любом случае следует показывать историю с разных сторон, рассказывать о достоинствах народа, его обычаях, культуре, приводить примеры дружеских отношений между представителями разных национальностей, их сотрудничестве. При этом следует иметь в виду, что подбор текстов может содействовать фор-

мированию или преодолению этнических стереотипов.

Общая работа над содержанием, смыслом текста должна дополняться лингвокультурологическим анализом слов, фразеологических единиц. Социокультурный подход к языку предполагает выявление, с одной стороны, национально-специфической части словаря, к которой относятся слова и выражения, выражающие специфический опыт народа, пользующегося языком, имена собственные, культурно-исторические реалии, распространенные аллюзии, прецедентные тексты, слова с эмоционально-оценочным фоном, который осознается именно данным этносом и т.д.; с другой стороны, обращение к универсальным для всего человечества словам и оборотам. На простых и ярких примерах следует показывать учащимся, что специфика, неповторимость каждого народа, его взгляда на мир и на себя в нем формируется с помощью языка и отображается в языке.

В разработке социокультурного аспекта содержания обучения русскому языку важно учитывать необходимость работы над так называемыми прецедентными феноменами [4–6], над проблемой понимания культур с помощью ключевых слов [7], над проблемой построения и использования поля ключевых слов (концептов) [8]. Такое знание является существенной частью коммуникативной компетенции и абсолютно необходимо для взаимопонимания.

Подобный анализ дает возможность формировать представление учеников о разнообразии человеческих характеров, различиях в восприятии мира представителями разных культур. Кроме того, это хороший материал для беседы (дискуссии) о культуре поведения, о человеческих взаимоотношениях, в частности о том, что чрезмерная резкость и категоричность вредит взаимопониманию. Важно побудить учеников задуматься о себе, обсудить то, как они сами себя оценивают с этой точки зрения, какими бы хотели видеть себя и своих близких, знакомых. Уместно противопоставить несколько самоуверенным (*абсолютно, безусловно*) более умеренные и толерантные (*я думаю; возможно, это так; хочется думать, что это так; неужели это так?*).

Заключение. Такая работа способна активизировать деятельность школьников, повысить их мотивацию, необходимую для формирования любой компетенции, в т.ч. и социокультурной, ибо компетенции «суть мотиви-

рованные способности» [9]. Ученые определяют компетентность как «основывающийся на знаниях интеллектуальный опыт человека»; «базовый навык»; «свойство личности» [10; 11]. В рамках компетентностного подхода к образованию (competence-based education – CBE) Совет Европы утвердил ключевые компетенции, которыми «должны быть оснащены молодые европейцы» (Hutmacher Walo, 1996). К ним относятся следующие компетенции: *способность учиться; саморазвитие; работа с информацией; способность жить в многокультурном обществе; коммуникативная*. Все они формируются и совершенствуются в процессе социокультурного развития учащихся, а две последние можно соотнести с *культурно-языковой компетенцией*, которую В.Н. Телия [12, с. 227] определяет как «владение интерпретацией языковых знаков в категориях культурного кода».

Таким образом, предлагаемая нами работа при обучении языку позволит восполнить пробел в социокультурном развитии обучающихся, а это важная задача и для ученых-исследователей, и для авторов учебников, пособий, и для учителей-практиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева, М.В. Социология: Основы общей теории: учеб. пособие / М.В. Григорьева, А.Ю. Мягков, Т.В. Подсухина; под ред. А.Ю. Мягкова. – 6-е изд. – М.: Флинта, 2014. – 256 с.
2. Анисимов, С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление / С.Ф. Анисимов. – М.: Мысль, 1988. – 253 с.
3. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль при обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – 216 с.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 203 с.
5. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
6. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: лекц. курс / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
7. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
8. Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею В.А. Масловой / сост.: В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 944 с. – (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». – Вып. 3).
9. Зимняя, И.А. Ключевые социальные компетенции – новая парадигма результатов образования / И.А. Зимняя // Высшее образование в России. – 2003. – № 5. – С. 15–20.
10. Белицкая, Г.Э. Социальная компетенция личности / Г.Э. Белицкая // Сознание личности в кризисном обществе / ред.: А.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова. – М.: Ин-т психологии РАН, 1995. – С. 42–57.
11. Хуторской, А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты / А.В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос». – 2002. – 23 апр.
12. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Поступила в редакцию 15.12.2014 г.

Принята в печать 29.12.2014 г.

УДК 811.111'37(45)

Методика моделирования денотативной структуры текста

Чучкевич И.В.

*Учреждение образования «Минский государственный
лингвистический университет», Минск*

Во многих работах лингвисты проявляют интерес к исследованию закономерностей связного текста, поскольку при таком подходе текст выступает как коммуникативный знак, представляя собой особое единство семантических и структурных характеристик, выражая целенаправленную интенцию автора.

Цель исследования состоит в выявлении характеристик предложения, которые являются релевантными для построения структурно-семантической основы текста.

Материал и методы. *Поставленная цель реализуется при помощи следующих методов: логико-семантическое моделирование, трансформационный, дистрибутивный, контекстологический анализ, а также элементы статистической обработки материала.*

Результаты и их обсуждение. *Процедура построения структурно-семантической основы текста заключается в следующем:*

- *установить ключевые денотаты в семантической структуре текста, которые определяются на основании семантического и частотного критериев;*
- *отобрать предложения с ключевыми денотатами для дальнейшего анализа;*
- *установить принадлежность каждого отобранного предложения к определенной ситуации;*
- *определить, какие компоненты ситуаций являются наиболее важными с точки зрения авторского замысла (фокус интереса), а также с точки зрения структуры отражаемой ситуации (центр эмпатии);*
- *объединить денотативные структуры отобранных предложений в единую текстовую денотативную структуру.*

Заключение. *На основании анализа полученной денотативной структуры текста автор приходит к выводу, что структурно-семантически значимыми компонентами предложения при организации текста являются фокус интереса и центр эмпатии. Фокус интереса целесообразно рассматривать как связующее звено между денотативными областями, реализуемыми в тексте, в то время как центр эмпатии определяет специфику этой связи.*

Ключевые слова: *ключевой денотат, денотативная структура, фокус интереса, центр эмпатии, доминантный денотат, фоновый денотат.*

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 133–142)

Procedure for Modeling the Text Denotative Structure

Chuchkevich I.V.

Educational establishment “Minsk State Linguistic University”, Minsk

In many works, linguists take an interest in the study of the laws of a coherent text, because according to this approach the text appears as a communicative sign, representing the unity of the particular semantic and structural characteristics, expressing purposeful intention of the author.

The goal of our research is to identify the characteristics of the sentences that are relevant for modeling the structural and semantic framework of the text.

Material and methods. *The goal is realized by means of the following methods: logical-semantic modeling, transformational, distributional, context analyses and elements of statistical processing of the data.*

Finding and their discussion. *The procedure for modeling the structural and semantic framework of the text is as follows:*

- *define the key denotations in the semantic structure of the text, which are distinguished according to the semantic and frequency criteria;*
- *select the sentences with the key denotations for a further analysis;*
- *set the reference of each selected text sentence to a particular situation;*
- *define which components of the situations are the most important according to the author's intention (focus of interest) and according to the situation structure (empathy center);*
- *unite the denotative structures of the selected sentences in a single text denotative structure.*

Conclusion. *The analysis of the text denotative structure shows the empathy centre and the focus of interest to be structurally and semantically significant components for the text organization. The focus of interest is considered to be an interlink between the denotative fields realized in the text, while the empathy centre defines the peculiarities of this linkage.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: irisha_chuchk@mail.ru – И.В. Чучкевич

Key words: *key denotation, denotative structure, focus of interest, empathy centre, dominant denotation, background denotation.*

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 133–142)

Текст – результат речемыслительной деятельности автора, направленный на познание мира, на отображение некоторого фрагмента объективной действительности. При этом авторское сознание не слепо копирует реальный мир, а выделяет в нем значимые события, свойства, качества и т.д., своеобразно комбинируя множество объектов действительности – денотатов, задавая тем самым определенную денотативную структуру [1]. Однако, ни денотативная структура в целом, ни ее основной элемент – денотат – не имеют своих собственных средств внешнего выражения, кроме средств естественного языка [2].

Таким образом, текст видится нам как продукт осмысления действительности автором, реализуемый внешне посредством единиц языка – слов и предложений. Следовательно, денотативную структуру текста можно представить как совокупность денотативных структур входящих в него предложений. Однако, денотативная структура текста – это не сумма денотативных структур текстовых предложений, которая репрезентирует только план содержания текста¹ и отражает лишь часть взаимоотношений между денотатами, показывает набор фрагментов действительности. Для цельного понимания текста необходимо уловить, как связаны эти фрагменты действительности, важно воспринимать их как некую целостность. Только при таком восприятии текстового пространства мы сможем понять смысл текста² и определить авторский замысел. Причем, стоит отметить, что авторский замысел предопределяет различную степень смысловой нагрузки единиц в структуре предложений, организующих текст. Но как определить, какие единицы наиболее значимы для понимания смысла текста? Данный вопрос тем или иным образом уже затрагивался во многих лингвистических исследованиях прагматической направленности. Ниже будет рассмотрен семантический аспект этой проблемы. Суммируя накопленный опыт, мы попытаемся установить, какие компоненты в структуре

предложения целесообразно рассматривать как смыслообразующие опоры при построении семантической основы текста.

Проблема определения наиболее значимых для понимания смысла текста единиц связана прежде всего с поиском ключевых слов в тексте, поскольку, по мнению большинства ученых, именно ключевые слова суммируют смысл текста и обладают наибольшей семантической информативностью в тексте. Однако, что касается процедуры выявления ключевых слов в тексте, то мнения ученых расходятся и здесь мы можем наблюдать сосуществование двух основных подходов в лингвистической литературе. Критериями выделения ключевых слов в тексте является, во-первых, частота их встречаемости, а во-вторых, позиция в тексте [4].

Однако какой бы мы критерий ни выбрали при определении ключевых слов, причиной спорности данного метода является не столько опора на частотный или позиционный критерий, сколько отсутствие единого мнения на то, что считать словом, на какой признак – формальный или семантический – опираться при построении ряда эквивалентных единиц. Так, с одной стороны, слово – это набор определенных символов в определенном порядке от пробела до пробела. При таком подходе мы ориентируемся только на форму, в которую обличено слово. С другой стороны, при подсчете частоты употребления определенного слова мы, помимо его формы, учитываем еще и его словарные и контекстуальные синонимы, ассоциативные и местоименные замены. В данном случае мы опираемся уже не на форму слова, а на его значение.

Мы предлагаем усовершенствовать данный метод следующим образом. Поскольку основной функцией ключевых слов нам представляется выявление основного содержания текста, суммирование смысла целого текста, то мы считаем целесообразным ориентироваться только на семантический признак при установлении наиболее частотных либо позиционно значимых смысловых единиц. И мы бы определили данный метод не как метод отбора ключевых слов, но как метод отбора ключевых денотатов.

Тем не менее, несмотря на представленные выше уточнения, мы не можем назвать дан-

¹ Под планом содержания текста мы будем понимать результат взаимодействия значений языковых единиц, входящих в текст [3, с. 14].

² Смысл текста – это явление более высокого уровня. Он складывается из взаимодействия плана содержания текста с контекстуальной, ситуативной и энциклопедической информацией [3, с. 14].

ную методику надежной, поскольку так или иначе сталкиваемся здесь с противоречием. Ведь ключевые денотаты – это единицы, обладающие наибольшей семантической информативностью для текста. А способ, который мы выбираем для их выявления – будь то частотный или позиционный – асемантический по своей природе. Очевидно, что выявление смыслообразующих единиц асемантическим способом представляется неадекватным или, по крайней мере, неполным, недостаточным. Данный способ нельзя назвать самостоятельным, а лишь вспомогательным, позволяющим установить релевантную для исследования часть текста, а следовательно, уточнить область поиска семантических опор в тексте.

Более адекватной, с точки зрения достижения цели, поставленной в нашем исследовании, представляется система семантической интерпретации предложения, известная как композиционный синтаксис [5]. Рассмотрим, как же функционирует данная теория применительно к тексту. Выше мы уже упоминали о том, что степень семантической значимости единиц в тексте предопределяется замыслом автора, его намерением решить определенную коммуникативную задачу посредством текста. В зависимости от той или иной поставленной коммуникативной задачи мы можем наблюдать вариативное отражение одной и той же денотативной области в различных контекстах, т.е. это своего рода приспособление определенной денотативной области к семантике данного текста, обеспечение связи определенной денотативной области с другими денотативными областями, входящими в денотативную структуру текста. В композиционном синтаксисе позиция автора в тексте манифестируется посредством двух семантически выделенных компонентов в глубинной структуре предложения – центра эмпатии и фокуса интереса. Центр эмпатии – это компонент ситуации, с которым идентифицирует себя говорящий в каждом конкретном предложении и занимает в сигнификативной структуре предложения первую позицию [6]. В то время как фокус интереса рассматривается в композиционном синтаксисе как наиболее важный для автора компонент в денотативной структуре предложения, занимающий в поверхностной структуре английского предложения первую правостороннюю позицию по отношению к глаголу-предикату.

Вариант выбора фокуса интереса обуславливает вариант размещения центра эмпатии,

т.е. выбор компонента денотативной структуры для заполнения левосторонней позиции по отношению к глаголу-предикату. Отсюда следует, что различные варианты выбора фокуса интереса, а следовательно, и центра эмпатии предопределяют вариативное отражение денотативной области в формальной структуре предложения [7]. Данный факт свидетельствует о том, что центр эмпатии и фокус интереса являются теми семантическими опорами, которые обеспечивают встраивание каждого конкретного предложения в контекст сообщения.

Однако, несмотря на имеющиеся недостатки частотных методов и большую объяснительную силу теории композиционного синтаксиса в вопросах семантики, мы считаем необходимым соблюсти принципы обеих методик при построении семантической основы текста. Дело в том, что при описании семантики текста мы должны учитывать как содержательный, так и смысловой компоненты [8]. Под содержанием текста понимают «ментальное образование, моделирующее фрагмент действительности, о котором говорится в тексте» [8, с. 37], т.е. результат взаимодействия значений языковых единиц, входящих в текст. А так как ключевые слова относятся к главным понятиям текста, обладают наибольшей семантической информативностью, следовательно, их можно назвать денотативным ядром текста. Смысл же текста – явление более высокого уровня. Он складывается из взаимодействия плана содержания текста с контекстуальной, ситуативной информацией. Смысл текста – это интерпретация его содержания. Если содержание базируется на денотативных (референтных) структурах, отражающих объективное положение вещей в мире, то смысл же базируется на единицах иного рода, связанных с интуитивным знанием [8]. Интерпретируя данное определение смысла в рамках теории композиционного синтаксиса, можно утверждать следующее: смысл – это моделирование определенного фрагмента действительности в соответствии с интенцией автора, а единица, связанная с интуитивным знанием, прагматически обусловленная единица, на которой базируется смысл, – это фокус интереса говорящего. Согласно теории композиционного синтаксиса, именно фокус интереса предопределяет особенности отражения той или иной денотативной области, обеспечивая ее приспособление к семантике текста. Следовательно, компоненты предло-

жения, находящиеся в позиции фокуса интереса, образуют смысловое ядро текста.

Цель нашего исследования состоит в выявлении характеристик предложения, которые являются релевантными для построения денотативной структуры текста.

Материал и методы. Поставленная цель будет реализована нами при помощи следующих методов: логико-семантическое моделирование, трансформационный, дистрибутивный, контекстологический анализ, а также элементы статистической обработки материала.

Учитывая все вышесказанное, рассмотрим, каков же механизм построения денотативной структуры текста и как осуществляется связь денотативных областей, реализующихся в тексте, на примере газетной статьи *The Daily Telegraph* “*British woman nominated as first female member of Barack Obama’s new cabinet*”.

Для этого нами предлагается следующая методика.

1. Установить ключевые денотаты в семантической структуре текста, которые определяются на основании семантического признака и критерия частоты появления определенной смысловой единицы в тексте.

2. Установить принадлежность каждого текстового предложения к определенной ситуации.

3. Определить, какие компоненты ситуаций, входящих в текст, являются наиболее важными с точки зрения автора, т.е. занимают в поверхностной структуре предложения первую правостороннюю позицию по отношению к глаголу-предикату – позицию фокуса интереса [7].

4. Определить, с каким компонентом ситуации идентифицирует себя говорящий в каждом конкретном предложении текста, т.е. установить, какой участник ситуации попадает в первую аргументную позицию – позицию центра эмпатии [6].

5. Объединить денотативные структуры предложений, содержащих ключевые денотаты, в единую текстовую денотативную структуру.

6. На основании анализа полученной денотативной структуры текста установить, какой семантический компонент предложения является связующим звеном денотативных областей, реализуемых в тексте.

Результаты и их обсуждение. Процедура отбора ключевых денотатов практически идентична процедуре отбора ключевых слов в тексте. Тем не менее, данный метод имеет некоторые свои особенности. Так как цель

данной процедуры – определить релевантный для нашего исследования семантический каркас текста, то мы будем ориентироваться только на семантический признак при установлении наиболее частотных смысловых единиц. Также необходимо отказаться от учета частичечной природы слов при выстраивании ряда эквивалентных по смыслу единиц, т.е. лексических единиц, отражающих один и тот же денотат. При этом, сохраняя принцип частотности, нам представляется целесообразным при выделении ключевых слов в тексте воспользоваться следующими, уже известными, однако несколько измененными в соответствии с целями нашего исследования, формулами. Так коэффициент важности отдельно взятого денотата, отраженного в тексте, определяется по формуле:

$$K_{\text{важ}} = F \cdot m / N \cdot n \quad [9],$$

где F – общее число слов в тексте, отражающих один и тот же денотат; m – общее число абзацев, в которых был отражен данный денотат; N – общее число слов в тексте; n – общее число абзацев в тексте; $K_{\text{важ}}$ – коэффициент важности денотата.

А при установлении порога частотности для отнесения денотата к ключевому применим формулу, отражающую критическое значение коэффициента важности денотата [9]:

$$K_{\text{важ}} \geq (1/5n+1)^2 / N \cdot n$$

Итак, дадим описание процедуры отбора ключевых денотатов на примере текста “*British woman nominated as first female member of Barack Obama’s new cabinet*”. Данная процедура проходила в несколько этапов.

На *этапе 1* были установлены общее число слов в тексте (N) и общее число абзацев в тексте (n). Общее число слов в тексте составило 321, общее число абзацев – 11.

На *этапе 2* были составлены эквивалентные ряды лексем, имеющих одинаковую референцию. При этом при построении данных рядов частичечная природа слов не учитывалась.

• *British woman, first female member of Barack Obama’s new cabinet, British-born business executive, first female member of his new cabinet, secretary of the interior, Sally Jewell, her (father), She, She, her (sister), Mrs Jewell, the chief executive, she, Mrs Jewell, I, I, her, a strong and capable leader, hiking enthusiast, She, Mrs Jewell, the first woman.*

- *(New) cabinet, (new) cabinet, (second term) cabinet, cabinet (posts), (the fifth US) cabinet (secretary).*

- *(Second) term.*
- *Barack Obama's, Barack Obama, his, Mr Obama, he, Mr Obama's.*
- *Nominated, has nominated, nominated.*
- *Responsible.*
- *More than 500 million acres of public land, around a fifth of the entire surface US country's hundreds national parks.*
- *Born, born.*
- *London.*
- *Moved.*
- *Washington state.*
- *Age.*
- *Her father, Peter Roffey, our father.*
- *Offered.*
- *(Medical) fellowship.*
- *US country's, American, US, the United States, the US (Senate), our (economic progress).*
- *Grew up.*
- *The north west, north westerner's, the north west.*
- *Became.*
- *Citizen.*
- *Has a (north westerner's) love.*
- *Outdoors, evergreen landscape, outdoor (goods), environmental (policy), (good stewards of) the land, (more than 500 million acres of public) land, (around a fifth of the entire) surface (US country's hundreds national parks).*
- *Jane Roffey Berry, her sister.*
- *Told, speaking, said, said.*
- *The Daily Telegraph.*
- *Came from, came from.*
- *England, Britain, Welsh (immigrant).*
- *Taken by.*
- *Recreational Equipment Inc., an outdoor goods company, its (employees), its (environmental policy).*
- *Has won.*
- *Plaudits.*
- *(Environmental) policy.*
- *Treatment.*
- *(Its) employees.*
- *Confirmed.*
- *The US Senate.*
- *The most recent, James Davis, a Welsh immigrant, the fifth US cabinet secretary, secretary of labour, this job, good stewards (of the land).*
- *Served.*
- *(Consecutive Republican) presidents.*
- *(Consecutive) Republican (presidents).*
- *The White House.*

- *Yesterday.*
- *Humbled.*
- *Energised.*
- *Opportunity.*
- *Praised.*
- *Joked.*
- *The toughest part.*
- *Sitting.*
- *Desk.*
- *Knows.*
- *Contradiction.*
- *(Our economic) progress.*
- *Go hand-in-hand.*
- *Critics.*
- *Have complained.*
- *Hillary Clinton's.*
- *Departure.*
- *Means.*
- *Women.*
- *Have been relegated.*
- *(More minor cabinet) posts.*

Далее, на *этапе 3*, нами были подсчитаны общее число слов в тексте, реализующих один и тот же денотат (F), и общее число абзацев, в которых был отражен данный денотат (M).

На основании полученных данных нам удалось установить коэффициент важности каждого отдельно взятого денотата путем применения к каждому эквивалентному ряду лексических единиц следующей формулы:

$$K_{\text{важ}} = F \cdot m / N \cdot n [9],$$

где F – общее число слов в тексте, отражающих один и тот же денотат; m – общее число абзацев, в которых был отражен данный денотат; N – общее число слов в тексте; n – общее число абзацев в тексте; $K_{\text{важ}}$ – коэффициент важности денотата.

● *British woman, first female member of Barack Obama's new cabinet, British-born business executive, first female member of his new cabinet, secretary of the interior, Sally Jewell, her (father), She, She, her (sister), Mrs Jewell, the chief executive, she, Mrs Jewell, I, I, her, a strong and capable leader, hiking enthusiast, She, Mrs Jewell, the first woman.*
 $F=22 \ m=11 \ K_{\text{важ}}=0,068536$

● *(New) cabinet, (new) cabinet, (second term) cabinet, cabinet (posts), (the fifth US) cabinet (secretary).*

$$F=5 \ m=4 \ K_{\text{важ}}=0,005664$$

$$\bullet \text{ (Second) term. } F=1 \ m=1 \ K_{\text{важ}}=0,000283$$

- *Barack Obama's, Barack Obama, his, Mr Obama, he, Mr Obama's.* $F=6$ $m=4$ $K_{важ}=0,006797$
- *Nominated, has nominated, nominated.* $F=3$ $m=3$ $K_{важ}=0,002549$
- *Responsible.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *More than 500 million acres of public land, around a fifth of the entire surface US country's hundreds national parks.* $F=2$ $m=1$ $K_{важ}=0,000566$
- *Born, born.* $F=2$ $m=2$ $K_{важ}=0,001133$
- *London.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Moved.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Washington state.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Age.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Her father, Peter Roffey, our father.* $F=3$ $m=2$ $K_{важ}=0,001699$
- *Offered.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *(Medical) fellowship.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *US country's, American, US, the United States, the US (Senate), our (economic progress).* $F=6$ $m=4$ $K_{важ}=0,006797$
- *Grew up.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *The north west, north westerner's, the north west.* $F=3$ $m=2$ $K_{важ}=0,001699$
- *Became.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Citizen.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Has a (north westerner's) love.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Outdoors, evergreen landscape, outdoor (goods), environmental (policy), (good stewards of) the land, (more than 500 million acres of public) land, (around a fifth of the entire) surface (US country's hundreds national parks).* $F=7$ $m=4$ $K_{важ}=0,00793$
- *Jane Roffey Berry, her sister.* $F=2$ $m=1$ $K_{важ}=0,000566$
- *Told, Speaking, said, said.* $F=4$ $m=3$ $K_{важ}=0,003398$
- *The Daily Telegraph.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Came from, came from.* $F=2$ $m=1$ $K_{важ}=0,000566$
- *England, Britain, Welsh (immigrant).* $F=3$ $m=2$ $K_{важ}=0,001699$
- *Taken by.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Recreational Equipment Inc., an outdoor goods company, its (employees), its (environmental policy).* $F=4$ $m=1$ $K_{важ}=0,001133$
- *Has won.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Plaudits.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *(Environmental) policy.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Treatment.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$

- *(Its) employees.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Confirmed.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *The US Senate.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *The most recent, James Davis, a Welsh immigrant, the fifth US cabinet secretary, secretary of labour, this job, good stewards (of the land).* $F=7$ $m=3$ $K_{важ}=0,005947$
- *Served.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *(Consecutive Republican) presidents.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *(Consecutive) Republican (presidents).* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *The White House.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Yesterday.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Humbled.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Energised.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Opportunity.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Praised.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Joked.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *The toughest part.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Sitting.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Desk.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Knows.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Contradiction.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *(Our economic) progress.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Go hand-in-hand.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Critics.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Have complained.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Hillary Clinton's.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Departure.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Means.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Women.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *Have been relegated.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$
- *(More minor cabinet) posts.* $F=1$ $m=1$ $K_{важ}=0,000283$

На этапе 4 нами были установлены ключевые денотаты посредством применения следующих «фильтров»:

– Исключены денотаты, отраженные только в одном абзаце текста.

– Установлен порог частотности для отношения денотата к ключевому, который можно вычислить по формуле: $K_{важ} \geq (1/5n+1)^2/N \cdot n$ [9]. Для данного текста порог частотности отражения того или иного денотата в тексте следующий: $K_{важ} \geq 0,0029$.

С учетом применения вышеупомянутых «фильтров» были отобраны следующие ряды эквивалентных по значению единиц, отражающие ключевые денотаты:

• *British woman, first female member of Barack Obama's new cabinet, British-born business executive, first female member of his new cabinet, secretary of the interior, Sally Jewell, her (father), She, She, her (sister), Mrs Jewell, the chief executive, she, Mrs Jewell, I, I, her, a strong and capable leader, hiking enthusiast, She, Mrs Jewell, the first woman. F=22 m=11 K_{важ}=0,068536*

• *(New) cabinet, (new) cabinet, (second term) cabinet, cabinet (posts), (the fifth US) cabinet (secretary). F=5 m=4 K_{важ}=0,005664*

• *Barack Obama's, Barack Obama, his, Mr Obama, he, Mr Obama's. F=6 m=4 K_{важ}=0,006797*

• *US country's, American, US, the United States, the US (Senate), our (economic progress). F=6 m=4 K_{важ}=0,006797*

• *Outdoors, evergreen landscape, outdoor (goods), environmental (policy), (good stewards of) the land, (more than 500 million acres of public) land, (around a fifth of the entire) surface (US country's hundreds national parks). F=7 m=4 K_{важ}=0,00793*

• *The most recent, James Davis, a Welsh immigrant, the fifth US cabinet secretary, secretary of labour, this job, good stewards (of the land). F=7 m=3 K_{важ}=0,005947*

Таким образом, следуя упомянутой выше процедуре, нами были отобраны именно те предложения текста, которые необходимы для построения его денотативной структуры.

Далее проведем анализ только той части каждого отобранного предложения, которая

актуальна для нашего исследования. Данные анализа представим в виде таблицы.

Во-первых, для нас важно, какой фрагмент действительности, т.е. какую денотативную область, отражает каждое текстовое предложение. А поскольку глагол-сказуемое является ядром ситуации, отраженной в предложении и его лексико-семантические и синтаксико-семантические свойства оказывают существенное влияние на формирование всей семантической структуры предложения, нам представляется целесообразным включить его в таблицу. Во-вторых, существенным для нас является не только то, какой фрагмент действительности, какую денотативную область, отражает то или иное предложение, но и как этот фрагмент действительности, т.е. определенная денотативная область, отражен, каким образом обеспечивается его приспособление к единой коммуникативной задаче, поставленной автором. Как уже было сказано ранее, в композиционном синтаксисе позиция автора в тексте манифестируется посредством двух семантически выделенных компонентов в глубинной структуре предложения – центра эмпатии и фокуса интереса. Поэтому мы посчитали необходимым отразить также и эти компоненты. Таким образом, каждое предложение в таблице будет иметь следующий вид: лексема, представляющая участника ситуации в позиции центра эмпатии – глагол-сказуемое, отражающий определенную денотативную область, – лексема, представляющая участника ситуации в позиции фокуса интереса. При этом мы укажем, какую денотативную область отражает каждое предложение.

Таблица – Эмпатийно-фокусный анализ и определение отраженных денотативных областей газетной статьи *The Daily Telegraph: "British woman nominated as first female member of Barack Obama's new cabinet"*

№	Центр эмпатии	Денотативная область	Фокус интереса
1.	president Barack Obama	has nominated (социальное изменение)	a British-born business executive
2.	Sally Jewell	would be (психическое состояние)	responsible
3.	the 56-year-old	was born (создание)	in London (место)
4.	the 56-year-old	moved (перемещение)	to Washington state
5.	her father, Peter Roffey	was offered (приобретение)	a medical fellowship
6.	she	grew up (превращение)	in the north west of the United States
7.	she	became (превращение)	an American citizen
8.	she	has (психическое состояние)	a north westerner's love of the outdoors
9.	Jane Roffey Berry, her sister	told (вербальное информирование)	the Daily Telegraph
10.	Who (our father)	came (перемещение)	from England
11.	our father	was taken (психическое состояние)	by the evergreen landscape

Окончание табл.

№	Центр эмпатии	Денотативная область	Фокус интереса
12.	Mrs Jewell	is (тождество)	the chief executive
13.	Recreational Equipment Inc., an outdoor goods company	has won (приобретение)	plaudits
14.	(it)	(is) confirmed (вербальное информирование)	by the US Senate
15.	she	will be (тождество)	the fifth US cabinet secretary
16.	the fifth US cabinet secretary	to have been born (создание)	in Britain
17.	the most recent	was (тождество)	James Davis, a Welsh immigrant
18.	who (<i>James Davis, a Welsh immigrant</i>)	served (социальная деятельность)	as a secretary of labour
19.	(Mrs Jewell)	Speaking (вербальное информирование)	at the White House
20.	Mrs Jewell	said (вербальное информирование)	"I'm humbled ..."
21.	I	am (психическое состояние)	humbled
22.	I	am (психическое состояние)	energized
23.	Mr Obama	praised (тождество)	her
24.	(Mr Obama)	joked (вербальное информирование)	that ...
25.	the toughest part of this job	will (probably) be sitting (месторасположение)	behind a desk
26.	she	knows (ментальный акт)	that ...
27.	there	's no (наличие/отсутствие)	contradiction
28.	he	(вербальное информирование)	said
29.	Mrs Jewell	is (тождество)	the first woman
30.	the first woman	(is) nominated (социальное изменение)	for Mr Obama's second term cabinet
31.	women	have been relegated (социальное изменение)	to more minor cabinet posts

Определив, какие денотативные области реализованы в данном тексте, а также установив семантические опоры (центры эмпатии и фокусы интереса текстовых предложений), посредством которых связаны отраженные денотативные области данного текста, мы теперь можем сформировать денотативную структуру всего текста. Представим данную структуру в виде сети денотативных структур отобранных текстовых предложений. Денотативную структуру каждого предложения в данном случае удобнее репрезентировать как комбинацию участника, занимающего позицию центра эмпатии, и участника ситуации в позиции фокуса интереса, поскольку именно посредством данных семантически и прагматически значимых компонентов денотативная структура отдельного предложения встраивается в семантическую основу всего текста. В скобках около участника ситуации укажем его денотат. Процесс моделирования денотативной структуры текста представлен в следующей схеме, где S – субъект; O – объект;

Adr – адресат; O_{sent} – объект, представленный на поверхностном уровне целым предложением; O_{pred} – объект, представленный на поверхностном уровне предикативной конструкцией; Res – результат; Ch_{loc} – характеризатор места; Q – квалификатор. В квадратных скобках даны предложения, которые не включены в смыслообразующую сеть текста.

В ходе анализа денотативной структуры данного текста нами было установлено следующее:

- Узлами семантической сети текста являются денотаты, находящиеся в позиции фокуса интереса¹.

- Денотат в позиции фокуса интереса является связкой для денотативных структур нескольких предложений, содержащих тот же денотат, но уже в позиции центра эмпатии. Другими словами, денотат впервые реализуется в тексте в позиции фокуса интереса, а затем отражается в позиции центра эмпатии в

¹ Данные денотаты выделены в схеме жирным шрифтом.

рамках определенного отрезка текста. Такие денотаты, т.е. денотаты, которые впервые отражаются в тексте в позиции фокуса интереса, а затем занимают позицию центра эмпатии в нескольких последующих предложениях, мы будем называть *доминантными денотатами*. Проанализировав текст газетной статьи *The Daily Telegraph* “British woman nominated as first female member of Barack Obama’s new cabinet”, к ним мы отнесли: *Sally Jewell, cabinet secretary, James Davis*.

Чем же можно объяснить такие закономерности функционирования доминантных денотатов? Дело в том, что в позицию фокуса интереса автор помещает участника, которого считает наиболее значимым в рассматриваемой ситуации, т.е. это тот предмет или человек, о котором будет идти речь – тема сообщения. Позицию же центра эмпатии занимает компонент ситуации, с которым идентифицирует себя говорящий в каждом конкретном предложении текста [6]. Интерпретируя выше сказанное в соответствии с целями нашего исследования, мы можем говорить о центре эмпатии в тексте как о некотором угле зрения, ракурсе, фоне, на котором мы будем презентовать тему нашего сообщения. Таким образом, денотаты, появляющиеся в тексте сначала в позиции фокуса интереса, а затем в позиции центра эмпатии, мы потому и называем доминантными, что они являются предметом, о котором мы намереваемся рассказать. Сначала мы просто называем данный предмет, сообщаем то, о чем будем говорить и поэтому помещаем его в позицию фокуса интереса. А затем сообщаем некоторую другую информацию, но опять же о данном предмете, связанную с данным предметом; данный предмет в следующем предложении уже будет служить лишь фоном и находится в позиции центра эмпатии.

Однако здесь остается еще один нерешенный вопрос. Как приспособляются к денотативной структуре текста предложения, отражающие ключевой денотат только в позиции центра эмпатии? При этом случаи попадания данного денотата в позицию фокуса интереса в тексте не наблюдаются. Как уже упоминалось ранее, элементы, находящиеся в позиции центра эмпатии, представляют собой фон, некоторую информацию о предмете сообщения. Поэтому нам представляется уместным назвать такие денотаты *фоновыми денотатами*. К фоновым денотатам, отражаемым в денотативной структуре рассматриваемой

газетной статьи, относятся: *Barack Obama, Sally Jewell’s father, Sally Jewell’s sister, outdoor goods company, women*. Что касается предложений с фоновыми денотатами, то они не так важны для понимания текста, не являются его тематическим ядром. Такие предложения передают лишь второстепенную для содержания текста информацию и потому не входят в семантическую сеть текста.

На основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Смыслообразующей сетью текста является информация, выделенная на основании следующих критериев:

- семантика;
- частотность (ключевые слова);
- важность для автора (центр эмпатии и фокус интереса).

2. Особое единство семантических и структурных характеристик текста обусловлено интенцией автора и обеспечивается посредством фокуса интереса и центра эмпатии каждого текстового предложения. Фокус интереса целесообразно рассматривать как связующее звено между денотативными областями, реализуемыми в тексте, в то время как центр эмпатии определяет характер этой связи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста: теория и практика: учебник, практикум / Л.Г. Бабенко, К.В. Казарин. – 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 496 с.
2. Новиков, А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков; под ред. Р.Г. Котова. – М.: АН СССР: Ин-т языкознания, 1983. – 216 с.
3. Тураева, З.Я. Лингвистика текста: Текст: структура и семантика: учеб. пособие / З.Я. Тураева. – 2-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 144 с.
4. Карпилович, Т.П. Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т.П. Карпилович. – Минск: МГЛУ, 2003. – 226 с.
5. Bogushevich, D. Outline of the compositional syntax / D. Bogushevich, Y. Ilyukevich, L. Kozlova, E. Makutsa, V. Petrusevich // Philosophy of Linguistics: Proceedings of the 16th International Congress, Oxford, 20–25 July, 1997 year.
6. Kuno, Susumu. Subject, theme, and the speaker’s empathy – a reexamination of relativization phenomena / Susumo Kuno // Subject and topic / Charles N.Li.; ed. Charles N.Li. – New York, 1976. – P. 417–444.

7. Ivanova-Mitseвич, I.V. Variability of formal presentation of situations / I.V. Ivanova-Mitseвич // Язык и культура: материалы XVI Междунар. науч. конф., Киев, 25–29 июня, 2007 г. / Ин-т филологии Киев. нац. ун-та; отв. ред. Д.С. Бураго. – Киев, 2008. – Вып. 10. – Т. III. – С. 277–281.
8. Новиков, А.И. Семантическое пространство текста и способы его членения / А.И. Новиков // Категоризация мира: пространство и время: материалы науч. конф. / МГУ; под ред. О.В. Александровой и Е.С. Кубряковой. – М., 1997. – С. 36–37.
9. Зубов, А.В. Статический аспект содержания текста и его формальное представление / А.В. Зубов // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов: сб. науч. ст. / Тарт. гос. ун-т; редкол.: Ю. Тулдава [и др.]. – Тарту, 1986. – С. 75–94.

Поступила в редакцию 20.10.2014 г.

Принята в печать 29.12.2014 г.

УДК 821.161.3-343.09

Казачны свет А. Дударова: дыскурсныя вытокі, ідэйна-тэматычная скіраванасць твораў, іх падзейны драматызм

Падстаўленка В.Ф.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Маішэрава”, Віцебск

У артыкуле даследуюцца ідэйна-тэматычныя, вобразныя і жанрава-стылявыя адметнасці беларускай аўтарскай казкі на матэрыяле кнігі “Сінявочка” Аляксея Дударова. Сцвярджаецца: згаданыя літаратурныя прыклады жанрава набліжаюцца да казак-прытчаў. На гэта ўказваюць многія іх мастацкія элементы, у тым ліку поліварыянтныя сюжэтныя трактоўкі твораў з акцэнтам на іх зместавай іншасказальнасці, філасофская канцэптуальнасць аўтарскіх разваг, алегарычная вобразнасць казачных гісторый і інш.

Мэта дадзенай работы – шматаспектна раскрыць вытокі аўтарскага “казачнага” стылю, вызначыць ідэйна-тэматычны вектар згаданых твораў, выявіць сутнасць і функцыянальнае прызначэнне падзейна драматычных эпізодаў з акцэнтам на іх мастацкім псіхалагізме.

Матэрыял і метады. Аб’ектамі даследавання ў артыкуле сталі праявіныя прыклады са зборніка “Сінявочка” А. Дударова. Асноўнымі для навуковага аналізу абраны прыёмы канкрэтна-гістарычнага, структурна-тыпалагічнага і дэскрыптыўнага метадаў, якія дазволілі рознабакова ахарактарызаваць казкі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Істотнае месца ў казках А. Дударова адводзіцца падзейнаму драматызму, псіхалагічным момантам ініцыяцыі чытацкіх суперажыванняў. Рэцыпіент разам з героем асэнсоўвае складанасць выбару адзіна правільнага маральнага раішэння і душэўна ўзрушана, эмацыянальна карэлюецца з напружанымі перыпетыямі ў лёсе пратаганіста. Падзейны драматызм становіцца адной са стылявых дамінант у казках пісьменніка.

Заклучэнне. Казкі Аляксея Дударова ўяўляюць сабой арыгінальны мастацкі сінтэз, у межах якога паядналися інтэрпрэтаваныя жанравыя традыцыі, канцэптуальныя філасофскія ідэі, маральна-этычны кодэкс наводзін сапраўднага чалавека, псіхалагічная пераканаўчасць персанажаў, адметная алегарычнасць падзей і вобразаў, глыбокі падзейны драматызм.

Ключавыя словы: аўтарская казка, ідэйна-тэматычны змест, вобразная сістэма, дыскурсныя адметнасці, мастацкі псіхалагізм, падзейны драматызм, алегарычны свет.

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 143–148)

Fairy Tale World by A. Dudarev: Discursive Origins, Conceptual and Thematic Focus of Works, their Factual Dramatic Effect

Podstavlenko V.F.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article explores the conceptual and thematic, figurative, genre-style features of the Belarusian author's tale on the material of the book “Blue Eyed” by Alexei Dudarev. It is stated that the mentioned literary examples in genre approach to fairy tales-parables. Many of their artistic elements indicate it, including a multiplicity of narrative interpretations of works with a focus on their content allegory, philosophical conceptual author's considerations, allegorical imagery of fairy tales, and others.

The purpose of this work – to reveal the origins of many aspects of the author's “fairy tale” style, define the conceptual and thematic vector of mentioned works, to identify the nature and functionality of the event dramatic episodes with an emphasis on their artistic psychological character.

Material and methods. The object of the research is prose examples from A. Dudarev's collection of “Blue Eyed”. The basic techniques of definite and historical, structural and typological as well as descriptive methods are chosen, which made it possible to characterize fairy tales from different sides.

Findings and their discussion. Significant place in A. Dudarev's fairy tales is taken by factual dramatics, psychological moments of initiation of readers' feelings. The recipient feels, together with the character, hardship in choosing the only correct moral decision and with soul embarrassment emotionally correlates with tense events in the life of the protagonist. Factual dramatics becomes one of the stylistic dominants in the writer's fairy tales.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: v.podstavlenko@mail.ru – В.Ф. Падстаўленка

Conclusion. A. Dudarev's fairy tales are special artistic synthesis within which interpreted genre traditions, conceptual philosophic ideas, moral and ethical code of the real person's behavior, psychological ideas of characters, distinct allegory of facts and images, deep factual dramatics are united.

Key words: author's tale, conceptual and thematic content, imaging system, stylistic features, artistic psychological character, factual dramatic effect, allegorical world.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 143–148)

У 1981 годзе выйшла ў свет невялікая кніга казак Аляксея Дударава пад назвай “Сінявочка”. Зборнік выклікае выдавочную чытацкую і навуковую цікавасць, бо гэта, папершае, адны з ранніх твораў вядомага аўтара, таму заканамерна жаданне выявіць ідэйныя каардынаты мастацкага светапогляду Дударава, а па-другое, на фоне дамінуючай драматургічнай спадчыны пісьменніка важна тэарэтычна асэнсаваць і жанрава-стылявыя адметнасці яго прозы, каб дасягнуць аб’ектыўнасці і грунтоўнасці ў навуковых высновах.

Мэта дадзенай работы – шматаспектна раскрыць вытокі аўтарскага “казачнага” стылю, вызначыць ідэйна-тэматычны вектар згаданых твораў, выявіць сутнасць і функцыянальнае прызначэнне падзейна драматычных эпизодаў з акцэнтам на іх мастацкім псіхалагізме.

Матэрыял і метады. Аб’ектамі даследавання ў артыкуле сталі праяўленыя прыклады са зборніка “Сінявочка” А. Дударава. Асноўнымі для навуковага аналізу абраны прыёмы канкрэтна-гістарычнага, структурна-тыпалагічнага і дэскрыптыўнага метадаў, якія дазволілі рознабакова ахарактарызаваць казкі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Можна пагадзіцца са сцверджанай у сучасным літаратуразнаўстве думкай, што згаданыя творы жанрава набліжаюцца да казак-прытчаў (С. Шамякіна). На гэта ўказваюць многія іх мастацкія элементы, у тым ліку поліварыянтныя сюжэтныя трактоўкі твораў з акцэнтам на іх змештавай іншасказальнасці, філасофская канцэптуальнасць аўтарскіх разваг, алегарычная вобразнасць казак і інш.

Алегарычная сістэма Дударава базуецца на антрапамарфізаваных персанажах: “ачалавечаных” вобразах жывёл, раслін, нябесных аб’ектаў (сонца, месяца, хмар, ветру). Аўтарскі мастацкі свет – жывы, дынамічны, насычаны моцнымі пачуццямі герояў, іх адказнымі рашэннямі і важнымі ўчынкамі, гэты свет тыповы, абагульнены, з агульначалавечымі і нацыянальнымі каардынатамі. У гэтым творы Дударава арганічныя мастацкай традыцыі Я. Коласа, закладзенай класікам у “Казках жыцця”. Адносна апошняга даследчык У. Казбярук слушна адзначаў, што “вытокі

Коласаўскай алегорыі – у народнай паэтычнай свядомасці, філасофіі быту, існавання, жыцця, вобразнасці” [1, с. 16].

Часава апрабавання крытэрыі народнай філасофіі існавання дазволілі абодвум пісьменнікам удала пазбягаць акадэмічнага дыдактызму і малаэфектыўнай апісальнасці. Як падтэкстава сцвярджаецца ў творах названых аўтараў, чалавечае існаванне – гэта толькі частка агульназямнога Быцця, і таму тут канстантна захоўваецца непарыўная сувязь. Жадуючы вычарпальна раскрыць характары сучаснікаў і іх сацыяльныя прыярытэты, пісьменнікі апелывалі да адпаведных асацыятыўных сітуацый, так бы мовіць, з Вялікага Свету, свету прыроды, які можа стаць мудрым дарадцам і настаўнікам для чытачоў. Пры гэтым заўважаюцца некаторыя асаблівасці. Алегарычная сістэма Коласа не ўключае рэалістычны вобраз чалавека, аднак апасродкавана раскрывае яго маральную, сацыяльную і грамадзянскую сутнасць. У Дударава мастацкія вобразы людзей (пераважна дзяцей) прысутнічаюць у казачнай прасторы, яны актыўна ўключаюцца ў цэнтральныя перыпетыі, ініцыруюць многія сюжэтаўтваральныя падзеі.

Бясспрэчна, што для дзіцячага твора вельмі важным з’яўляецца стварэнне мастацкага эфекту сапраўднасці, жыццёвасці рэпрэзэнтаваных падзей, бо гэта істотна памнажае ступень чытацкага даверу да аповеду. Кіруючыся згаданым правілам, Дудараў выкарыстоўвае наступныя мастацкія прыёмы:

1) у казкі ўводзяцца матывіроўкі пэўных важных рашэнняў персанажаў: з-за зайздрасці і імкнення адпомсціць крыніцы Зялёная Сажалка плануе яе пакараць (“Сінявочка”), адчуванне адказнасці перад сябрам штурхае маленькі праменчык на рызыкаўную справу (“Блакiтны праменчык”), жаданне зразумець самога сябе, уласны сэнс існавання і спроба адшукаць сям’ю матывавалі вялікае падарожжа воблачка (“Пухнацік”);

2) у змест твораў уключаюцца апісанні набліжанай да сучаснасці побытавай і сацыяльнай атрыбутыўнасці (электрычная лямпачка (“Блакiтны праменчык”), даведка з пячаткай (“Нахабнік”));

3) у кожнай казцы канкрэтызуюцца прасторава-часавыя аспекты мастацкага дзеяння (каляндарныя поры, часткі сутак).

Карэляцый рэалістычнага і фантастычнага ў аналізаваных творах Дударава мае такую адметнасць: уключэнне незвычайных герояў у звыклую паўсядзённую трансфармуе рэальнасць у чароўную (сапраўды казачную) прастору, у якой персанажам даводзіцца выпрабавваць свае лепшыя якасці. Так, напрыклад, ачышчэнне зарослай крынічкі трактуецца як яе выратаванне (“Сінявочка”), дожджык, які паліўся са спагадлівай і міласэрнай хмаркі, падаецца як падзвіг, самаахвяраванне (“Пухнацік”). Праз дзівоснае акцэнтаванае ўвага на звышказаштоўнасці маральнага ў свеце, а цуда ствараецца героямі ў самыя важныя моманты іх існавання, часам нават за кошт уласнага жыцця (“Блакiтны праменчык”, “Пухнацік”).

Ідэйна-тэматычны змест у большасці казак Дударава па-філасофску і псіхалагічна заглыблены. Аксіялагічная сістэма пісьменніка грунтуецца на маральна-этычных паняццях і катэгорыях. Праілюструем думку на канкрэтных прыкладах. У казцы “Сінявочка” сцвярджаецца ідэя неабходнасці быць добрым, тады ўсе палюбяць цябе і ў выпадку небяспекі дапамогуць.

У казцы “Мурзік і Піня” ідэя выключнай ролі сяброўства, якое таксама даказваецца праз узаемадапамогу, адкрыта гучыць у фінале: “як здорава, што ты не адзін, калі табе ёсць з кім гуляць” [2, с. 10]. Але, каб нівеліраваць звышпавучальнасць, аўтар да згаданай высновы дадае гумарыстычнае тлумачэнне, суадноснае з “заалагічнай” спецыфікай герояў: “І тады не трэба ганяцца за ўласным хвостом, які ўсё роўна ніколі не дагоніш” [2, с. 10].

Маральна-этычная дамінанта ў аналізаваных творах дасягае максімуму ў казках “Блакiтны праменчык” і “Пухнацік”. У першым прыкладзе тэкстуальна даказваюцца думкі пра адказнасць асобы за свае словы і абяцанні, гатоўнасць ахвяраваць сабой дзеля сябра. Каб маленькі чытач канчаткова ўсвядоміў, хто такі сябар, аўтар уключае ў твор своеасаблівае мастацкае тлумачэнне-дэфініцыю: “сябры – гэта тыя, што заўсёды дапамагаюць адзін аднаму <...> калі аднаму дрэнна, сябар павінен заўсёды быць побач” [2, с. 16]. Слушнасць гэтых аргументаўцаў у далейшым драматычным апавядзе, дзе праменчык імкнецца вярнуцца да хворага хлопчыка.

Дзякуючы максімалісцкай маральнай пазіцыі Блакiтнага праменчыка, яго праметэўскаму пачатку персанаж з’яўляецца па-мастацку самабытным і псіхалагічна кранае. Нягледзячы на тое, што дадзены герой уяўляе сабой алегарычны варыянт дзіцячага вобраза, ён выступае носьбітам такіх выключных якасцей, як высакародства, мужнасць, імкненне да дасягнення высокіх мэтай, бунтарства супраць несправядлівасці, гатоўнасць да самаахвяравання дзеля шчасця іншых. Пры ўсёй ідэалістычнасці вобраза аўтар не забываецца і аб яго рэалістычнай пераканаўчасці, таму істотнае месца ў творы маюць элементы псіхалагічнага партрэта героя: імітацыя дзіцячай рэцэпцыі свету, перадача наіўнасці персанажа, але і апісанні яго пазаўзроставай удумлівасці, лагічны і маральны дэтэрмінізм учынкаў і рашэнняў.

Гэты тып героя знаходзіць сваё развіццё ў казцы “Пухнацік”. Тут аўтар разважае над такімі філасофскімі ідэямі, як асэнсаванне свайго прызначэння ў свеце і шляхі пазбаўлення ад пакутлівай адзіночаты.

Істотнае месца ў казках А. Дударава адводзіцца падзейнаму драматызму, псіхалагічным момантам ініцыяцыі чытацкіх суперажыванняў. Рэцыпіент разам з героем асэнсоўвае складанасць выбару адзіна правільнага маральнага рашэння і душэўна ўзрушана, эмацыянальна карэлюецца з напружанымі перыпетыямі ў лёсе пратаганіста. Падзейны драматызм становіцца адной са стылявых дамінантаў у казках пісьменніка. Дудараў як знаўца дзіцячай мастацкай рэцэпцыі і носьбіт тэатральнага, сцэнічнага майстэрства, думаецца, відавочна адчуваў важнасць і моцнага канфліктнага базісу ў казках, і эмацыянальна маркіраванага сюжэтнага “экшану”, і навелістычнай вытанчанасці незвычайных гісторый.

У творах “Сінявочка”, “Мурзік і Піня” падзейны драматызм выяўляецца фрагментарна, экстэнсіфікуючы шматкампанентны аўтарскі дыскурс. Так, казка “Сінявочка” пачынаецца ідэалізаванай пейзажнай замалёўкай, прасякнутай матывамі эстэтызацыі рэчаіснасці і радасці жыцця: “У ціхай лагчыне, пад старой разгалістай вярбой жыла маленькая чыстая крынічка. <...> Крыштальная вадзіца ўдзень і ўночы, улетку і ўзімку бруілася з Сінявочкі, бы нітачка-ручаінка <...> У спякотныя летнія дні ў крынічцы купалася Сонейка, ноччу на паверхні вады разам з зорачкамі адпачываў вастрарогі Месяц” [2, с. 2].

Але ўжо ў наступным эпізодзе размовы Зялёнай Сажалкі з жабянём акрэсліваецца канфлікт паміж антаганістычнымі цэнтральнымі персанажамі (як канкрэтны варыянт спрадвечнай барацьбы добра і зла). Таксама матывавана вызначаюцца вытокі нянавісці Зялёнай Сажалкі, з улікам чаго і ствараецца далейшы драматызм аповеду. Яго эпіцэнтрам выступае кульмінацыйная сцэна злачынства згаданай антыгераіні: “узьяла сваё слізкае павуцінне, спляла з яго цяжкі нерат, употайкі падкралася да крынічкі і ўскінула на яе... Апляла і забылася” [2, с. 3]. Заўважаецца цікавая асаблівасць: жадаючы правесці драматычную градацыю падзей, Дудараў не падае іх хуткай радаснай развязкі, а дэтальна апісвае доўгія пошукі Сінявочки. Як раней адзначалася, у гэтых эпізодах сцвярджаецца магістральная для твора ідэя значнасці ўсеагульнай дапамогі, падтрымкі ўсяго свету, звяроў і людзей. А вобразам дзяўчынкі і хлопчыка надаюцца асабліва адказныя мастацкія ролі, яны выконваюць функцыі выратавальнікаў палоненай крынічкі.

Фінал казкі, лаканічны па змесце і аптымістычны па сутнасці, пазбаўлены момантаў чытацкіх хваляванняў за гераіню: “Блакiтная свежая вадзiчка зноў заiскрылася пад Сонейкам <...> А вольная Сiнявочка зноў заспявала сваю вясёлую песеньку” [2, с. 5].

Элементы мастацкага псіхалагізму і фрагментарнага драматызму насычаюць і змест казкі “Мурзік і Піня”. Псіхалагічна ўдалым з’яўляецца, напрыклад, выкарыстанне магчымасцей так званага адцягненага партрэта героя. Пяшчотна-ласкавае вонкавае апісанне мышання падаецца не ў аўтарскай форме, а “вачыма” героя – сутнаска трансфармаванага асноўнага ворага – ката: “Мурзік трымаў у сваіх лапках пушысты камячок і адчуваў, як у таго спалохана б’ецца сэрца: тук! тук! тук! Маленькія вачаняткі, нібы бліскучыя кроплі, глядзелі жаласліва-жаласліва” [2, с. 6].

Сюжэт казкі авантурны, прыгодніцкі, тут выпрабавуюцца вынаходлівасць персанажаў, іх кемлівасць і шчырасць клопату аб іншых. Мастацкі стыль твора ўключае і шматвяўны камізм. Так, гульні герояў асацыятыўна прыпадабняюцца да дзіцячых даганялак. Наіўная рэцэпцыя персанажамі ўсіх падзей і саміх сябе яшчэ больш паглыбляе камізм сітуацыі, як і гумарыстычна сканструяваная пісьменнікам спаконвечная гульня-паляванне ў “кошкі-мышкі”, якая мадыфікуецца ў супрацьлеглы варыянт. Паказваючы ў казцы, што мышання

Піня палое на коціка Мурзіка, Дудараў, фактычна, сцвярджае, што дзіцячы свет – гэта іншая, альтэрнатыўная рэчаіснасць, усталяваная на новых імператывах, у многім больш літасцiвых і маральных.

Але пасля ідылічнай карціны шчаслівага забыцця ў гульні аўтар праводзіць сюжэтны паварот, драматычнае вяртанне да сапраўднасці – мышання трапляе ў пастку. І тут героям давялося праявіць існае сяброўства і найлепшыя душэўныя якасці, каб гісторыя шчасліва завяршылася.

Уступ наступнай казкі “Блакiтны праменчык” уяўляецца тыпова фалькларызаваным: “У залатога Сонейка было тры сыны. Тры яркія праменчыкі. Старэйшы – Белы, сярэдні – Ружовы і самы маленькі – Блакiтны” [2, с. 11]. Паказаныя ў экспазіцыйнай частцы тры сыны Сонейка ўспрымаюцца як народныя героі-царэвічы, носьбіты станоўчых ідэалаў і годных, стваральных спраў. Аўтарам пераканаўча раскрываецца жыццядайны і агульнасветавы характар дзейнасці старэйшых братоў. З гэтымі фактамі карэлюецца ў многім і драматычны базіс казкі: адчуванне выключнай місіі Белага і Ружовага промняў матывуе малодшага брата на доказ сваёй даросласці.

Паказваючы выключнае высакародства і максімалісцкую прынцыповасць Блакiтнага праменчыка, пісьменнік удала стварае персанажа, якім рэцыпіент пачынае захапляцца і якому пачынае суперажываць.

Актуалізацыі перманентнага драматызму ў казцы спрыяюць розныя прыёмы, у тым ліку зменены характар мастацкага канфлікту і самі перашкоды на шляху пратаганіста. Так, першы канфлікт паміж Блакiтным праменчыкам і яго роднымі быў шчасліва вырашаны, і маленькі герой сцвердзіў сябе ў высокай справе, знайшоў сябра і стаў для яго існым светачам надзеі. Адразу аўтар стварае новыя, фактычна, непераадольныя складанасці: “злы халодны вецер нагнаў на чыстае неба пахмурных чорных хмар. Яны шчыльнай сцяной павіслі над зямлёй, і ні старэйшы брат Белы праменчык, ні сярэдні Ружовы, ні сама мама Сонейка не змаглі праз іх прабіцца” [2, с. 17].

Улічваючы казачныя каноны, а таксама выключнасць і маральную непакіснасць “сонечных” герояў, чытач мог спрагназаваць далейшы ход падзей са шчаслівым фіналам. Аднак незвычайныя гісторыі Дударава “вырастаюць” з жыцця, дзе, безумоўна, ёсць месца казцы, але знайсці яе не заўсёды

атрымліваецца. У сваім імкненні дапамагчы сябру Блакітны праменчык здзяйсняе сапраўдны подзвіг: “Ён жа яшчэ быў маленькі і не ўмеў як след лётаць. З усяго разгону ўдарыўся Блакітны праменчык аб высокі пагорак і рассыпаўся на тысячы блакітных зорчак” [2, с. 19].

Для замацавання максімальнай вышыні чытацкіх суперажыванняў аўтар прыводзіць распачныя рэплікі братоў аб сумным выніку жыцця малодшага праменчыка: “Усё! <...> Цяпер ён назаўсёды застанеца на Зямлі. <...> І больш ніколі не пабачыць неба” [2, с. 20]. Псіхалагічнай інтэнсіфікацыі падзей спрыяе і рамантычны кантраст у апісанні антаганістычных канцэптаў *зямля–неба, сум–радасць*. Такім чынам узвышана і эмацыянальна маркіруецца ідэя дыялектычнай сутнасці жыцця, а з мастацкага пункту гледжання гэты прыём дазваляе пісьменніку больш аптымістычна завяршыць твор, бо ў высакародным учынку героя, у асабістым паражэнні за шчасце іншага заўсёды ёсць частковая надзея для астатніх і спадзяванне на лепшае.

Рамантычная прыўзнятасць, філасофская іншасказальнасць уласціва і для драматычных перыпетый у казцы “Пухнацік”. Менавіта тут прыпавесціны вектар малой дзіцячай прозы Дударава дасягае поўнамаштабнасці. Гісторыя жыцця пратаганіста – гэта алегарычна і казачна завуалёваная мадэль чалавечага існавання ў цэлым, падчас якога кожнаму трэба знайсці сваё прызначэнне ў свеце, адшукаць сям’ю і сяброў.

У структуры казкі “Пухнацік” выявілася традыцыйная для пісьменніка стылявая канстанта – прэпазіцыйнае апісанне пейзажнай замалёўкі, маляўнічай па лексічных сродках, эмацыйна светлай, пазітыўнай: “Ён нарадзіўся свежым ранкам у глыбокай горнай цяніне. Там, сярод цяжкіх валуноў, бруілася імклівая і неспакойная рачулка. Яе халодная празрыстая вада так білася аб каменне, што драбнюткія пырсткі высока ляцелі ўгору, кружыліся ў паветры і павольна асядалі... З гэтых пырсткаў ён і нарадзіўся. Бялуткі, кучаравы, з тоўстымі шчочкамі...” [2, с. 26].

У прыведзеным урыўку адчуваецца і некая асацыятыўнасць з крэатыўным працэсам з’яўлення першага чалавека. У лёсе любога жывога стварэння сам момант нараджэння ўжо з’яўляецца надзвычайна ўрачыстым і радасным, таму, думаецца, гэты факт у жыцці пратаганіста і набывае адпаведнае аўтарскае апісанне. Аднак пісьменнік глыбока адчувае

амбівалентную сутнасць існавання і верагодную зменлівасць шляху кожнага, таму пасля адзначанай прыроднай замалёўкі Дударавым прыўносіцца матыў-папярэджанне: “Толькі памятай, – з перасцярогай загаварыў дзядуля Туман, – ты ніколі не павінен плакаць... Ніколі! Ні ад крыўды, ні ад жалю... Як толькі заплачаш – усё” [2, с. 27].

Пачынаючы з экспазіцыйнага эпизода, пісьменнік распрацоўвае моцны драматычны ланцуг падзей, у ходзе раскрыцця якіх перманентна ўзрастае і псіхалагічная рэцэпцыя цэнтральнага персанажа. Яго шлях у свеце паступова мэтава ўскладняецца, бо герою, як вышэй адзначалася, трэба знайсці не толькі ўласнае месца сярод іншых, адшукаць сям’ю, але і адкрыць ісціну, праўду, пад якую, часам, падрабляецца зусім іншае. Так, адзінокі герой убачыў здалёк нібыта белае воблачка, роднае і доўгачаканае, але яно насамрэч аказалася ганарлівым папярковым Змеем, спагадлівым буслом, журботнымі рамонкамі. Пабачыўшы розныя праявы жыцця, Пухнацік пераканаўся, што варта самому пастарацца стаць для каго-небудзь бліжэй, стаць, як казаў герой, брацікам.

Фінальны эпизод казкі, дзе пратаганіст, ахвяруючы сабой, выраतोўвае пасохлыя кветкі, выступае драматычнай квінтэсенцыяй усяго апаведу. Высакародны і спагадлівы “Пухнацік заплакаў. Так шкада яму стала белых рамонаў, што ён забыўся пра папярэджанне дзядулі Тумана. Паліліся з яго кропелькі чыстай вадзіцы, кропелькі дажджу... Напіліся рамонкі ўдосталь, павесялелі, расправілі свае пялёсткі. А Пухнацік? Не, ён не знік. Ён ператварыўся ў лёгкую белую смугу над рамонкамі і ў кропелькі празрыстай расы <...> Той, хто робіць добрае, – ніколі не знікае” [2, с. 31]. Рамантычная ў сваёй аснове мастацкая кантраснасць (*заплакаў–павесялелі, знік–ператварыўся*) доказна падкрэслівае згаданую пісьменніцкую тэзу пра дыялектычную і рознапачатковую сутнасць Быцця. А апошні сказ, афарыстычна-дыдактычнай скіраванасці, правакуе кожнага рэцыпіента задумацца над уласным існаваннем. Як вынікае са зместу твора, чалавечае жыццё – імклівы палёт, палёт не бязмэтны, а накіраваны на пошук уласнага месца, на стварэнне сваёй сям’і, на памнажэнне добра ў свеце. Толькі такое існаванне – годнае, вечнае.

Як вядома, поўнае вырашэнне канфлікту ў казках з’яўляецца чакаемым і жаданым для маленькіх чытачоў, аднак Дудараў, думаецца, справядліва хацеў адзначыць, што ў

рэальнасці правільныя высокамаральныя рашэнні прымаюцца складана і часам маюць драматычныя наступствы для асобы.

Такім чынам, казкі пісьменніка маюць моцнае маральна-этычнае, дыдактычнае і псіхалагічнае ўздзеянне на свядомасць рэцыпіентаў. У незвычайнай прасторы твораў ствараюцца ўдалыя ўмовы і акалічнасці для праяўлення дзецьмі сваіх асобаснай і сацыяльнай мадэляў паводзін. Пісьменнік улічвае прагу маленькіх чытачоў да эскалацыі чарадзейных перыпетый у рэальнае жыццё і ідэнтыфікацыю сябе з любімымі пратаганістамі, таму ў казках Дударава дамінуюць станоўчыя цэнтральныя персанажы.

Пісьменнікам прапануецца толькі адзін прыклад галоўнага антыгероя – вобраз зайца з “Нахабніка”. Аднак і тут ёсць сапраўдны герой – сабака Цюпка, а не толькі камічны персанаж-трыксцер. Увядзенне ў казку асноўнага антыгероя матывавана і выхаваўчым аспектам самога дзіцячага жанру, бо прэтэнзія пратаганіста на звышважнасць сваёй асобы пры дапамозе камічных сродкаў мае супрацьлеглы вынік, дэманструючы існыя якасці зай-

ца, у тым ліку яго нахабства, неабгрунтаванае лідарства, псеўдааўтарытэтнасць. Таму ідэйна-мастацкі эфект ад данай казкі набліжаецца да “Шкодных парад” Р. Осцера. Вобразны антыпрыклад у казачным творы дазваляе рэцыпіенту зрабіць аб’ектыўныя высновы.

Заклучэнне. Казкі Аляксея Дударава ўяўляюць сабой арыгінальны мастацкі сінтэз, у межах якога паядналіся інтэрпрэтаваныя жанравыя традыцыі, канцэптуальныя філасофскія ідэі, маральна-этычны кодэкс паводзін сапраўднага чалавека, псіхалагічная пераканаўчасць персанажаў, адметная алегарычнасць падзей і вобразаў, глыбокі падзейны драматызм.

ЛІТАРАТУРА

1. Казбярук, У. “Зямля – аснова ўсёй айчыне” / У. Казбярук // Колас, Я. Новая зямля. Казкі жыцця: паэма, апавяданні / прадм. У. Казберука. – Мінск: Маст. літ., 2001. – С. 5–16.
2. Дудараў, А. Сінявочка: казкі / А. Дудараў. – Мінск: Юнацтва, 1981. – 32 с.

Паступіў у рэдакцыю 15.12.2014 г.

Прыняты ў друк 29.12.2014 г.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 18

Компьютерный дизайн

Л.Р. Жигунова

Корректор

Л.В. Моложавая

Подписано в печать 29.12.2014. Формат 60х84^{1/8}. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,02. Уч.-изд. л. 15,10. Тираж 100 экз. Заказ 191.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.